

GISAP:

HISTORY AND PHILOSOPHY

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
International Scientific Analytical Project

No1 | September 2013



Expert group:

Seville Ismailova (Azerbaijan), Bernhard Neumann (Germany),
Alexey Kononov (Kazakhstan), Marina Dedyulina, Valeriy Pavlovskiy (Russia),
Pak Sung Hoon (South Korea), Olivia Thatcher (UK)

Dear readers!

It is well known that philosophy is not a science literally, because of the variety of objects of its epistemological attention, the usage of a special methodology of cognition, substantial reliance on experimental or innovative conclusions, and also quite fuzzy criteria of verity of doctrinal teachings. Philosophy is a system of world outlook doctrines, organically reflecting not only the historical evolution of human consciousness, but its current state also. At the same time philosophy is the intellectual foundation of human society. Philosophical categories are literally woven into theoretical basis of all branches of science and determine the basic ideological vectors of their development. Finally, philosophy fills the most problematic areas of scientific knowledge with its creative content, compensating the existing gaps in knowledge of modern society by the logical assumptions, hypotheses and innovations.

History is one of the most important sciences that predefine the scale and dynamics of development of the informational foundation of human consciousness. It is interesting that despite formal status differences philosophy and history are very similar. History has a systemic impact on the development of all branches of science, information basis of which is formed by events (cumulatively) and by chronological synthesis of scientific facts. The historical sections are an integral part of the theoretical basis of any science. Historical examples often become methods of experimental overcoming of modern scientific issues.

However, the key aspect of the correlation between philosophy and history is in their indissoluble interconnection. The philosophy is saturated with the circumstances of historical development of human thought. Philosophical doctrines, in turn, directly determine the way the people think and the course of historical events.

Like the two-faced Janus, together philosophy and history control the time and direct the evolution of human thought, summarize social practices and form the ideology of the effective development of human society.

Thomas Morgan
Head of the IASHE International Projects Department
August 20, 2013



GISAP: History and Philosophy
Chief Editor – J.D., Prof., Acad. Pavlov V.V.

Copyright © 2013 IASHE

Design: Yuri Skoblikov, Helena Grigorieva, Alexander Stadnichenko

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE), 1 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom.

Phone: +442032899949, e-mail: office@gisap.eu, www: <http://gisap.eu>

- ! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without
- the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article.

CONTENTS

Дзюра А.И., Норильский индустриальный институт, Россия ЛОГИКО-ИНТУИТИВИСТСКИЙ КОНТИНУУМ КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ФИЛОСОФИИ НАУЧНОГО И МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ВЕРНАДСКОГО	2
Захарова А.В., Новосибирский государственный технический университет, Россия ОТРАЖЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ КАК СОИЦАЛЬНОГО КОНСТРУКТА	5
Коновалов А.П., Сухорукова Г.В., Семипалатинский государственный университет имени Шакарима, Казахстан Букашев Н.С., Средняя общеобразовательная школа № 22, Казахстан ИСТОРИЯ СЕМИПАЛАТИНСКОГО МЯСОКОНСЕРВНОГО КОМБИНАТА ИМЕНИ М.И. КАЛИНИНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	9
Svidlov U., Sidorenko A., Military Lyceum, Ukraine HISTORICAL DEVELOPMENT OF CADET MOVEMENT IN SUMY REGION	14
Трещалин М.Ю., Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», Россия НАЗНАЧЕНИЕ И МЕТОДИКА РАСЧЕТА ПИРАМИД	16
Шмелёва Е.В., Уральский Федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия ИЗ ИСТОРИИ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА: «ПАМЯТКА» О МИФЕ.	20
Stein J.K., Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Russia SIEVERS – THE ARISTOCRATS ON RUSSIAN AND SOVIET ELITE MILITARY SERVICE	22
Гольд О., Одесский Национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина AMERICANIZATION AS CONVERGENT PROCESS IN MODERN LIFE	29
Долгова В.И., Челябинский государственный педагогический университет, Россия СИСТЕМНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ	32
Куценко В.В., Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Украина ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ С. КЪРКЕГОРА	37
Rayev D.S., Tuleubekov A.S., Kazakh University of the International Relations and World Languages named after Abylay khan, Kazakhstan SOCIAL SPACE AND MODELS OF HUMAN ONTOLOGY	40
Стариков П.А., Сибирский федеральный университет, Россия ЛАТЕНТНЫЕ ФУНКЦИИ ТВОРЧЕСТВА	42
Степанова Н.М., Черкасский областной институт последипломного образования педагогических работников, Украина ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И КРИЗИС ДОВЕРИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА	46
Трещалин М.Ю., Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», Россия ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЦИФРОВЫХ СИМВОЛОВ ИОАННА БОГОСЛОВА	50
Hamze D.G., University of Plovdiv “Paisii Hilendarski”, Bulgaria SLAVONIC ANTIQUITIES WITH S AND SH/AN UNIVERSAL UNIT OF SACRUM AS AN APPEAL TO COMMONSENSE THROUGH CULTURES.	53
Черняк В.И., Национальный горный университет, Украина «СИСТЕМА» И «СИНТАГМА» КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ	57

Дзюра А.И.,
канд. филос. наук, доцент
Норильский
индустриальный
институт, Россия

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике

ЛОГИКО-ИНТУИТИВИСТСКИЙ КОНТИНУУМ КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ФИЛОСОФИИ НАУЧНОГО И МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ВЕРНАДСКОГО

В очередной статье в «Вестнике РФО» (2012), опубликованной под постоянной рубрикой «Глобалистика», проф. А.Н. Чумаков подчеркнул возросший интерес к учению академика В.И.Вернадского. Тем самым он подтвердил высказывание академика А.Е. Ферсмана (ученика, соратника и друга Вернадского), прозорливо предсказавшего в свое время: ещё «целыми столетиями» будут изучаться и углубляться гениальные идеи всемирно известного русского космиста, первооткрывателя ноосферы, обосновавшего роль ноосферного мировоззрения в понимании философии творчества поколений Homo sapiens [5, 8]. Прогноз А.Е. Ферсмана о гносеологической неисчерпаемости идей первооткрывателя ноосферы полностью оправдался: после кончины первооткрывателя ноосферы в России и за рубежом опубликованы не десятки – сотни научных работ на тему ноосферной феноменологии, но творчество предсказателя ноосферного будущего до сих пор до конца не исследовано, актуальность его и в наше время не теряет своей остроты. Высокую оценку бессмертных трудов классика русского космизма дал Президент России В.В. Путин в речи на Саммите АТЭС «Бизнес и глобализация» («Бруней, 2000). «Наш соотечественник Владимир Вернадский, – сказал Президент, – ещё в начале XX века создал учение об объединяющем человечество пространстве – ноосфере. В нем сочетаются интересы стран и народов, природы и общества, научное знание и государственная политика».

Ученые, занимающиеся изучением творческого научно-философского наследия В.И. Вернадского, по мере проникновения в его сущность, убеждаются, что когнитивный потенциал и диапазон очерченных проблем становятся все более крупномасштабными по мере углубленного изучения всех аспектов творчества. Не правы те обозреватели, рецензенты, критики, включая и некоторых приверженцев и последователей ноосферного учения, которые порой оценивают сложное творчество первооткрывателя «ноосферы» в «черно-белых» красках, дихотомически противопоставляя В.И. Вернадского-метафизика В.И. Вернадскому-«физику». Так, легковерно усваивая высказывание В.И. Вернадского в том смысле, что он-де не философ, а всего лишь натуралист, проф. Ф.Т. Яншина со своей стороны усилила «игнорирование» философии академиком: «Наука для него всегда была связана с изучением предметов и явлений реального мира. Философия этим не занимается, значит, она не наука» [6, 141]. Спорно, на наш взгляд, утверждение Ф.Т. Яншиной о том, что «В.И. Вернадский в своих философских воззрениях ближе всего был к неореализму» [6, 142]. Этот вывод опрометчиво сделан

на основании некритического прочтения монографии А.С. Богомолова [1, 3-368], а также изданной в 1912 г. в Великобритании книги «Новый реализм» за авторством английских философов Р. Перри, У. Марвина, Э. Холта, У. Монтегю, У. Питкина и Э. Сполдинга и их же «Программы и новой платформы шести реалистов» (1910) [6, 142]. Исследователи, анализирующие труды В.И. Вернадского по истории развития науки в России и в мире, почти не замечают специфики того исторического феномена, на который первооткрыватель ноосферы, напротив, обратил именно особое внимание. В.И. Вернадский делает интересное сравнение: по его мнению, творчество Платона Афинского (Древняя Греция), как и творчество Тита Лукреция Кара (Древний Рим), с одной стороны, характеризуется выраженным философским рационализмом, поскольку они десятки веков назад были вписаны во всеобщую историю как мудрецы-философы, а античная натурфилософия считалась «наукой наук», сплошь пронизанной познавательным методом *ratio*. С другой стороны, философскому рационализму Платона и Лукреция, опиравшихся в своих творческих поисках

один на греческий *logos*, другой – на римский *ratio*, был не чужд и *интуитивизм* с его тонким мироощущением, полетами творческого воображения и поэтической фантазии. Именно поэтому Платон остается поэтом в его знаменитых Диалогах, а Лукреций в стихотворной форме создает философскую поэму «О природе вещей».

В.И. Вернадский, гармонично соединивший в своем творчестве логику ученого с интуитивным воображением философа, особо обращает внимание на синтез *logos*, а и *intuitio* в натурфилософских произведениях античных мыслителей. (Диалектика двух начал – рационализма и философского интуитивизма – характерная особенность творчества не только В.И. Вернадского, но и его ортодоксальных последователей, например, А.И. Субетто). Интересно, что уже в юности однокурсник В.И. Вернадского по Петербургскому университету И.М. Гревс зорко заметил, что во студенчестве «Володя был определенно выраженный, очевидно очень талантливый будущий научный исследователь, натуралист-экспериментатор, но с философским складом ума...» [4]. Прозрение И.М. Гревса воплотилось в жизнь. Начало XXI тысячелетия увенчалось проявлением углубленного научного

интереса к творческому наследию В.И. Вернадского, в том числе к так называемому **ноосферному реализму** (понятию, введенному в научный оборот д.ф.н., проф. В.Н. Василенко). Ноосферный реализм медленно, но верно, судя по крепнущему к нему интересу естествоиспытателей и гуманитариев, становится современным актуальным направлением, имеющим свои глубокие лингво-этимологические корни и предпосылки. На самом деле эти корни генетически простираются глубоко в историю, в XIX век, когда яркий представитель «русского космизма» Н.Ф. Федоров в 1848 году обосновал необходимость постижения понятия *интеллектосферы*. Философия современного ноосферизма, развивающаяся интенсивно и экстенсивно благодаря усилиям проф. А.И. Субетто, инициатора «вернадскианской революции», успешно и широко исследуется в России (и не только) как представителями естествознания, так и представителями гуманитарных, философских, социологических, социально-политических наук. В результате и сегодня живы традиции русских космистов. Начатая в XIX веке космо-ноосферная когнитивно-гносеологическая «одиссея» отнюдь не прервана, а успешно продолжает свой победоносный путь в науке XXI столетия. В этом убеждаешься, судя по плюрализму понятий, лингвистически и эпистемологически близких к понятию «ноосфера». Это видно по широкому использованию в научных сборниках и монографиях терминов, близких по смыслу с понятием «ноосфера» – таких, как *«интеллектосфера»* (Н.Ф. Федоров), *«антропосфера»* (Д.Н. Анучин), *«пневматосфера»* (П.А. Флоренский), *«психосфера»* (А.Л. Чижевский), *«ноосферогенез»* (М.Ю. Шишин), *«геобиосоциосфера»* и *«триосфера»* (А.Н. Чумаков), а также *«антропоноосфера»*, *«культуросфера»*, *«антропосоциосфера»*, *«бионоосфера»* и т.п. Наряду с подобными терминами, уже не новым, а привычным в литературе по ноосферной проблематике становится научное понятие «ноосферный социализм» (А.И. Субетто). Не будет ошибочным вывод, гласящий, что и *ноосферный социализм*, и *ноосфер-*

ный реализм – это и есть *рационализм в познании диалектики соотношений Homo Sapiens и соционоосферы*, притом *гуманистический рационализм*, принципиально отличающийся как от классического рационализма и эмпиризма (сенсуализма), так и от самых разнообразных форм неклассического рационализма и иррационализма, равно как и от философского структурализма или новомодного модернизма.

Описанный в античной литературе т.н. «демон Вернадского» на фоне более известного «демона Сократа» не случайно явился В.И. Вернадскому, пережившему однажды сильнейший подъем творческого вдохновения, в чем он признается в сборнике воспоминаний «Пережитое и передуманное». Все познается в сравнении, поэтому имеет смысл, углубляясь в культуру седой античности, исследовать связь между «демоном» Сократа и «демоном» Вернадского, хотя творчество обоих мыслителей разделено почти двумя с половиной тысячелетиями. Оказывается, нет, не «чистым» историком науки и не «чистым» эмпириком (как порой ошибочно интерпретируют исследователи творчества родоначальника учения о ноосфере) был и остается В.И. Вернадский. На самом деле можно привести много примеров, убеждающих в обратном. Напрашивается вывод, который сформулируем вопреки выводам проф. Ф.Т. Яншиной: в действительности первооткрыватель ноосферы, выдающийся «архитектор» синтеза «физических» и «метафизических» знаний в ряде своих фундаментальных трудов по всеобщей истории науки, в работах, посвященных анализу проблемы «симметрии в науке и философии», в исследованиях о Ломоносове, Гете [3], Канте, фактически выходит далеко за пределы исследовательского поля «ученого-натуралиста» и по примеру древнегреческих философов активно вторгается в неизведанные области метафизических (онтологических, гносеологических, эпистемологических, аксиолого-эстетических) проблем, тесно связанных с *ноосферогенезом творчества Человека разумного (Homo Sapiens) как субъекта ноосферы Земли* [2].

Иначе, чем его предшественники, взглянул В.И. Вернадский на античных философов, сочетавших в одном лице и мудрецов и поэтов. Таковыми были в античности, как полагал В.И. Вернадский, не только грек Платон и римлянин Лукреций – таким был в иные времена и Гете. Что касается отношения первооткрывателя ноосферы к классическому немецкому романтизму, то в согласии с принципом «подобное стремится к подобному», натуралиста XX в. Вернадского потянуло к натуралисту конца XVIII – начала XIX века Гете. Удивительно соединивший в своем творчестве ученого и поэта, Гете, по воспоминаниям его современников, повторял в качестве личного творческого кредо гегелевские слова: «Забыли, что наука первоначально развивалась из поэзии». Научные дискуссии по поводу специфики творчества первооткрывателя ноосферы – закономерный процесс. На вопрос о том, противопоставлял ли академик творчество рационально-логическое (понятийное, научное, концептуальное) творчеству философскому (метафизическому) отвечает сам В.И. Вернадский. Вот его слова, взятые из произведения 40-х годов XX в. «Мысли и замечания о Гете как натуралисте»: «Сам Гете был проникнут – многократно и многокрасочно это высказывал – сознанием нераздельности и близости художественного и естественнонаучного творчества. Это был натуралист-художник, который отражал свою научную работу в своем художественном творчестве и ясно сознавал *неразрывность художественного и научного охвата природы*» [3, 246]. Под стать Гете В.И. Вернадский как в своих фундаментальных трудах, так и в дневниках и письмах фактически примирят диспуты горячих оппонентов, критиков, рецензентов, принимавших участие по сути в беспредметных, бессмысленных дискуссиях относительно того, «уместно» или «неуместно», «корректно» или «некорректно» естествоиспытателю, каким был и он сам (то есть не поэту, не художнику, не тому богемному творцу, который тяготеет к жанру «изящных искусств»), – короче, допустимо ли «сугубо «чистому» ученому, помимо «дозволенного»

холодно-рассудочного, бесстрастно-логического дискурса «снисходить» до уровня якобы несвойственного амбициозной науке эмоционально-психологического мышления с его метафоричностью, экзистенциально-психологической и художественной образностью. Этот вопрос, кстати, взрослея и мужая, будущий академик нередко сам задавал себе в своих дневниках и мемуарах. Предоставим возможность самому эмпирическому «рационалисту-натуралисту» дать ясный ответ на вопрос, разделены ли китайской стеной классический философский рационализм и сенсуализм. Предоставим для того, чтобы утвердиться в следующем выводе: и у творцов искусства, и у философов-рационалистов вдохновенная интуиция и разум нередко выступают в неразрывном органическом средстве, сходном с эйнштейновским принципом континуальности Вселенной, усвоенным космологией и астрофизикой как закон *пространственно-временного континуума*. Как видим, феноменология творчества философствующего физика Эйнштейна в данном контексте, фигурально выражаясь, в чем-то изоморфна (чтоб не сказать – *конгенитальна*) феноменологии творчества философствующего натуралиста

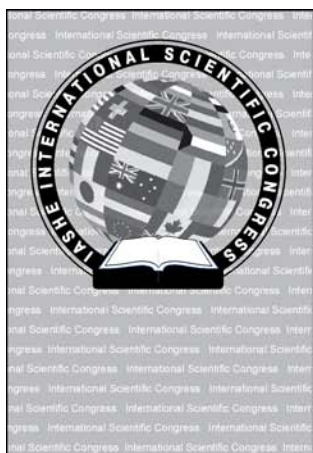
В.И. Вернадского, который не только не воспрещал, но, сверх того, поощрял диалектическое соединение логоса и интуиции в едином креативном процессе. «*Интуиция, вдохновение – основа величайших научных открытий*» – в этом был глубоко убежден В.И. Вернадский, о чем многократно заявлял и в фундаментальных трудах, и в письмах, дневниках, воспоминаниях.

Подводя итог ноосферному реализму творчества В.И. Вернадского, мы видим, что, с одной стороны (в онтологическом плане) это творчество очерчивает собой перспективы дальнейшего развития прогрессивных идей *русского космизма* (Циолковский, Чижевский, Флоренский, Федоров, семья Рерихов, Казначеев, Моисеев, Урсул, Субетто, Василенко и др.); с другой стороны, ноосферная методология познания объединяет труды В.И. Вернадского с лучшими произведениями гениев, подобных Гоббсу, Гете, Ломоносову, Эйнштейну, Менделееву, Дираку. Ноосферная методология сводит воедино линии сходства творчества В.И. Вернадского с лучшими творениями целой плеяды русских философов, утвердившихся в области теософии – например, Вл. Соловьева, Юшкевича, Шпета, Лапшина,

Лосского, Лосева, Вышеславцева, которые не только не противопоставляли логику научного творчества и интуицию философско-эстетического и художественного творчества, но и соединяли их в *единое пространственно-временное культурно-творческое пространство*, сущность которого не менее глубока, чем в космологии феномен пространственно-временного континуума А. Эйнштейна.

Литература:

1. Богомолов А.С. Философия англо-американского реализма. – М.: Политиздат, 1962. – 368 с.
2. Вернадский и биосфера / Вернадский; предисловие Р.К. Баландина. – М.: Айрес-пресс. – 2007. – 586 с.
3. Вернадский В.И. Мысли и замечания о Гете как натуралисте // Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981. – 420 с.
4. Гревс И.М. // Былое. – М., 1921. – № 16.
5. Ферсман А.Е. Избранные труды. Т.У. – М., 1958.
6. Яншина Ф.Т. Развитие философских представлений В.И. Вернадского. – М.: Наука, 1999. – 144 с.
7. Iichten H. la sagesse de Goethe. – Paris. – 1933.



INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONGRESS

Multisectoral scientific-analytical forum for professional scientists and practitioners

Main goals of the IASHE scientific Congresses:

- **Promotion of development of international scientific communications and cooperation of scientists of different countries;**
- **Promotion of scientific progress through the discussion comprehension and collateral overcoming of urgent problems of modern science by scientists of different countries;**
- **Active distribution of the advanced ideas in various fields of science.**



For additional information please contact us:
 www: <http://gisap.eu>
 e-mail: congress@gisap.eu

Захарова А.В.,
ст. преподаватель
Новосибирский
государственный
технический университет,
Россия

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства по
научной аналитике

ОТРАЖЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ КАК СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТА

В статье сделан анализ историографических источников XIX – начала XX вв. по российско-китайской границе на основе постмодернистской лимнологической концепции, в которой граница рассматривается как особое социальное представление, целостная структура различных элементов: этнической, национальной, экономической, военной, административной и других территориальных идентичностей.

Ключевые слова: историография, государственная граница, лимнология, социальный конструкт, Россия, Китай.

The article presents analysis of historiographic sources of XIX – beginning of XX centuries on the Russian-Chinese borderline on the basis of postmodernist limological conception in which the border is considered as a special social representation, complete structure of various elements: ethnic, national, economic, military, administrative and others territorial identities.

Keywords: historiography, borderline, limology, social construct, Russia, China

Государственная граница на протяжении длительного периода была объектом специальных исследований, и к настоящему времени уже сложилась традиция описания границы и приграничных проблем. Существует мнение, что история человечества – это история войн, целями большинства которых были пересмотр границ. И для оправдания территориальных притязаний и требований изменения границ государствам необходимо было их обоснование. В данной статье речь пойдет главным образом об исследовании приграничной территории Российского и Китайского государств в XIX – начале XX веков отечественными авторами. Мы полагаем, что историографии российско-китайской границы несмотря на обилие фактического материала не достаточно осмысления конкретных лимнологических концепций и возможности применения их для структурирования материала. Цель настоящей работы – анализ специфики отечественной историографии XIX – начала XX вв. в аспекте постмодернистской концепции лимнологии о российско-китайской границе как «социальном конструкте».

Необходимо отметить, что лимнология еще в XIX веке предложила теоретические рамки для изучения процессов формирования и эволюции международных границ. К числу традиционных подходов принадлежат ис-

торико-картографический, классификационный, функциональный и географо-политологический [20, С. 44]. Отечественные исследователи XIX – начала XX веков российско-китайского пограничья работали в рамках первого подхода, сформулированного на рубеже XIX–XX вв. Ж. Анселем, И. Боуманом. Существенной особенностью этого этапа изучения границ являлось накопление эмпирических данных, картографирование экономических и социальных структур в приграничных регионах, а так же комплексное (фрагментарное) изучение и описание границы. Традиционные подходы в лимнологии объясняют существование государственных границ политическими факторами, трактуя их как отражение военной, экономической и иной мощи соседних стран. Граница очень долго в отечественной историографии понималась как «фиксированная на местности линия».

В современном научной среде происходит трансформация теоретических основ лимнологии, и в свете новых концепций необходимо пересматривать изыскания XIX – начала XX веков. Из многообразия постмодернистских подходов, возникших в основном в 1990-е годы и в начале XXI века, важными для данного исследования является подход, в котором граница определяется как некое социальное представление [20, С. 47]. Осознание того факта, что граница

перестала быть просто линией на местности, а стала особым социальным конструктом, в котором находит отражение прошлое и настоящее состояние общественных отношений, и воспринимается как целостная структура, сочетающая этническую, национальную, экономическую, военную, административную и другие территориальные идентичности, дает возможность по-новому классифицировать работы исследуемого периода.

В целом нами было выделено 476 историографических источников XIX – начала XX веков, в которых характеризуются те или иные аспекты формирования, развития и функционирования российско-китайской границы.

В качестве основных элементов «социального конструкта» – государственной границы России и Китая были выявлены следующие: 1) «особая линия» на местности; 2) система обеспечения безопасности; 3) административное устройство; 4) экономическое сотрудничество; 5) межэтнические отношения. В целом эти структурные компоненты границы трансформируются в соответствующие тематические блоки, которые можно выделить в историографических источниках:

1) демаркация и делимитация границы (описание процесса заключения договоров между Россией и Китаем, проведение работ по разграничению);

2) военные вопросы (система охраны границы, военные столкновения и конфликты на приграничных территориях);

3) административное устройство (описание местной власти, специфика сотрудничества двух систем на «периферии» государств);

4) экономическое развитие пограничной территории (специфика хозяйствования, освоения территорий, а так же межгосударственная торговля);

5) этнические вопросы (особенности этнического взаимодействия, а также протекание межэтнических конфликтов).

В результате анализа историографических источников XIX – начала XX вв. нами составлена таблица, отражающая количественное соотношение тематики работ, посвященных границе (см.: Табл. 1).

По нашим наблюдениям, в XIX – начале XX веков вопрос о проведении линии-границы был не востребован. Специфичен также факт, что несмотря на обилие проводимых переговоров и подписываемых договоров и протоколов между Российским и Китайским государствами, в этот период данная тема почти не интересовала исследователей (14,5%), меньшая часть из которых была посвящена только делимитации и демаркации границы (45,4%), а в других работах эта тема поднималась как необходимое обоснование дальнейшего описания интересующих вопросов. Среди отдельных вопросов поднималась тема предшествующих переговоров о разграничении в XVII–XVIII веках [33, 4, 32 и др.]. Причем не только сами перегово-

ры о проведении границы и установление торгового обмена между двумя государствами интересовали исследователей, например, посольство Ф.Головнина и подписание Нерченского договора, но и другие вопросы, среди которых можно выделить проблему «перебежчиков», неоднократно мешающую устойчивым торговым отношениям [См., например: 4, С. 292-295].

Современные для исследователей договоры, т.е. середины XIX – начала XX вв., в еще меньшей степени, чем предшествующие становились предметом научного интереса. Исследование М. Венюкова можно разделить на две части: в первой характеризуется «история сношений» [9, С. 3-25], а во второй – действующие договорные положения по следующим вопросам: 1) разграничения; 2) взаимным отношениям правительств и народностей; 3) пограничным сношениям; 4) устройству миссий; 5) устройству сообщений; 6) торговле [9, С. 26-55]. В отличие от М. Венюкова, А. Буггевден в своей работе не проводит исторических изысканий, а подробно описывает не только дипломатические переговоры конца 1850-х гг., но и сложившуюся ситуацию в Китае в этот период, делая акценты на положении как русского дипломатического корпуса, так и на положении дипломатических корпусов союзников [8]. Особо необходимо отметить исследование, посвященное разграничению памирских территорий и выхода из конфликтной ситуации в Средней Азии [3].

Государственная граница призвана очерчивать пространство, контролируемое членами какой-либо социальной или социально-территориальной

общности, ограничив права на эту территорию тех, кто к этой группе не принадлежит. Земли, по которым проводилась линия границы, не были исконным ареалом обитания ни одного из двух народов, чьи правительства решали судьбу этой территории, и именно поэтому наибольшее внимание исследователей XIX – начала XX вв. уделялось двум важнейшим вопросам: системе обеспечения безопасности и этническому взаимодействию (См.: Табл. 1). Акцент исследований может делаться на следующем:

1) коренные жители, их жизненный уклад, система хозяйствования, а так же история существования на этой территории [2, 30 и др.];

2) миграция китайцев на территорию России, их система хозяйствования [1, 28 и др.];

3) жизнедеятельность русских на китайской территории, торгово-экономические отношения [7, 15 и др.];

4) отношения с местным населением русских и китайцев на «своих» территориях [21, 13 и др.];

5) взаимоотношения русских и китайцев на «спорных территориях», а также их отношения с местными жителями [19, 25 и др.];

6) межэтнические конфликты на приграничных территориях [12].

Военные вопросы или система обеспечения безопасности являлась достаточно частым предметом для самостоятельного изучения, внутри него выделяется следующие темы:

1) общая структура охраны границы [10, 27 и др.];

2) присутствие военных частей на приграничных территориях, их описание [11, 14 и др.];

Табл. 1.

Распределение историографических источников XIX – начала XX вв. по тематическим блокам (%)

Тематические блоки	Всего	Тематическое распределение работ			
		одна тема	две темы	три темы	четыре темы
Демаркация и делимитация	14,5	45,4	21,2	24,2	9,1
Военные вопросы	50,9	19,8	27,4	38,8	13,8
Административное устройство	30,7	2,9	17,1	58,6	21,4
Экономическое развитие	41,2	30,8	26,6	27,7	14,9
Этнические вопросы	56,6	11,6	34,1	38,8	15,5
Работы по всем вопросам	4,4	–	–	–	–

3) Военные столкновения на «своей» территории [5, 29 и др.];

4) Погашение конфликтной ситуации на «чужой» приграничной территории [17, 24 и др.].

Необходимо отметить, что межэтнические вопросы и система безопасности нередко являются предметом изучения одного автора и представлены в одной работе. Третья проблема (регулярно) – либо экономическое развитие и система хозяйствования, либо административное устройство приграничной территории, это уже зависит от профессиональной деятельности исследователя: военный, торговый агент, путешественник – исследователь, государственный служащий особых поручений.

Среди многообразия историографических источников по вопросам безопасности и этнического взаимодействия необходимо выделить работу М.И. Венюкова, посвященную описанию русских границ в Азии [10]. Он впервые за предшествующий период ставит перед собой задачу целостного рассмотрения современного состояния приграничных территорий России и азиатских стран, при этом уделяет свое внимание «расширению русских пределов в Азии» в историческом аспекте [10, С. 1-37]. Мы считаем, что большую ценность в данной монографии представляет первая попытка разделения русской границы на особые участки, которые по своим сущностным характеристикам сильно отличаются друг от друга: Приморский край, Уссури и Амур, Манчжурия, Забайкалье и Халха, участок Алтае-Саянский, участок Чжунгарский, Тяньшаньская окраина, участок Нагорно-Туранский, Приаральское пространство, Туркмения [10, С. 38-41]. При этом сами характеристики участков выдержаны в следующей схеме: 1) положение и пределы участка; 2) топография; 3) климат и естественная производительность; 4) промышленность, промыслы и торговля; 5) способы сообщения; 6) население; 7) военный обзор. Тем самым можно отметить, что М.И. Венюков не воспринимает границу только как одномерную линию, а характеризует её как особый «социальный конструкт»,

в котором на основании его исследования можно выделяет четыре элемента: 1) «особая линия» на местности; 2) экономическое развитие; 3) межэтнические отношения; 4) система обеспечения безопасности.

Тема административного устройства как самостоятельный аспект изучения приграничных территорий России и Китая в меньшей степени, чем другие вопросы интересов исследователей XIX – начала XX вв., но при этом, как отмечалось выше, являлась дополнительным вопросом при описании системы охраны и межэтнических отношений, а также для осознания системы хозяйствования на той или иной территории. Среди работ посвященных только вопросу местного самоуправления можно выделить одну по административному устройству Китая [22]. Характерно, что изучение властных структур на периферии Российского государства было неостребовано, т.к. подразумевалось, что здесь та же система управления, что в центральной части империи, а Китайское административное устройство как некая «неизвестная» территория являлась предметом отдельного изучения.

В этой связи особо выделяется исследование Н.В. Богоявленского начала XX в., посвященное изучению одной из частей Китая – «Застенному Китаю». Предметом его исследования стали следующие характерные особенности функционирования границы, но в основном со стороны Цинского государства: 1) местные народы, проживающие на приграничной территории, их быт, социальное положение, экономическая деятельность (монголы [6, С. 22-24, 77-87], ойроты [6, С. 25-29], дунгане [там же, С. 49-58], киргизы [там же С. 71-76] и др.); 2) переселение китайцев на эти территории [там же, С. 30-48]; 3) взаимоотношения между различными этносами на приграничной территории, в том числе с русскими [там же, С. 88-93, 314-331]; 4) обустройство приграничных территорий [там же, С. 94-121]; 5) административное устройство [там же, С. 122-166]; 6) экономическая деятельность (торговля, промышленность, сельское хозяйство) [там же, С. 16-313]. Тем самым необходимо отметить, что

эта работа также как и мы рассматривает границу и приграничные территории как «социальный конструкт», элементами которого являются этническая, национальная, экономическая, административная и другие территориальные идентичности.

В работах по административному устройству и взаимодействию правительств российского и китайского государств выделяются несколько тем: а) описание структуры управления государства; б) специфика местной системы власти, в зависимости от обычаев коренного населения; в) взаимоотношения между органами местного самоуправления и жителями приграничных территорий; г) специфика сотрудничества и взаимообращений между местными китайскими и русскими чиновниками; д) особенности работы консульств на приграничных территориях соседнего государства.

Необходимо выделить следующие аспекты по экономическому взаимодействию на границе: 1) особенности приграничной и караванной торговли [16, 23 и др.]; 2) проблема портофранко, характерная для начала XX в. [напр.: 18]; 3) специфика хозяйствования на приграничной территории (сельское хозяйство, промышленность, промыслы) [26, 31 и др.].

Итак, в XIX – начале XX века существовала необходимость первичного сбора данных по приграничной территории Российского и Китайского государств, поэтому исследователи действовали и работали в ключе историко-картографического подхода. Они достаточно редко рассматривали границу как одномерную линию, а очень часто наделяли её свойствами «социального конструкта», сущность которого была сформулирована теоретической лимологией только на рубеже XX-XXI вв.

Литература:

1. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914. 215 с.
2. Африканов А.М. Урянхайская земля и её обитатели // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО, 1890. Т. 21. № 5. С. 34-59.
3. Б.Б. О двух договорах, заключенных между Россией и Китаем в 1879 и 1881 годах // Отголоски, 1881: № 10. С. 489-505.

4. Бандыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 года. Составлено по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной коллегии Иностранных дел в 1792-1803 году (1803г.). Казань, 1882. 565 с.

5. Барабаш Я.Ф. Записка об условиях, способах и средствах, обеспечивающих успех военных столкновений с Китаем в Приамурском военном округе // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1888. Вып. 30. 65 с.

6. Богоявленский Н.В. Западный Застенный Китай. СПб., 1906. 421 с.

7. Болобан А.П. Земледелие и хлебо-промышленность Северной Манчжурии. Харбин, 1909. 318 с.

8. Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. I. Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. 239 с.

9. Венюков М. Очерк старых и новых договоров России с Китаем. СПб., 1861. 59с.

10. Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873. 487 с.+прил 144 с.

11. Галкин. Современное состояние вооруженных сил в Восточном Туркестане // Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников. Приложения. Алма-Ата, 1988. С. 188-195.

12. Гейне А.К. О восстании мусульманского населения или Дунганей в Западном Китае. Военный сборник, 1866. № 8. С. 185-208.

13. Гребеньщиков А. Очерк заселения китайского Приамурья. Харбин, 1911. 26 с.

14. Громбчевский Б.Л. Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885г. старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области поручика Б.Л. Громбчевского. Новый Маргелан, 188(?) . 249 с.

15. Грум-Гржимайло Г.Е. Русская торговля в Китае вообще и в Чжунгарии в частности. М., 1910. 15 с.

16. Даттан А.В. Исторический очерк развития приамурской торговли. М., 1897. 132с.

17. Кадников В.С. Из истории Кульджинского вопроса // Исторический вестник, июнь 1911. № 124. С. 893-909.

18. Клитчоглу Г.И. К закрытию порто-франко на Дальнем Востоке. Благовещенск, 1908. 62с.

19. Коллояни А. Китайцы в Кашгарии. Верный, 1881. 9 с.

20. Колосов В.А. Политическая лимнология: новые подходы. // Международные процессы, 2004. Том 2. № 1 (4). С. 40-65.

21. Корнилов. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Ташкент: Типография штаба Туркестанского военного округа, 1903. 426 с.

22. Коростовец И. Административное устройство и чиновничество

Китая // Сибирский сборник, 1894. № 2. С. 112-209.

23. Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. 445 с.

24. Краснов П.И. Борьба с Китаем. Популярные очерки столкновения России с Китаем в 1901г. СПб., 1901. 121 с.

25. Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военной силы, промышленности и торговли. СПб., 1879. 435 с. + карта

26. Лежнин П.Д. Богатства Приамурья и Забайкальского края. Чита, 1912. 354 с.

27. Лобза П. Китайское войско в Маньчжурии. СПб., 1900. 146 с.

28. Панов А.А. Желтый вопрос в Приамурье. Историко-статистический очерк. СПб., 1910. 66 с.

29. Рагоза. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа. Хабаровск, 1891. 154 с.

30. Родевич Вс. Очерк Урянхайского края (Монгольского бассейна реки Енисея). СПб, 1910. 203 с.

31. Тове Л.Л., Иванов Д.В. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района. СПб., 1905. 231 с.

32. Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIXвека). М.: Типография Т. Машиновского, 1882. 304 с.

33. Шукин Н.С. Русско-китайская граница. 1891. 51 с.



Коновалов А.П.,
канд. ист. наук, доцент,
директор центра
социального мониторинга
и прогнозирования,
заслуженный деятель
науки Республики
Казахстан
Сухорукова Г.В., студент
Семипалатинский
государственный
университет имени
Шакарима, Казахстан
Букашев Н.С.,
учитель истории
и обществоведения
Средняя
общеобразовательная
школа № 22, Казахстан
Участники конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства по
научной аналитике

ИСТОРИЯ СЕМИПАЛАТИНСКОГО МЯСОКОНСЕРВНОГО КОМБИНАТА ИМЕНИ М.И. КАЛИНИНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье отражены основные результаты исследований истории становления и развития одного из крупнейших предприятий бывшего Советского Союза – Семипалатинского мясоконсервного комбината имени М.И. Калинина. Авторы показали обусловленность строительства «мясного гиганта» именно на территории Семипалатинска в 30-х годах XX века, а также его дальнейшую историю и вклад в годы Великой Отечественной войны, в послевоенное время. К сожалению, распад СССР отрицательно сказался на работе комбината. Однако в современности он восстанавливает свою мощь, выпуская высококачественную продукцию на основе исторически сложившейся рецептуры.

Ключевые слова: «мясной гигант», мясоконсервный комбинат, колбасы, консервы, жиры, кадры, мясо, скот, субпродукты, стахановское движение, разрыв хозяйственных связей, остановка производства, реанимация комбината.

The paper describes the main findings of research of history of formation and development of one of the largest enterprises of the former Soviet Union - the Semipalatinsk meat-packing plant after M.I. Kalinin. The authors showed the dependence of building "a meat giant" in the territory of Semipalatinsk in the 30-s of the twentieth century as well as its subsequent history and contribution during the World War II, in the postwar period. Unfortunately, the collapse of the Soviet Union had a negative impact on the work of the plant. However, today it recovers its strength, producing high quality products based on historical recipes.

Keywords: "meat giant", meat-packing plant, sausages, canned food, fat, personnel, meat, cattle, by-products, Stakhanov movement, rupture of economic ties, suspension of production, revival of the integrated plant.

Как известно, Казахстан к концу 20-х годов XX века существенным образом преодолел последствия жестокого джута 1921-1922 гг., когда большая часть скота погибла или была забита на нужды голодающего населения. Численность скота к 1930 году превысила 40,0 млн. голов и республика стала одной из крупнейших поставщиков мяса в бывшем СССР. Именно в связи с этим перед руководством страны встал вопрос о переработке мясного сырья и поставке для набирающих обороты промышленным регионам мясных продуктов питания. Для этого необходимо было строить мясоперерабатывающие производства. Начало этому в Казахстане положено возведением мясокомбината в г. Семипалатинск.

История строительства комбината на Иртыше берет начало с того, что губисполком в апреле 1925 года возбудил перед правительством ходатайство о постройке в Семипалатинске хладобойни. Но решение вопроса затянулось. Поэтому к выемке котлована для будущего мясокомбината строители смогли приступить только в апреле 1930 года [1].

Еще в 1929 году, прибывшая из Москвы специальная комиссия, провела тщательное обследование и установила: учитывая богатейшие пастбища и сенокосы, близость судоходной реки и железнодорожной ветки Турксиба, согласиться, что наиболее подходящим местом для строительства мясокомбината является левый берег р. Иртыш [2]. В том же году был готов общий план строительства Семипалатинского мясоконсервного комбината (СМКК) [там же].

В мае 1931 года на пустыре левобережья Семипалатинска начались

строительные работы по чертежам главного инженера мясокомбината И.П. Крупнова. К лету 1932 года были уже простроены первые промышленные корпуса мясозирового производства, холодильника и ТЭЦ №1 [3].

Комбинат помогали возводить посланцы многих промышленных центров страны – Москвы, Ленинграда, Баку, Киева, Минска и др. Свыше половины состава строителей были представители коренного народа, большинство из которых прибыли из аулов [4].



Фото 1. Семипалатинский мясоконсервный комбинат им. М.И. Калинин, 1974 г. Вид со стороны левобережной части Семипалатинска на главный вход и холодильники (ныне ТОО «Семипалатинский мясокомбинат»)



Фото 2-3. Котлован для постройки Семипалатинского мясокомбината и начало его строительства на пустыре левобережья, 1931 год (из фондов Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области)

5 ноября 1934 года комбинат был сдан в эксплуатацию. Об этом 16 ноября 1934 года газета «Прииртышская правда» сообщала, что «Наркомпищепром СССР принял в эксплуатацию Семипалатинский мясоконсервный комбинат. Директором комбината был назначен Р.М. Брун, являвшийся новатором производства и организатором стахановского движения» [5].

Для работы комбината потребовалось много квалифицированных кадров. Поэтому по решению из Москвы издано распоряжение управления кадров Мясохладостроя, которым директора Петропавловского,

Воронежского, Курганского, Полтавского, Ростовского на Дону и Бийского мясокомбинатов обязывались передать Семипалатинскому комбинату свыше 800 квалифицированных рабочих. С целью привлечения местных кадров заключены договоры с 62 колхозами. В числе первых работниц оказались З.М. Бекбулатова – из Чубартауского района, тогда Восточно-Казахстанской области, которая вначале прошла обучение, а затем длительное время работала на комбинате, основав одну из первых династий пищевиков – представителей казахского населения [4].

Как свидетельствуют источники, огромным было удивление московского инженера-технолога Козыренко, прибывшего в Семипалатинск для оказания помощи и предполагавшего, что работать придется с совершенно неподготовленными степняками: «Казахи, работавшие на войне, по своей квалификации и быстрому освоению процессов нисколько не уступали рабочим Московского мясокомбината... Я, признаться, поразились их способности быстро усваивать операции на сложных машинах» [5].

Торжественный запуск мясокомбината был приурочен к XXVII годовщине Великого Октября и состоялся 5 ноября 1934 года. В цехах и заводах к тому времени уже действовало около 4 тыс. единиц технологического оборудования, десятки километров подвесных конвейерных путей, 6 автоматических линий. Таким образом родилось одно из крупнейших предприятий пищевой промышленности с годовой пропускной способностью 250 тыс. голов крупного рогатого скота, 750 тыс. голов мелкого и 500 тыс. свиней. Ежедневно комбинат выпускал 120 наименований изделий,



Фото 4. Организаторы пуска и работы первой очереди Семипалатинского мясокомбината, 1934 г. На уникальном историческом снимке, слева направо: Первый ряд (сидят): второй – П.М. Меньшов, главный инженер мясокомбината; третий – И.П. Крупнов, главный инженер мясохладостроя; четвертый – П.С. Шубин, заместитель директора мясокомбината; пятый – М.О. Стакун, секретарь Семипалатинского обкома партии; шестой – С.М. Киров, секретарь ЦК ВКП(б); седьмой – Л.И. Мирзоян, секретарь Каз. крайкома партии; восьмой – Р.М. Брун, директор мясокомбината; девятый – М.Ф. Щеглов, начальник убойного цеха, председатель рабочкома. Второй ряд (стоят): первый – А.А. Дац, начальник сварочного цеха; второй – В.А. Синельников, главный инженер по монтажу (за М.И. Мирзояновым слева) И.А. Егоров, начальник ОРСа мясокомбината; шестой справа (стоит) Орымбай Балгозин, первый секретарь комсомольской ячейки (из Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области)

вырабатывал 250 тонн мяса, 20 тонн колбасных изделий, 40 тонн пищевых жиров, 150 туб. консервов. СМКК занял третье место в Союзе, после Московского и Ленинградского, – по общей мощности, первое – по переработке мелкого рогатого скота [6].

В 1935 году Семипалатинский мясоконсервный комбинат посетил Всесоюзный староста — Михаил Иванович Калинин. В городском архиве хранится одно из его высказываний: «Главное, чего вы достигли в своей работе,— это сколотили боевой, дружный, работоспособный коллектив. Труд творческий присущ только нашему, социалистическому производству. У нас работать на благо общества – значит, работать на себя. Следовательно, у вас, товарищи, имеется все необходимое, чтобы сделать свой комбинат передовым и показательным... Желаю вам самых больших побед!»[7].

4 декабря 1935 года Семипалатинскому мясоконсервному комбинату присвоено имя М.И. Калинина [там же].

В годы Великой Отечественной войны СМКК им М.И. Калинина внес свой, значительный вклад в разгром фашистов. С 1941 по 1945 год комбинат дал фронту и стране 103 470 тонн мяса, 20 тыс. тонн колбасных изделий,

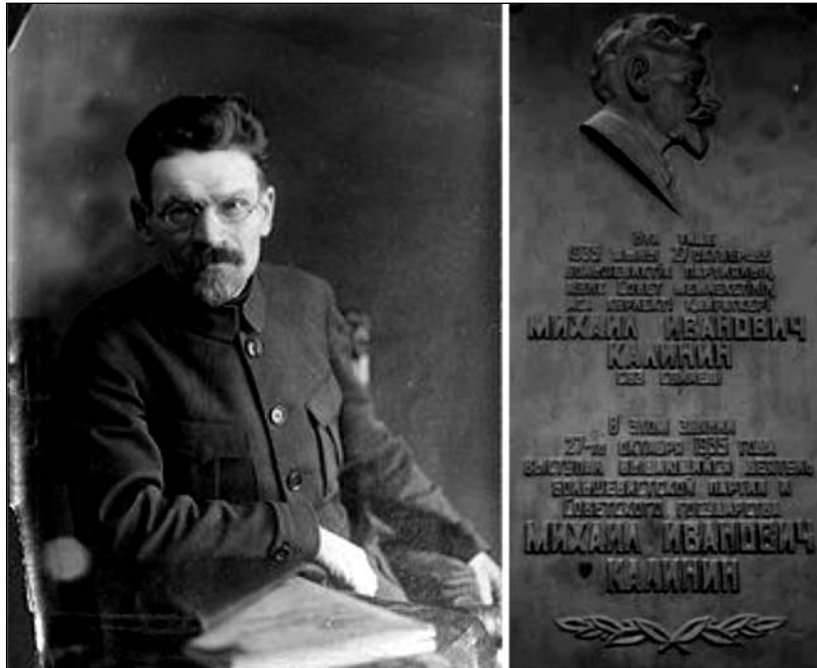


Фото 5-6. Михаил Иванович Калинин в Семипалатинске и Мемориальная доска в честь приобретения комбинатом имени М.И. Калинина (из газеты «Прииртышская правда» 1935 г., фото авторов)

100 млн. банок консервов, 18 344 тонны пищевых концентратов, на 18 млн. рублей медицинских препаратов, на 19 892 тыс. рублей спецфабрикатов, 7670 метров сухого кетгута, выработал 193 500 овчин для полушубков. Из личных сбережений комбинатовцы перечислили в Фонд обороны 3,8 млн. рублей [8].

За доблестный труд при выполнении заданий правительства по снабжению продуктами питания Красной Армии и Военно-Морского флота, как говорилось в Указе Президиума Верховного Совета СССР, награждена большая группа стахановцев, мастеров, инженеров комбината: орденом Трудового Красного Знамени – 4 человека, орденом «Знак Почета» – 5 человек, медалями «За трудовое отличие» – 6 и «За трудовую доблесть» – 20 человек. [8].

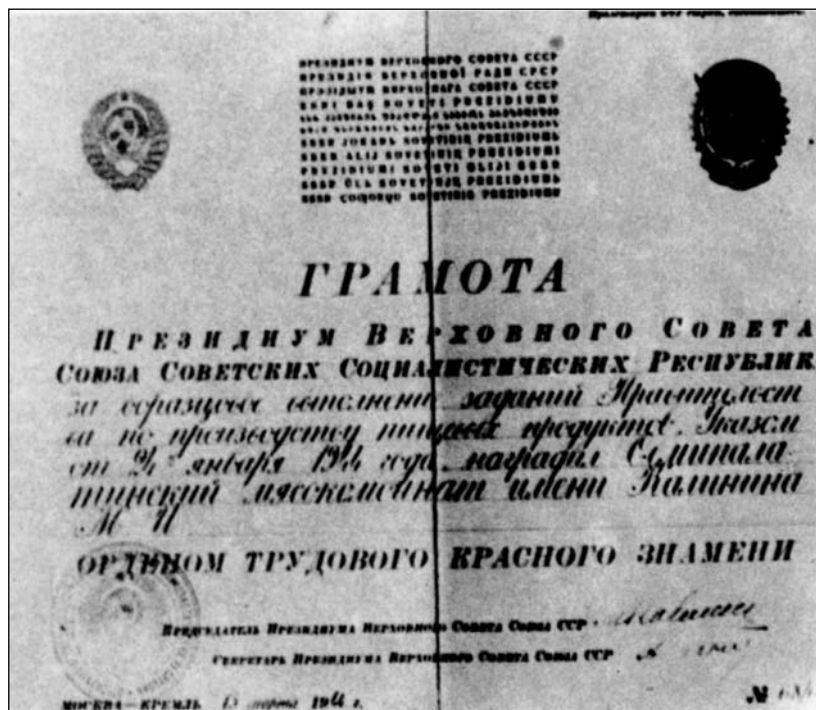


Фото 7. Награда предприятия за выдающиеся успехи в помощь фронту 1944 г. (из фондов Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области)

В послевоенное время под лозунгом «Все для восстановления и развития народного хозяйства!» комбинат перепрофилировался на мирное русло. К 1954 году силами инженерно-технических работников, рационализаторов и передовиков производства была проделана большая работа по усовершенствованию техники и технологии: смонтирован новый конвейер для переработки мелкого рогатого скота, изготовлен скороморозильный аппарат для замораживания субпродуктов, построена и пущена в эксплуатацию первая очередь неохлаждаемого склада для зимнего хранения мяса, увеличен станочный парк ремонтно-механического завода: внедрены передовые технологии в процессе отделения мяса от костей, при формовке колбас. В результате комбинат ежегодно стал

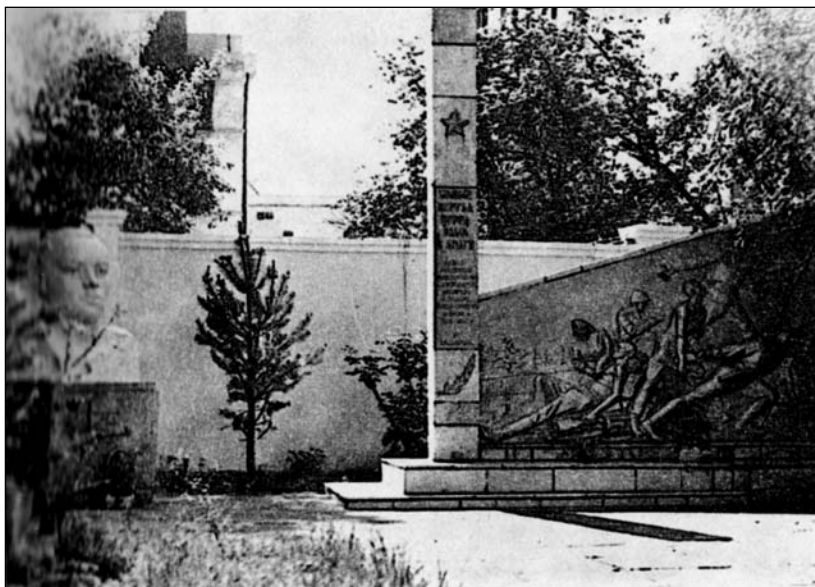


Фото 8. Мемориальный комплекс войнам – комбинатовцам, погибшим в годы ВОВ (фото авторов)

дополнительно выпускать 1900 тонн колбасных изделий, 1400 тонн условных банок консервов, 220 тонн пельменей, 84 тонны альбумина, медицинской продукции на 1,7 млн. рублей. Прирост продукции к началу 1956 года составил 36 процентов, в том числе по мясу – 24, колбасным изделиям – 32, консервам – 16 процентов. За эти годы производительность труда возросла на 32 процента, при росте заработной платы на 14 процентов [9].

В 1970-1971 гг. на Семипалатинском мясокомбинате стали внедряться более совершенные технологии. В результате в ассортименте завода медицинских препаратов появились инъекционные препараты во флаконах вместимостью 450 мл., – это гидролизин, растворы глюкозы, новокаин изотонический, натрия хлорид, таблетки «Холензим», порошки «Адиурекрин»,

медицинский панкреатин, пептон, пепсины, «Цитохром С», «Глюглицир», «Лидаза» и др. [10].

В истории СМКК им. Калинина имеются события, свидетельствующие о его значительном вкладе в проведение Олимпиады 1980 г. в г.Москва. В частности, им поставлено 2 млн. условных палок колбасы, 500 тыс. штук консервных изделий и 350 тыс. штук различных каш. За что СМКК был удостоен высшей награды Олимпийского комитета СССР «Бриллиантовая звезда» [10].

С распадом СССР ситуация на СМКК существенно изменилась. Разрыв хозяйственных связей, исчезновение обширного рынка потребления продукции свели на нет деятельность комбината. Закрылась большая часть цехов. Соответственно оказались внеудел, вначале сотни, а затем



Фото 9-10. 1970 г. СМКК. Новые линии по производству медицинских препаратов (из фондов Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области)

– тысячи работников. В аналогичной ситуации оказалась социальная сфера, которая поддерживалась комбинатом: зоны и дома отдыха, пионерские лагеря, жилищно-коммунальная сфера. Остался без содержания дом культуры с уникальным музеем СМКК. Остановка СМКК отрицательно сказалась на жизни населения, проживавшем в окрестностях мясокомбината. С учетом членов семей оставшихся без работы, деградации объектов соцкультбыта, учреждений образования и медицины в материальном и культурном плане пострадали не менее 60 тыс. человек.

Идеологические перемены обесценили некоторое, что почиталось в истории СМКК. В частности, демонтирован памятник М.И. Калинину, находившийся на площади перед комбинатом. Это обстоятельство по-разному воспринято среди общественности города. Известный историк-краевед В.Н. Кашляк оценил это событие некорректным по отношению к истории города и такому крупному предприятию как СМКК, давшему работу и доступ к культурным благам сотням тысяч жителей Казахстана. К тому же имеется и личный вклад М.И. Калинина в развитие Семипалатинска. К примеру, именно после его критических выступлений на партхозактиве в 1935 г. в левобережье Семипалатинска высажено более 300 тысяч деревьев и кустарников, что позволило превратить его в зеленый и экологически благоухающий район.

В ноябре 2001 г. производственная деятельность комбината была полностью остановлена, а технологические линии законсервированы. Решением Семипалатинского городского суда от 19 июня 2002 года Семипалатинский мясоконсервный комбинат признан банкротом [11]. Только в ноябре 2004 г. теперь уже ТОО «Семипалатинский мясокомбинат» возобновил свою работу.

В 2008 году ТОО «Семипалатинский мясокомбинат», с участием АО «КазАгрофинанс», реализован проект по модернизации производства на основе австрийского оборудования, стоимостью 1,2 млн. евро, что дало возможности увеличить производственные мощности в 2 раза и довести



Фото 11-12. Продукция, производимая на ТОО «Семипалатинский мясокомбинат» (из архива ТОО «Семипалатинский мясокомбинат»)



производство колбасных изделий, полуфабрикатов и деликатесов до 30 тонн в сутки. В ТОО «Семипалатинский мясокомбинат» используются традиционные рецептуры бывшего СМКК. В результате продукция современного комбината отличается высоким уровнем вкусовых свойств и большим спросом среди населения. В настоящее время ассортимент выпускаемой продукции комбината насчитывает более 50 наименований. К тому же ТОО «Семипалатинский мясокомбинат» является сегодня единственным предприятием в Казахстане, имеющим возможности для переработки мяса инфицированных животных на уникальном оборудовании [12].

Итак, в относительно короткие сроки на Востоке Казахстана вырос флагман мясной индустрии – одно из крупнейших мясоперерабатывающих предприятий бывшего СССР, которому суждено было существенно изменить облик казахской степи, преобразить жизнь тысяч и тысяч людей, а также продолжить традиции в изготовлении высококачественной мясной продукции.



Фото 13-20. Награды и сертификаты, офис управления ТОО «Семипалатинский мясокомбинат»



Литература:

1. ЦДНИ ВКО Р591, оп.1, д.1, л.1.
2. ЦДНИ ВКО Р591, оп.1, д.3, л.5.
3. ЦДНИ ВКО Р591, оп.1, д.16, л.3.
4. «Прииртышская правда», 1932, 21 июня
5. «Прииртышская правда», 1934, 16 ноября
6. ЦДНИ ВКО Р591, оп.1, д.23, л.26.
7. ЦДНИ ВКО Р591, оп.1, д.27, л.107.

8. ЦДНИ ВКО Р591, оп.2, д.30, л.3.
9. ЦДНИ ВКО Р591, оп.2, д.42, д.21.
10. «Казахстанская правда», 1981, 15 января.
11. Касенов А. Развитие или упадок в производстве мяса «Казахстанская правда» 2002, 15 июня.
12. Ишина Т. Качество и ассортимент-основа успеха на рынке / «Иртыш», 2008, 25 марта.

HISTORICAL DEVELOPMENT OF CADET MOVEMENT IN SUMY REGION

Svidlov U.,
Cand. of Military Sc.,
Director

Sidorenko A., M. Ed.,
Company commander
Sumy Military Lyceum,
Ukraine

Conference participant

Sumy Cadet Corps was one of the youngest in the Russian Empire, it was founded in 12 of December 1899 by decision of the Military Council and opened in 18 of January 1900.

The main building was set up by charity known Ukrainian sugar manufacturers – Kharytonenko family, which gave 50 acres of land and 500 000 carbovantsiv free to Military Office for construction Cadet Corps in Sumy.

The building was typical of all new buildings of that time, while it differed from them, it was especially luxury outside and inside. The building had own power, paved streets and sidewalks, a large parade ground. It was only one of the buildings in the Russian Empire, which had at its disposal such a large piece of land, gorgeous park and direct access to the river Psel.

The first director of the new Cadet Corps was inspector of 1st St. Petersburg Cadet Corps Colonel (later Lieutenant General) L. Kublytskyy-Piotuh, graduate of the Kiev military school. He was an experienced administrator and teacher and had to start a new school. Almost a year has been chosen pedagogical and educational composition of the Cadet Corps, provided construction of facilities and services.

Already in 31 of August 1900 began teaching for 61 students in temporary buildings. Commander of Kiev Military District Adjutant General M. Dragomirov and all the city notables took part in open of Cadet Corps. In the beginning of XX century Sumy was the deep province, so interest to Corps was exceptional

In the beginning of the 1902-1903 school year were already build the main building, two wing for caregivers, home for the director, office. At that time were formed two companies, in 1904 and 1906 were formed third and fourth companies.

In 1902 school year, the classes were conducted by full-time teachers and teachers from local high school. For the classes were perfectly equipped laboratory, chemical room, classrooms, library.

From the memoirs of many graduates, the staff mentors was “perfectly excellent” all subjects taught very well.

Since the opening of the Cadet Corps there was a lot of good teachers who love their job.

Important role in the learning process took military training. Military occupation regulated by the instruction “Regulations for military training sessions in the cadet corps” approved by military minister.

It consisted of theoretical and practical parts. The theoretical part of military training was in teaching certain military subjects, and in carrying out theoretical studies of senior companies. Practical lessons for junior mouth consisted of combatant training and gymnastics, for senior companies – marching, war walks, information about guns, shooting, gymnastics and fencing, swimming, topographic work.

Cadets performed a march of 16 miles, moving in four column with outpost. After 8 miles were organized halts, during which officers checked the health of students.

Much of the success of the educational process affected the second and last director of the Corps, Lieutenant General A. Saranchov. It was a rigorous and demanding leader, and at the same time – the humane and cultured person. He well versed in people and was able to find good officers and teachers. In memories of Cadets, “...we saw him in the arsenal, and in the kitchen, and in the hospital, and located at distance classes of drawing, chemistry, physics, history, on the parade ground, in the summer garden. Every student he knew by name, knew about his successes and shortcomings.”

The discipline in Cadet Corps was strict, from an early age cadet taught to order and cleanliness. The parents were able to monitor the progress, behavior and health of their children, in the case were made printed forms, in which teachers received marks, behavior, and all that things that in their opinion concerned the cadet. Completed forms sent to parents of cadets every week.

There were such kinds of punishment: kids remained without sweet dishes; were placed on the “fine”; for all – cancellation of vacation; lower marks; for senior – cooler. The most stringent punishment for cadet was removing of shoulder-straps.

In 1906, the chief of military schools Grand Duke K. Konstantinovich presented for the Sumy Cadet Corps the flag. It was the great ceremony, more than 800 people were there. For people of a small town it was a real holiday.

Cognitive and educational for the Cadets were trips to local sugar. In 1912 the Cadets visited the Borodino field and Moscow. Since 1906, Sumy Cadet Corps begins to publish the magazine “Cadet”, whose first issue was published on 15 of October. “Cadet” as students’ edition, fully consistent with its purpose: to give the public access to literary works of Cadets.

In 1916, during II World War, came to the Cadet Corps cavity of Polotsk junior cadet corps with their servants and remained in Sumy till the date of liquidation. In 1917, the was not issue, and in early 1918-th Corps was disbanded.

During the leadership of Ukraine Hetman P. Skoropadsky Cadet Corps was opened again and called Sumy military college. From Russian Empire arrived Cadets.

Pupils kept the old dress code, but without straps and Cap Badges. In the Cadet Corps entered the Ukrainian language.

Over the years, Sumy Cadet Corps has 11 full issues. Among his pupils may be called graduate of 1904, the author of the epic “Port Arthur” A. Stepanov. Students of Cadet Corps were brave soldiers on the fronts of II World War. Knowledge and experience of Cadet Corps were used during the Great Patriotic War by Colonel M. Neyelovym, he former the first Soviet Suvorov schools.

References:

1. The symbol of the world Kadetstvo return to the Sumy – electronic resource <http://www.ukr.aif.ru/society/news/46279>

2. Like the Sumy as I love ... – electronic resource <http://svaku.narod.ru/text/cadet3.html>

3. Sumy Cadet Corps. History of creation and organization – electronic resource <http://cadet.org.ua/history/emperors/19-sumskoj-kadetskij-korpus.html>

4. Sumy military lyceum – a powerful base for the Ukrainian army – electronic resource http://www.oblrada.sumy.ua/actual/4832-sumskyj-vijskovyj-litsej-potuzhna-baza-dlja-ukrajinskoji-armiji.html?format=html&Itemid=31&option=com_content&id=sumskyj-



WORLD RESEARCH ANALYTICS FEDERATION

Research Analytics Federations of various countries and continents, as well as the World Research Analytics Federation are public associations created for geographic and status consolidation of the GISAP participants, representation and protection of their collective interests, organization of communications between National Research Analytics Federations and between members of the GISAP.

Federations are formed at the initiative or with the assistance of official partners of the IASHE - Federations Administrators.

Federations do not have the status of legal entities, do not require state registration and acquire official status when the IASHE registers a corresponding application of an Administrator and not less than 10 members (founders) of a federation and its Statute or Regulations adopted by the founders.



If you wish to know more, please visit:

<http://gisap.eu>

Трещалин М.Ю.,
д-р техн. наук, проф.
Московский
государственный
технологический
университет
«СТАНКИН»,
Россия

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике

НАЗНАЧЕНИЕ И МЕТОДИКА РАСЧЕТА ПИРАМИД

В статье изложена точка зрения на пирамиды как на технические устройства, посредством которых реализуются энергоинформационные процессы. Приведены методика проектирования, основные формулы и расчет функциональных точек египетских пирамид.

Ключевые слова: пирамида, энергия, энергоинформационный обмен.

The article explains the views of the pyramids as the technical devices, which are realized through energy-processes. The methods of design, basic formulas and calculation of function points of Egyptian pyramids.

Keywords: pyramid, energy, energy information exchange.

Многочисленные исследования показали, что форма, масса и геометрические размеры пирамид обладают определенным энергетическим воздействием, получившим название «эффект излучения формы» или «эффект формы». Древние египтяне не только знали о таких свойствах пирамид и умели их использовать для достижения различных целей.

Рассматривая различного рода обоснования времени возведения египетских пирамид, интересно отметить точку зрения З. Ситчина, который на основании расшифровке древних шумерских текстов, считает, что Великая пирамида была в Египте еще в 8670 году до нашей эры, когда в нее вошел царь Нинурта [1]. Если допустить, что пирамида действительно существовала в указанное шумерами время, то наиболее вероятно, она была построена атлантами и имела совершенно другие размеры. Косвенным подтверждением этого мнения могут быть видения Эдгара Кейси [2]. По его словам, именно атланты строили египетские и южноамериканские пирамиды и многие из тех, кто покинул гибнущий материк, поселились в Египте, другие – на Пиренеях, Европе, Африке и Америке. На всех континентах существуют древние пирамиды или их развалины, возраст которых порядка 12 – 12,5 тысяч лет (как раз тогда произошла трагическая гибель Атлантиды). В связи с этим следует предположить, что египетские пирамиды созданы по тем же самым физическим принципам, что и пирамиды атлантов. При этом пирамидальные сооружения отражают энергоинформационные взаимодействия Земли и Солнца.

Ученые дают различные объяснения процессам и явлениям, обуслов-

ленным влиянием пирамид на окружающую среду.

Основываясь на результатах экспериментов А. Голод [3] трактует эффект, создаваемый пирамидой (формой пирамиды) следующим образом: «...Пирамида, построенная с соблюдением определенных правил и технологий, в зоне своей деятельности прямо либо опосредованно исправляет структуру Пространства, приближает его к состоянию Гармонии». Следуя позиции А. Голода логично предположить, что совокупность пирамид способствует гармонизации общества и природы, а также оздоровлению биосферы, что, однако, в настоящее время не наблюдается.

Согласно гипотезе А.И. Вейника, пирамида, при условии, что она будет ориентирована боковыми гранями по сторонам света, превращается в аккумулятор космической энергии или в хрональный аккумулятор [4].

Французские ученые Л. Шомери и А. де Белизал считают, что Великая пирамида использовалась в качестве передающей станции. Благодаря форме и огромной массе пирамиды, создается значительное энергетическое излучение, позволяющее с большого расстояния точно определить курс корабля в море или маршрут каравана в пустыне.

Как известно, энергия не появляется ниоткуда и не исчезает никуда. Следовательно, для формирования электромагнитного поля необходим энергетический источник. В связи с этим можно предположить, что пирамиды располагаются в узловых энергетических точках планеты. Энергия Земли в таких местах посредством пирамид передается в Космос в виде постоянного энергоинформационного потока. Тогда пирамиды являются своеобразными датчиками и ретрансляторами информации о энергетическом состоянии планеты Земля.

Вероятнее всего, пирамида воспринимает космическое излучение посредством боковых сторон в месте нахождения условных тетраэдров (рис. 1), а энергетику Земли через основание (крайние четырехгранные условные пирамиды).

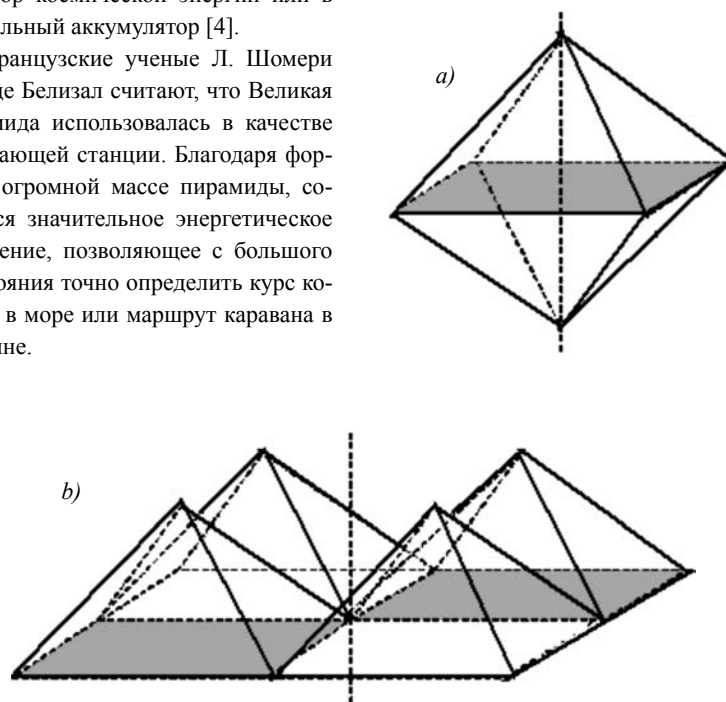


Рис. 1.

Подтверждением такого предположения является расположение условных пирамид по отношению к направлению движения энергетических потоков от источников (Космос или Земля). Во-первых, основания условных пирамид направлены под оптимальным углом относительно направления движения электромагнитных волн (для египетских пирамид угол наклона боковой грани к горизонту составляет $\sim 52^\circ$, при этом угол между осью тетраэдров и основанием пирамиды $\sim 26^\circ$). Во-вторых, условные пирамиды, по отношению к направлению движения энергетического потока от источника представляют собой конфузор (раструб, рупор), форма которого наиболее рациональна для восприятия (улавливания) любого потока (газа, жидкости, энергии). В частности, разница объемов в два раза (и, соответственно, площадей оснований), условных трех- и четырехгранных пирамид объясняется различием в параметрах электромагнитных волн (в первую очередь, длиной волны), при помощи которых происходит перенос энергии из Космоса и излучаемой недрами планеты Земля.

Энергетическим концентратором является октаэдр внутри пирамиды (рис. 1, а), образованный двумя условными центральными четырехгранными пирамидами. Следует отметить, что этот восьмигранник фактически энергию земли (источника) не получает, однако находится в электромагнитном поле, образованном крайними пирамидами-аккумуляторами (рис. 1b). Через каждую из четырех нижних граней энергия поступает в октаэдр, вследствие соприкосновения.

Сконцентрированная в пирамиде энергия направляется к вершине и излучается вверх, образуя собственное, весьма своеобразное, энергетическое поле в виде точно такой же, но перевернутой пирамиды. В результате образуются «пирамидальные часы», т.е. две одинаковые пирамиды, имеющие общую вершину, из которых нижняя материальна, а верхняя – ее фантомное зеркальное отражение, представляет собой энергоинформационное поле. Эти пирамиды различны и по своему смысловому значению: пирамида, расположенная вершиной вверх

символизирует жизнь, реальность, а вершиной вниз – смерть, потусторонний мир. Таким образом, «пирамидальные часы» символизируют понятия пространства и времени как бесконечности в единой целостности и многомерности.

С точки зрения системного подхода, обоснование и расчет геометрических характеристик пирамиды и, как следствие соотношения ее геометрических размеров, может быть проведено следующим образом.

Рассматривая пирамиду как техническое устройство, посредством которого реализуются энергоинформационные процессы, проектирование пирамиды целесообразно начать с построения окружности, диаметра D , центр которой находится в наиболее важной точке будущего строения (рис. 2).

Такой точкой является точка фокуса, определяемая пересечением перпендикуляра, проходящего через середину грани (апофемы) полной пирамиды, высотой $H_{\text{пол}}$, с вертикальной осью пирамиды. Расстояние от основания до точки фокуса:

$$C_0 = H_{\text{пол}} - [(a/2) / \cos(90^\circ - 51.8272923^\circ)] = 1.61803399 \cdot H_{\text{пол}} / 2,$$

где: $a = H_{\text{пол}} / \sin(51.8272923^\circ)$ – апофема грани полной пирамиды.

Вертикальное сечение пирамиды (треугольник) вписывается в окружность, диаметра D , таким образом, чтобы нижние углы и усеченная вершина находились на линии окружности. Геометрические размеры определяются исходя из отношения полной высоты пирамиды $H_{\text{пол}}$ к диаметру окружности D , равного $H_{\text{пол}}/D = 0.61803399$. При угле наклона грани 51.8272923° размер основания $L = H_{\text{пол}} / [\text{tg}(51.8272923^\circ) \cdot 0.5] = 0.971736548 \cdot D$. Точка фокуса, определенная через размер основания:

$$C_0 = [(D^2/4) - (L^2/4)]^{0.5} = 0.61803399 \cdot D - D/2.$$

Основываясь на анализе результатов измерений [5], геометрические характеристики пирамиды Хеопса по отношению к фокусу, в частности, уровни расположения Камер Царя и Царицы, определяются по следующим формулам:

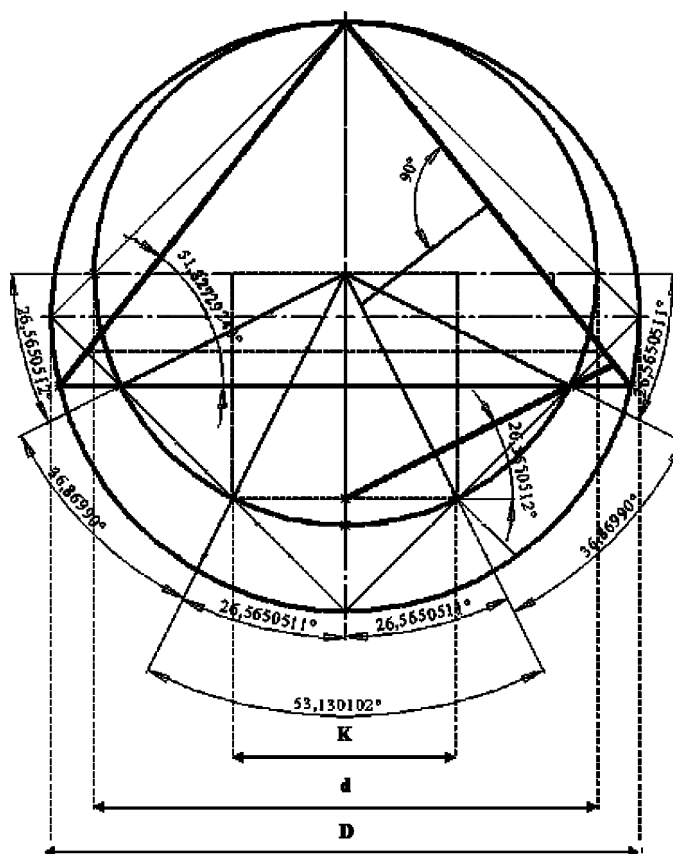


Рис. 2.

– нижняя точка (уровень Камеры Царицы):

$$C_Q = C_0 - H_{\text{пол}} \cdot 1.61803399^{-5}/2; \quad (1)$$

– верхняя точка (уровень Камеры Царя):

$$C_K = C_0 + H_{\text{пол}} \cdot 1.61803399^{-5}; \quad (2)$$

– высота усеченной пирамиды:

$$h = H_{\text{пол}} \cdot (1 - 1.61803399^{-6}); \quad (3)$$

– высота пирамидиона:

$$\Pi = H_{\text{пол}} - h = H_{\text{пол}} \cdot 1.61803399^{-6}. \quad (4)$$

Допуская продолжение пирамидального сооружения под землю, в соответствии с принятой схемой, возникает предположение о том, что существует три подземных уровня:

– первый, ограниченный нижней горизонтальной стороной квадрата К, вписанного во внутреннюю окружность, находится на расстоянии

$$h_1 = 0.5 \cdot K \cdot [(\Phi - 0.5) \cdot 2^{0.5} - 1];$$

– второй определяется следующим образом:

$$h_2 = 0.5 \cdot d + 0.38196601 \cdot D - H_{\text{пол}} = 0.190983 \cdot D;$$

– нижняя точка конструкции расположена на глубине:

$$h_3 = d - H_{\text{пол}} = 0.235519 \cdot D.$$

Как видно из приведенных формул, в основу расчета пирамиды положены числа ряда Фибоначчи:

$$1.61803399^m,$$

где: $m = -6, -5, -4, \dots, 7$.

При проектировании пирамиды, помимо угла $\alpha = 51.8272923^\circ$, необходимо задаваться либо значением D , либо величиной $H_{\text{пол}}$. В частности, вычисление геометрических размеров пирамиды Хеопса проводилось с использованием формул 1÷4 при условии:

$$D = 7.3.144605 \cdot n = 242.134585 \text{ м};$$

$$n = 11, H_{\text{пол}} = 0.61803399 \cdot D = 149.50405 \text{ м}; \text{ и}$$

$$K = D/(\Phi + 1) = 92.48718157.$$

Результаты расчета приведены в табл. 1.

Вычисленная полная высота пирамиды $H_{\text{пол}} = 149.5040503$ м составляет одну миллиардную часть расстояния от Земли до Солнца (~149.5 млн км). Помимо этого, отношение $D = 242.134585$ м и $(1 - 0.61803399) = 0.38196601$, равное $242.134585/0.38196601 = 633.9165755$ м. Можно предположить, что диаметр окружности D , в которую вписана пирамида Хеопса, символизирует средний радиус Земли ($7.3.144605519 \cdot (2 \cdot 144) = 6339.525$ см или 633.9525 м), посредством удвоения числа 144.

Точка фокуса C_0 , находящаяся в центре квадрата, вписанного в ту же окружность, диаметром D , что

Таблица 1

Геометрическая характеристика	Расчетная формула	Расчетные значения	Данные измерений (Tailor [1])
Угол наклона грани α	Задан	51°49'38.3" (51.8272923°)	51°49'57" (51.8325°)
Апофема грани полной пирамиды a	$H_{\text{пол}}/0.786151377$	190.172090	188.415
Длина основания L	$H_{\text{пол}} \cdot 2/\text{tg}(51.8272923^\circ)$	235.06563	232.867
	$2 \cdot K \cdot \Phi^{0.5}$	235.06563	232.867
Длина диагонали основания пирамиды	$2 \cdot K \cdot (2 \cdot \Phi)^{0.5}$	332.75176	–
Расстояние от основания до точки фокуса C_0	$0.61803399^2 \cdot H_{\text{пол}}/2$	28.55273	–
	$0.5 \cdot K \cdot (\Phi - 1)$	28.55273	–
Нижний уровень Камеры Царицы C_Q	$C_0 - H_{\text{пол}} \cdot 1.61803399^{-5}/2$	21.81235	21.19
Верхний уровень (высота) Камеры Царицы	$0.5 \cdot K \cdot (\Phi - 1)$	28.58011	21.19 + 6.23 = 27.42
Нижний уровень Камеры Царя C_K	$C_0 + H_{\text{пол}} \cdot 1.61803399^{-5}$	42.03351	42.98
Высота усеченной пирамиды h	$1.5 \cdot K$	138.7307724	137.5
Точка пересечения осей пирамиды и «вентиляционной шахты» Камеры Царя	$0.5 \cdot K$	8.33157	–
		10.91663	8.1÷9
Высота пирамидиона Π	$H_{\text{пол}} - h$	8.33157	8.1÷9
		10.91663	8.1÷9
		–	–
Глубина расположения подземных уровней	$h_1 = 0.5 \cdot K \cdot [(\Phi - 0.5) \cdot 2^{0.5} - 1]$	26.87395	30.7
	$h_2 = 0.190983001 \cdot D$	46.24359	–
	$h_3 = 0.235519401 \cdot D$	57.02739	–
Верхний уровень (высота) Камеры Царя по отношению к основанию	$h_1 + C_Q$	48,68629	42.98 + 5.844 = 48.824

и равнобедренный треугольник, имеющий углы при основании 51.8272923° (вертикальное сечение пирамиды), является определяющей при расчете пирамиды. Однако, в многочисленных материалах, посвященных изучению Великой пирамиды, в явном виде об этой точке ничего не сказано. Геометрические построения показали, что фокус располагается на двускатной крыше (высота по центру 6.23 м) Камеры Царицы.

Высота усеченной пирамиды может быть определена посредством окружности, с центром на вертикальной оси на уровне Камеры Царицы C_Q , радиус которой равен расстоянию от точки C_Q до нижнего угла пирамиды: $(C_Q^2 + 0.25 \cdot L^2)^{0.5}$. Таким образом, высота усеченной пирамиды вычисляется как сумма: $C_Q + (C_Q^2 + 0.25 \cdot L^2)^{0.5} = N_{\text{пол}} \cdot \{(1/\Phi^4) + [(1/\Phi^8) + (1/\Phi)]^{0.5}\} = 141.487589$ м. Учитывая то, что получилось три различных значения h (138.7307724, 141.17246 и 141.487589 м), представляется целесообразным считать первоначальную высоту пирамиды Хеопса равной 138.7307724 м, т.к.

этот вариант наиболее логичен с точки зрения общего подхода к проектированию пирамидального сооружения.

Уровень теоретического выхода «вентиляционных шахт», выходящих из Камеры Царицы на поверхность грани, определяется удвоенным расстоянием от подземного окончания сооружения до нижней границы Камеры Царицы $h_1 + C_Q$ и соответствует верхнему уровню (высоте) Камеры Царя.

По образу и подобию пирамиды Хеопса, проводится расчет основных геометрических характеристик пирамиды Микерина при условии: угол наклона грани 51.8272923° ; $D = 7 \cdot 3.144605 \cdot n = 110.061175$ м.; $n = 5$; $H_{\text{пол}} = 0.61803399 \cdot D = 68.021547$ м; сторона основания 106.95047 м; $K = D/(\Phi + 1) = 42.039628$.

Создание пирамиды Хефрена, имеющей высоту 143.87 м и длину стороны основания 215.2 м, базируется на пропорциях «египетского треугольника» с соотношением сторон 3:4:5 и углом наклона грани при основании $\approx 53^\circ$. Такой подход кар-

динально отличается от методов расчета пирамид Хеопса и Микерина. Что касается угла $\approx 53^\circ$, то «Папирус Ахмеса» свидетельствует, что древние проектировщики пирамид использовали прямоугольный треугольник с соотношением сторон 3:4:5 ($3 + 4 + 5 = 12$). При этом угол наклона грани составляет 53 градуса 08 минут (т.е. 53.1333°).

Литература:

1. Ситчин З. Войны богов и людей. ufosecret.ru/page_1051.html
2. <http://www.ng7.ru/nepoznannoe/123-yedgar-kejsi-iramydy.html>
3. Голод А. Строительство Пирамид: научные исследования и новые технологии www.abo.ru
4. Вейник А.И. Почему я верю в Бога. – Минск, изд. Белорусского Экзархата, 1998 (2000 – 2-е издание; 2002 – 3-е издание; 2004 – 4-е издание).
5. Пирамиды Египта – итоговый анализ данных. krizis.co.ua/main_egypt.php



Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov

International Academy
of Science and Higher Education

Шмелёва Е.В.,
студент,
Уральский Федеральный
университет им. Первого
Президента России
Б.Н. Ельцина,
Россия

Участник конференции
Национального первенства
по научной аналитике
Открытого
Европейско-Азиатского
первенства по научной
аналитике

ИЗ ИСТОРИИ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА: «ПАМЯТКА» О МИФЕ

Актуальной проблемой политического пространства России XVI в. является проблема презентации власти. Немаловажную роль в этом процессе сыграла деятельность Посольского приказа. Именно в этом ведомстве вырабатывались формы презентации царской власти, идеологические обоснования её статуса и легитимности. «Теория власти» в указанный период строилась на известных исторических сочинениях, подтверждающих древность и могущество русской династии правителей. Целью данной работы является введение в научный оборот нового исторического источника, его анализ и оценка.

Ключевые слова: Россия, Посольский приказ, презентация власти, инсигнии, идеология, титул, церемония.

Actual problem of the political space of Russia of the XVIth century is the problem of presentation of authorities. Posolskiy prikaz played an important role in this process. In this state structure were developed forms of presentation of the authorities, the ideological justification of its status and legitimacy. "Theory of power" in this period was based on well-known historical works, confirming the antiquity and the might of Russian dynasty rulers. The aim of this work is the introduction into the scientific spheres the new historical sources, its analysis and assessment.

Keywords: Russia, Ministry, the presentation of the authorities, the insignia, the ideology, the title, the ceremony.

Конец XV – начало XVI вв. – острое время в процессе становления царской власти в России. Изменение геополитического пространства, образование единого государства, крепнущее самодержавие требовали от носителей этой власти искать способы презентации, способы обоснования её легитимности, священности, древности и могущества. Шахматным полем для такого рода деятельности в России стало дипломатическое пространство позднего средневековья. Указанные временные рамки знаменательны тем, что именно в этот период формируется уникальный посольский обычай Российского государства. Посольский приказ стал своего рода «лабораторией идей», где вынашивалась и оттачивалась «теория власти» для применения её на практике. Царский титул, особый церемониал приёма послов, визуальные символы и регалии власти требовали идеологического подтверждения прав своего существования. Нередко методами действий служащих посольского ведомства были фабрикация регалий власти, складывание легенд об их получении для подтверждения легитимности монарха и статуса государства. Кроме того, к XVI в. посольское делопроизводство в России уже превратилось в отлаженный механизм, что позволяло служащим Посольского

приказа ловко манипулировать идеологическими схемами, выгодными в той или иной дипломатической ситуации. На случаи исторических споров Посольский приказ был обеспечен историческими сочинениями, которые при необходимости перерабатывались и пополнялись [1]. В настоящее время применение таких формул в практике посольского этикета изучено недостаточно подробно, поэтому автор ставит перед собой цель представить новый исторический источник, придать ему облик документа в современном смысле этого слова и проследить, какую роль мог сыграть такого рода источник.

В Российском государственном архиве древних актов в фонде «Исторические и церемониальные дела (1526 – 1829)» под номером 133 хранится документ, который носит название «Выписка о присылке царского венца и святых барм из Греции к великому князю Володимеру Всеволодовичу Мономаху» [2]. Найденный автором документ впервые вводится в научный оборот и привлекается к исследованию деятельности Посольского приказа в России в XVI в. Исследуя вопросы презентации царской власти в России XVI в. неизбежно приходится соприкасаться с уже известными историческими сочинениями, которые использовались элитой русского госу-

дарства для создания устойчивого и выгодного имиджа своей власти. Это и «Сказание о князьях Владимирских», и «Повесть о белом клобуке», и «Сказание о Вавилонском царстве». Факт использования этих мифологических сюжетов в сфере презентации признаётся бесспорным. Но сам процесс использования, прикладная сторона этого явления изучена недостаточно. Поэтому внимание автора и привлёк указанный выше документ. Уже из названия становится очевидной связь «Выписки» со «Сказанием о князьях Владимирских». В левом верхнем углу документа на первом листе указана дата – 6628 г. (1120 г.) [3]. На первый взгляд может показаться, что это дата составления самого документа. Но внешняя критика источника позволила достаточно ясно определить, что тип письма (скоропись) не позволяет относить данный источник к XII в. Кроме этого, документ хранится в фонде, где собраны документы за 1526 – 1829 гг. На основании этих фактов будет закономерным выдвинуть предположение, что документ был составлен гораздо позже, скорее всего в XVI в., когда сюжет «Сказания» был очень популярен и необходим для разрешения церемониальных, титулатурных и иных споров. Но вопрос о датировке событий в найденном документе всё же нельзя оставлять

без внимания. Как уже было указано выше, в источнике указывается 6628 г. (1120 г.), т. е. согласно «Выписке» именно эта дата является временем получения царских даров Владимиром Мономахом. На данном этапе работы с указанным источником представляется единственно возможным связать эту дату с условной серединой правления князя Владимира Всеволодовича Мономаха (1113 – 1125 гг.) Давно известно, что сюжет легенды не совпадает с реальными историческими событиями – адресантом царских регалий не мог быть Константин IX Мономах. Это подтверждает и сама «Выписка», датируя события 1120 г. Но в историографии, касающейся изучения «Сказания о князьях Владимирских», существует ещё одна версия об адресанте, приславшем царские инсигнии. Этим человеком мог быть византийский император Алексей I Комнин (1081 – 1118 гг.) [4]. Указанный факт подтверждается и летописями, например Киевским синопсисом. Но судя по годам правления, очевидно, что и он не мог сделать такой подарок русскому князю в 1120 г. Остаётся лишь сказать, что указанная в документе дата присылки регалий совпадает лишь со временем правления Иоанна II Комнина (1118 – 1143 гг.)

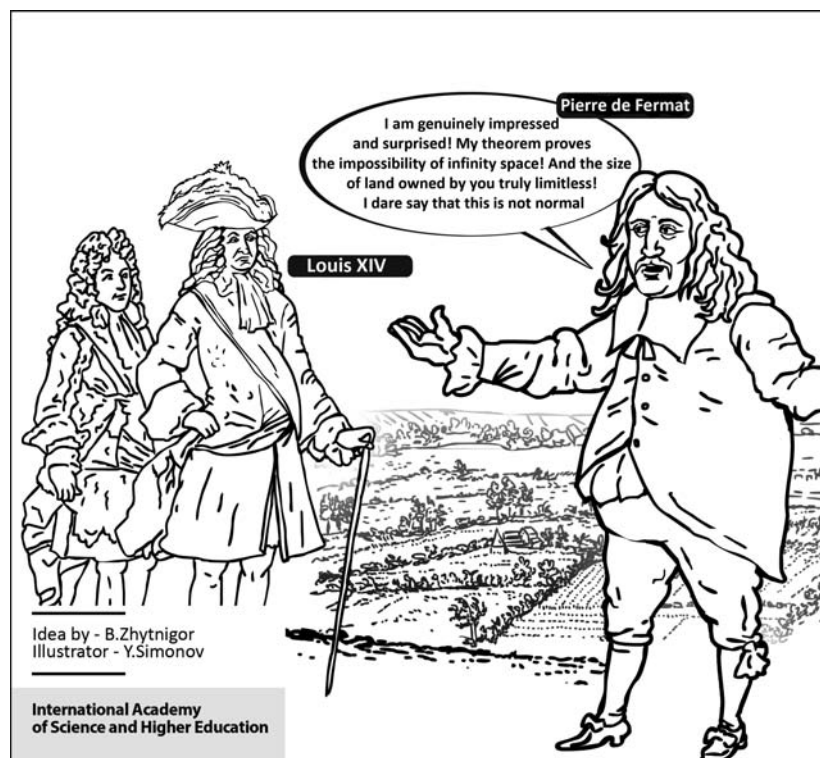
Проанализировав содержание выявленного исторического источника, автор пришла к выводу, что текст «Выписки» идентичен известному «Сказанию о князьях Владимирских». Особенностью документа является то, что по сути своей, как собственно видно из названия, в нём содержится лишь часть легенды, а именно та, которая касается получения символов царской власти Владимиром Мономахом. История изучения «Сказания о князьях Владимирских» достаточно подробна, поэтому нам доподлинно известно, что сюжет этого исторического сочинения легендарен и уж тем более анахроничен. Но, тем не менее, существование «Выписки» доказывает факт того, что легенда использовалась в делопроизводстве, касающемся церемониальных дел. Этот миф был довольно популярен в обществе в XVI в., ведь именно в нём доказывалось древнее происхождение русских государей, их право обладать инсиг-

ниями царской власти. По какой-то причине, существование «Выписки» – менее громоздкого и более удобного в делопроизводстве документа – было необходимо. Стоит отметить, что создатели мифа о присланных царских регалиях и круг читателей в средневековой России были уверены в абсолютной истинности его сюжета. Ведь именно с помощью подобных выдуманных сюжетов люди творили реальную историю, отвечавшую требованиям своего времени. Вероятно, именно поэтому указанный текст использовался довольно часто в практике посольского обычая: для легитимации власти крайне важно было красочное и достойное прошлое. В разнобразной практике приёма послов, дипломатической переписке нередко возникали ситуации, когда необходимо было подтвердить происхождение династии, сакральность власти и т.д. (например, непризнание титула Ивана Грозного Польско-Литовским государством требовало больших дипломатических усилий). Ведь, по сути, для русского государя (и особенно это касается Ивана IV) действовала негласная формула: «Я хочу, чтобы вы видели меня таким!» Важно было создать тот образ власти, который выгоден был его носителю. Именно по этим причинам в делопроизводствен-

ных документах Посольского приказа могли иметь хождение подобные «выписки». По мнению автора, этот документ являлся неким образцом, своеобразным нарративом, в котором были изложены нужные факты. В современном контексте – с точки зрения современного делопроизводства – такой документ служил бы своеобразным ГОСТом или Унифицированной формой документа, образцом для сотрудников Посольского приказа. Вполне можно предположить, что такую функцию выполняла и найденная автором «Выписка». Таким образом, становится ясно, что найденный документ служил неким напоминанием, «памяткой» о тех «легендарных» событиях, которые имели важность для решения дипломатических и церемониальных споров.

Литература:

1. Ерусалимский К. Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. С. 14.
2. РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 133. Лл. 1-3.
3. РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 133. Л. 1.
4. Иловайский Д. И. История России. Том 1. Ч. 1. Киевский период. М., 1876. С. 94.



Stein J.K.,
Cand. of Physico-
mathematical sciences,
the chairman of the
committee of the fund
“Mezenat”,
Ural Federal University
named after the first
President of Russia
B.N. Yeltsin,
Russia

Conference participant,
National championship
in scientific analytics

SIEVERS – THE ARISTOCRATS ON RUSSIAN AND SOVIET ELITE MILITARY SERVICE

The book “Sievers – The Aristocrats on Russian and Soviet Elite Military Service” by Stein-Hudensky Yurie Konstantinovich is dedicated to the memory of his ancestors who famed at the service to Russia at times of the Russian Empire and Soviet Union, being the elite of the military service of the country. Among numerous representatives of this enormous family tree the author selected those ancestors who are mentioned in Russian and German versions of Wikipedia as well as a number of books in history of wars of Peter the Great, Russian-Japanese War, World War I and Civil War all of which took place on the territory of our Motherland.

In the Memory of my preforefathers “Sievers”

The subject of this conference is limitless, because up to the USSR in 1941 which has originated on the ruins of the Russian empire disposed more, than one million of the German population. However, one must remember that in Russia “the German” was perceived, as the name of all foreigners who do not come speaking Russian, other Slavic languages and from distant foreign countries. Therefore, we have substantially decided, the frames of the research of the people who accompany an aristocratic surname, and who have shown significant participation in Russia and the USSR in wars to an extent which these two states led in the period 1703-1945. All men, described here, have the Frisian origin.

After the row of circumstances of own origin we will briefly stop on the male and the tabular continuance of their women, children and other descendants.

The second principle of our communication becomes their distribution according to the historic sequence of service in the armed forces of the mentioned countries: the Russian empire and the USSR.

Patriarch of the families of the counts Sievers in the Russian military service: The admiral president Admiral boards of the Russian fleet of Piotr of the First Pieter Ivanovich Sievers can be valid for him judicially who was born in 1674. One of his places of birth is arguably the town of Stade! Now we tend to think he was born in the city of Stade of the Herzogtums of Bremen in the Swedish enclave!! It complicates the question of national identity: Swedish, German, Dutch or Frisian or Danish? Moreover, his father was a naval captain, it is

known that right after the birth Pieter his parents, have relocated to Copenhagen, the capital of Denmark to settle there and Pieter went for the service in the Danish royal navy, where he acted in 1703 up to the rank of the officer cadet! In 1704, he acted for the Russian service in the Baltic navy as the ambassador of Piotr the First in Denmark of counts Ismajlow! The following career of Piter Sievers in the Russian service looks like this: The affiliation in Russia, the branch of service of the navy, the years of the service in the ranks: commander captain taken in 1704-1732, the admiral, president of Admiral boards! After the tip of the emperor, every foreign captain of the Russian fleet had to go and up to the assumption of office of the captain sketch to realize the author’s supervision the construction of the ships!

Pieter Iwanowitsch Sievers on Baltic fleet in the course of the Greath North War commands: 14 cannons Shaniava (the Russian title of the ship (“Falk”) (in 1705-1706), the cannon leech frigate 24 “Kronshlot” (in 1707-1709), to the cannon ship 50 “Victoria” was conferred in 1713 and the cannon ship 70 “Leferm” (in 1714-1715), to the cannon ship 60 “Saint Ekaterina” in 1716 and the cannon ship 64 “Moscow” in 1717-1718). In 1714 he obtained the title of the Captain Commander – “seeing in the night” – the commander of the grouping of the ships (up to 1719). In 1719 he became vice admiral. On the 25th of May, 1725 he was awarded Saint Alexander Newski Order!! In 1728 he was appointed the President of the Admiralty Board. As a president Piter Ivanovitsch Sievers accepted for the Russian service captain Vitus Behring of

the Dane. He helped with the preparation and the departure of his first expeditions across the Pacific Ocean which brought fame of the big sea power to Russia!! Enormous are the scientific results of the expeditions of Vitus Behring. It is his name with which the opening of the Behring Strait is connected, that unites The Pacific and The Arctic Oceans, to which Islands Komandorski and the specification of the beach line of the peninsula of Kamchatka are connected! However, in 1732 after the ascent on the throne of Empress Anna Leopoldovna and her favorite, the generalissimo and the general of field marshal G.Ch. Biron, Sievers was taken away and substituted in 1732 (by a sly Minich), admiral Pieter Ivanovich Sievers was expelled from all offices, deprived of all titles, orders and property and in sent to honorable exile to the estate in the Keksholmsk district, where he stayed up to 1740 when he was exonerated completely!

His family and he got the right to live in their own home in Morskaja Street, 25 and a country house that was earlier taken by the national treasury! In 1740 admiral Pieter Ivanovich Sievers has died in Saint Petersburg. His descendants and nephews were granted Russian dignity counts and became the ancestors of these six genealogic trees. One must note that it is stated in one of the Swedish manuscripts that is known to us, that in the province of Skone is mentioned the bright name of Pieter Sievers (Siivers) of “the freasans”, thus making him one of the Frisians, and not of the Swedes!

The most successful military leader of the Sievers in the Russian service is the commander of the fourth cavalry Corps during the Patriotic war of 1812

lieutenant general Karl Karlovich Sievers the First (he went in the family by the name of Gustav), his feudal possessions (the castle and the city of Zessis (Wenden) in the mouth of the river Gauja by the Baltic Sea are nowadays within the borders of the Republic of Latvia. There he is honored as a national hero which is indicated in a Latvian monograph! Besides, it is stated that the castle was built by the knights order of Sword-Bearers. The grandfather of Karl Karlovich, count Ebergardt saved two patrimonies in the surroundings of Zessis, where on November 3, 1773 Karl Sievers was born! The record of service of Karl Karlowitsch Sievers spans from 1796 to 1856. On February 8, 1785 he entered the Artillery engineering gentry corps, on December 6, 1789 he took the rank of a bayonet cadet and was enlisted in the 2nd artillery brigade. Since February 3, 1790 he fought in Rostov Carabineer regiment against Polish Confederates. In the rank of colonel on January 17, 1802 he was appointed the commander of Starodubowski Regiment and on May 16, 1803 produced General-in-Chief and appointed the commander of Novorossiysk Dragoon regiment. In this position he took part in the war against the Ottoman soldiers in Moldavia, and in 1806-1809 in the body of General Golizyn he fought against Napoleon. In this company his regiment took the city of Cracow. On August 5, 1812 he displayed courage in the battle by Krasnoe (Smolensk) against the corps of Marshal Davou.

On August 25-26 at the field of Borodino, under his commandment, the fourth Cavalry Corps prevented seizure by the French of Semyonowski Redoubt and Bagration fleches, where he displayed a special courage. On September 2 he was awarded the order of Saint George No. 249. On December 18 he was transferred into Witgenstein Corps due to lack of professional forces in the Fourth Cavalry Corps. After the operation on river Beresina, Karl Karlovich Sievers seized harbor-fortress Pillau, where the remains of the French army hid. On February 7, 1813 he was produced lieutenant general. By personal order of emperor Alexander the First, the portrait of Karl Karlovich Sievers the First (Gustav) is placed

in the gallery of heroes of the Great Patriotic War located in the Winter Palace. Painted by an English master Dow, it is now in the Gallery of Heroes of 1812 in Hermitage!! As a reward to the hero were 500 serfs in his country estate in Ukraine (Walki settlement near Kharkov) and a patrimony – Wenden fortress in the mouth of River Gauja, where he died in 1856 as complete Russian military pensioner with a right to wear his uniform and bear weapons!! Karl Karlovich had six children: three sons and three daughters 1) Emmanuil – senator and steward of household, lieutenant general who for some time governed Estland) 2) Mindora (1811-1878) 3) Jakob (1813-1865) head of artillery school, 4) Sofia (unknown), 5) Alexander, (1823-????) His descendant was born in the Kharkov province, collegiate councillor, civil governor of Ekaterinoslav province (in 1857-1862), and Kharkov (in 1862-1887). Yelagin and Saltykov-Schedrin gave him a nickname Count Borodavkin in the latter's book "The History of Glupov Town" 6) Yevgeniy (1818-1891), a member of military war, the chairman of the Lutheran Consistory. Karl Karlovich himself, his wife and children were Lutherans. The nearest members of the family were: Count Yegor Karlovich Sievers (Georg Alexander) (1799-1827) major general and a participant of the Great Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaign in 1825, he was married twice: the first marriage with Charlotte Tisengausen, and the second with Emilie Kruedener, with whom he had a son named Johann (a chemist and a member of the Academy) he died in 1795. One of this generation of the Sievers, also Yegor (1812-1839) was a companion of Mikhail Lermontov in hussars regiment and was buried in Smolensk. Georg Joachim Johann Sievers (1775-1843), a participant of the Alpine campaign took part in Napoleonic Wars as lieutenant general. We will further return to the people who have made an important contribution to the construction of genealogical trees of the Sievers, which comprises every Sievers in it: 1) Tatiana Aleksandrovna Aksakov-Sievers (1892-1981), the author of a 2-volume issue «My family», published in Russian in the Paris "Atheneum".

Red Army Commander Rudolf Sievers

However, the life of other Sievers, for example Rudolf Ferdinandovich Sievers, went before the eyes of my family. He was born on November 11, 1899 in Saint Petersburg in the family of white-collar workers. In 1914 he graduated from a non-classical secondary school and took the job of a clerk at a factory that produced military-medical products. It was an important enterprise making first aid kits for nurses and medical orderlies. The position the 17-year-old took was responsible and necessary for the company. He provided the connection between the company and the medical staff of military hospitals, troop units, railways and army lorries. It was then that he met a 28-year-old nurse in the lab of doctor Badmayev, at the main country hospital of the Russian army, in Gatchina – Evpraksia Pavlovna Sievers (born Rumyantseva). She was responsible for the delivery of company products to operating rooms of the hospital. The same year Rudolf Ferdinandovich was mobilized and sent to a military school that he finished shortly after in the rank of a warrant officer. He was enlisted in 436th Novoladozhsky infantry regiment in the northwest front, that is known for its revolutionary traditions. During his education in the military school he was often a guest in the houses of Evpraksia Pavlovna and her closest friend countess Adel Aleksandrovna Krymova, nee baroness von Wikhorst. In conditions of military time they shared their housekeeping. One more thing made them closer at the time – both of them were in the midst of divorce proceedings with their husbands – count Mikhail Krymov and in case with my Grandmother with count Major General Nikolai Nikolayevich Sievers. In the house my mother resided on a regular basis, the daughter of Evpraksia Pavlovna – Galina, while the son of Countess Adel, Mikhail Alexandrovich Krymov, who finished military Officer School and at that time was at the front in the rank of staff captain, and his sister Natasha, a pupil of Smolny Institute, visited their mother. Since Adel Aleksandrovna did not get the divorce by resolution of the royal family, her children were placed on state support. Alexander Mikhailovich

Krymov was then close to the liberal party, and Rudolf Ferdinandovich – a communist, and between them the quarrels about the future of Russia often sprang up. They both served at the northwest front where chief of staff was at that time Esper Alexandrovich Sievers who was later replaced by count Nikolai Nikolayevich – the father of Galina, who was isolated from her education and their contacts were supported by cousin of Nikolai Nikolayevich, Alexander Alexandrovich Sievers, who used to be a friend of the minister of the Imperial Goods in the prerevolutionary time.

In 1917 Rudolf Ferdinandovich entered RKP (b) and became one of the most devoted comrade of Vladimir Ilyich Lenin (Ulyanov), who promoted him in Petrosviet, where L.D. Trotzky was chairman. At the same time Rudolf Ferdinandovich acted as the Commandor of the Artillery Defense of the revolutionary Petrograd (battleship mine bearers and fortresses of Baltic fleet, armored trains) and was assigned to the headquarters of Mikhail Vasilyevich Frunze whose closest assistant was Esper Alexandrovich Sievers. In June, 1917 Rudolf Ferdinandovich was elected delegate of All-Russian conference of the front and home-front organizations WKP (b). The Temporary Government tried to save their influence on him. After July events of 1917 he was called over to the headquarters of the Russian army in Pskov, supposedly to be awarded with the order of Saint George. In reality he was arrested and imprisoned in “Kresty”, where revolutionary sailors, soldiers and red guardsmen released him. By order of V.I. Lenin a thankful Rudolf Ferdinandovich formed them into “North Flying Squad” which was glorified on the fronts of the Civil War: the arrest of headquarters of the Russian army controlled by general Duchonin was made in Pskov, general himself was torn to pieces by soldiers at the railway station in Mogilev, participation in liberation from German occupants of the second capital of Ukraine, cities of Kharkov, Taganrog, Rostov, with the casual suppression there and in Donbas of the troops of the White Army headed by generals Mai-Mayevsky, Kaledin, as well as all kinds of Ukrainian nationalistic bandits. Before this, on February 23, 1917

revolutionary troops under command of R.F. Sievers defeated in the Pulkovsky heights beside Petrograd columns of troops of General Yudenich and Imperial German troops that were threatening revolutionary Petrograd! However, in my whole 81-year life I have not heard on the 23rd of February on the day of festivities dedicated to the defenders of the Motherland the name of Rudolf Ferdinandovich Sievers mentioned. Perhaps it is because the Temporary Government declared him a German spy and it is in force at the moment not only on the territories of the RSFSR, USSR, Russian Federation, but also in Ukraine where I lived for many years, and I have never heard that on the 22nd of November, 1917 the North Flying Squadron freed from Imperial German occupying forces the city of Kharkov!! This day became a long-term memory for the family of Stein-Khudensky since then my 12 year old mother Galina Nikolaevna went in Kharkov to meet her revolutionary future to her uncle Rudi Sievers and was there with him to the funeral in the Mars fields in 1918 where he was buried by the request of the workers of Petrograd and by command of Lenin. Further Lenin was the person who remembered about the resolution to create the Workers and Peasants Red Army (RKKA) in 1917 in what he sent a telegram to the Commander of the south group Antonov-Ovseenko to Taganrog on February 23, 1917: “Tell Sievers that Rostov has to be seized immediately regardless of circumstances”. Rostov-on-Don was seized by the Second Special Army headed by Sievers on February 24. As the memory of that there is a street named after Commander Sievers. The state of Ekaterina Pavlovna Stein was complicated by the fact that the Soviet special commission (VChK) accused her of the execution in Kislovodsk by white army counter-intelligence of her comrade in arms at the hospital Ksenia Ge who was a Bolshevik. Grandmother found herself in a group to be executed where there were Vladimir Nikolaevich Ruzsky, Admiral Chichagov and usher of the chamber of Zimniy Palace Count Stroganov. They were rushed by foot to Kislovodsk to be executed by a firing squad. By Mashuk they were caught up by a horseman who carried a letter

signed by Rudolf Ferdinandovich and my grandmother was released. The rest of the group were executed in Proval. The bodies were found by the white army law commission. But after the deeds of the Second special army in Kuban and then North of Caucasus and death would follow Rudolf Ferdinandovich, but not where he had expected it from. He was appointed the commander of the fifth Ukrainian revolutionary red army. In Tsaritsyn at the time Joseph Vissarionovich Stalin had appeared, he was occupied with creating military powers that would report to him personally. They were headed by a worker Klim Voroshilov and former Cossack captain Semyon Budenny. By common efforts they brought to execution Cossack commander Mironov. They made it easier with Rudolf Sievers – on November 15, 1918 the headquarter tent was located on the hill at the bank of the river Vorskla by Zhilino village. Suddenly from the home-front of the army where cavalry of Budenny and Voroshilov was located, an accidental shell arrived and commander Rudolf Sievers was severely wounded. Immediately he was sent according to the command of Lenin and the Trotzki by the train to Moscow! My mother accompanied him along with doctors to the main hospital of RKKA in Lefortowo, where he died! Galina Nikolajevna accompanied him to the grave on Mars field. In 1918 my mother was adopted by the second husband of my grandmother whose name was Simon Adamovich Stein in Moscow Lutheran church of Peter and Paul. However, Galina did not remain in Moscow and left to become part of intelligence group led by 1st World War ex-captive Austrian hussar Nikolas Theodor Garnich who was acquainted with Sievers. He sent units of 5 URKA to the South of Urals to suppress a Cossack’s uprising on the giant territory from the cities of Shadrinsk-Kamyshlow up to Orenburg! This is how my mother first found herself on the territory of Sverdlovsk Region for the first time!

As we have managed to establish, the Russian prerevolutionary army and RKKA was merely a minor place of service for Count Eduard Esperovich Sievers, who was later known as hieromonk Elder Sampson (Sievers).

Count Sievers Eduard Esperovich; was born on the June 27, 1898 by his mother – an Englishwoman Ann Mable (Anna Vasilyevna), who in her maiden years lived in London and graduated from London Conservatoire. She was forced to escape to Russia by the assassins sent by her fiancé, an Indian prince! In Saint Petersburg during a ball, a modest governess met Count Esper Alexandrovich Sievers and married him preserving her Anglican faith. She died in 1942 in blockade Leningrad. Count Esper Sievers became father to three children: Eduard (named in honor of King of England), Alexander (named after his grandfather on the father's side), and the youngest daughter (whose name is unknown).

Count Esper Alexandrovich, his father Alexander and his grandfather Ivan Sievers were Lutherans. The great-grandfather of Eduard Esperovich – Ivan Sievers was a well-known Russian diplomat of czarina Jekaterina I epoch, and grandfather Alexander Ivanovich was a Russian diplomat of Anna Leopoldowna epoch and served by generalissimo Biron. Esper Alexandrovich was an officer of the General Staff of the Russian army and died in the hands of his son in 1929, (having served in RKKA for 12 years). There brigade commander Esper Alexandrovich was a fight comrade of Mikhail Vasilyevich Frunze. He was a widely educated person, as a young officer he finished the academy of arts has after the class of the icon painting. And before the revolution he made success as an icon painter. His icons decorated the orthodox Saint Icaac's cathedral. After his death and breaking up with orthodox Eduard countess Ann Mable Sievers demanded her son to return the suit of Esper Alexandrovich and his gold watch (he was buried in his uniform as a Red commander).

Let us return to the military service of Eduard Esperovich, because at the moment this question is the subject of investigation of Russian Orthodox Church. Nowadays there is a large number of the "spiritual children" and followers of Eduard Esperovich who was known in the end of his life as hieromonk Elder Sampson (Sievers) according some opinions Eduard Esperovich never

served in the military service in RKKA and his remarks are published in the book "Elder SAMPSON (Sievers)" (publishing company "Neugassimaja Lampada" Artos Media, Moscow, 2008). The closest friend of Eduard Esperovich from the young years was the future patriarch of the Russian orthodox church Aleksei II (born Simanski). The Elder SAMPSON (Sievers) died on Friday 24th of August, 1979 at 16.20 and was buried by his spiritual children in the orthodox Nikolo-Archangelsk cemetery in the Lyuberetsky district of Moscow beside the railway station Ukhtomka. In the abovementioned book it is mentioned that the Sievers family is noble, originates from Denmark and relocated in the end of the 18th century to Sweden further moving to Saint Petersburg. In the Russian Empire the men of the family served in the Russian army and the fleet from 1704.

Now we have to say a few words on how spiritual service was chosen by Eduard Esperovich Sievers: in 1904 the family of Count Esper Alexandrovich lived in the country in Terioki beside Saint Petersburg, his son Eduard was an independent young man and would often leave the house. He was particularly interested in the history of the Russian navy, but he got acquainted with it in a quite peculiar way – he visited a small church in Kronstadt, the temple "Spas on Waters" built in the memory of the sailors, who died in the Tsushima battle. The priest there was the disciple of father Ioann Kronshtadski – father Mikhail, a former sailor and the sharp-sighted priest who in 1904 was already 90 years-old.

In 1914 the First World War began. The officer of the General Staff Esper Alexandrovich Sievers set off on the front to the chief of staff of the northwest army commanded by lieutenant general Vladimir Nikolaevich Ruzski (1854-1918). The northwest army and the front became a place of the service of some members of the Sievers family.

After the departure of his father Eduard has own room for studies where he began reading the works of the fathers of the orthodox church and study Russian. Only in 1917, when he was 19 years old he was baptized in Russian orthodox faith under the name of Sergiy.

After baptism, for security matters,

he was sent to Pskov province to Sawwa-Krakowezki monastery.

Further he was relocated to Petrograd, Semenovsky military hospital of RKKA, after the contact of his mother with Esper Alexandrovich (passing over voluntarily on RKKA side). In the hospital, by order of Mikhail Vasilyevich Frunze, Eduard was treated by the best doctors, who succeeded in preventing the development of gangrene. However, the threat of the seizure by the white guardsmen and the Germans or the revolutionary Petrograd was still very big, and Eduard was moved in the Tikhvinsky monastery, where already as monk Alexander he became friends with future Patriarch Alexei II. On the other hand, Sergian renovationists once seized Eduard in the street and handed him over to WeCheKa, where at that time in 1919 his brother Alexander Esperovich was shot after the accusation in participation in the counter-revolutionary conspiracy. (The destiny of his sister remains unknown). But his mother – Countess Anna Vasilyevna Sievers learned from Esper Alexandrovich about the acceptance of the orthodox religion by Eduard. She visited Eduard Esperovich and pronounced to him the opinion of the Sievers: «You must know, that you have injured us (Sievers) and we strike you out of the lists of both living and dead». Orthodox service of Eduard lasted, he was admitted to monastic vows by father Mikhail of church "Spas on the Waters", on the 25th of March 1921 he received from hands of hierarch Nikolas a calotte and the monk name of Simeon. These actions are part of biography of the Holy Father Sampson, which is published by the Poltava eparchy of Ukrainian orthodox church.

There is no reason to maintain that all bearers of the aristocratic surname Sievers in Russia or their relatives were at least acquainted with each other. The Sievers family tree so ramified, that only one branch remembers of their relatives. We did not happen to be acquainted with the relatives of Esper Alexandrovich., Although I was a guest of prior of Pechoro-Pskov Lavra Alipiy (Voronov), when Father SAMPSON served his church punishment in the monastery prison, father superior Alipiy in presence of the whole monk community begged

him to be forgiven!! They witnessed as Alexander – Simeon – Sampson was given back all of his all monk’s regalia! This brought tears both on the eyes of the brethren and on mine as well.

My grandmother, Ekaterina Pavlovna Stein, was born in Novgorod Province in 1881. She died in 1959 in Moscow and was buried on the cemetery «Vvedenskie mountains», which before the revolution was called “German”. At birth she was Russian and orthodox. She was born with the name Evpraksia Rummyantseva. At her first marriage the name changed to Countess Evpraksia Sievers and in the second marriage to Stein Ekaterina Pavlovna.

So, on the wall of grandmother’s room an English bag of a nurse with a red cross on the white circle hung over the bed. Ekaterina Pavlovna was a brunette, with the rare grey hair, emerald green eyes with black dots over the irises.

Evpraksia used the sufficient freedom in the academy.

Once when she was running “on all sails” – the grandmother’s expression – on the length of the hall where the delegation of the patrons of the academy was walking by – aristocrats of the Romanov family and others. At her full speed, she ran into one of them. Grand duke Nikolai Nikolayevich Junior led the group and the injured man was count Nikolai Nikolayevich Sievers. On the angry question – «Why do children run across the academy?» – the principal gave a complete answer.

The grand duke pronounced the wish to continue the education Evpraksia Rummyantseva by the state and, to give her the education of a military nurse to guarantee her future. Count Nikolai Nikolayevich Sievers also joined this wish. Later during the Russian-Japanese war in 1903-1905 count was the chief of staff of the Russian army whose commander was general Kuropatkin.

There he met Evpraksia Rummyantseva again. In winter her marriage ceremony took place in 1903 in the Irkutsk church over Angara. By the nature the count was a gentle man, who, despite his bellicose appearance, was more attracted to a career of a breeder and has been breeding hunting dogs – dachshunds. He bought the best manufacturers across Europe for numerous kennels. Before the start of

World War Nikolai Nikolayevich often was in Germany, where for his plants bought elite Dachshund dogs.

During the education Evpraksia was determined in the services of the of empress Maria Fedorovna. The empress liked her very much and won her reciprocal feelings. From this communication Evpraksia inherited a burning dislike of Empress Alexandra, whom Maria Feodorovna, born Princess Dagmar Danish, could not forgive captured from Denmark and Prussia Schleswig Holstein. Maria Feodorovna called Alice, General Rennenkampf and Minister Sukhomlinov, during the First World War, the German spies. Now, after some political manipulations with discovered in Yekaterinburg remains of the royal family, they – the Dowager Empress Maria Feodorovna, and hated Alice, joined in the memorial of the Romanovs in the fortress of Saint Peter and Paul. After completing medical education, Imperial frontline nurse Evpraksia Rummyantseva was in 1900-1901 years in the service in the hospital at the headquarters of the Siberian Army Corps. Her frontline activities started in the Cossack units. Their commander was then the Russian General of Infantry Baron Faddey V. Sievers.

Faddey V. Sievers (10/18/1853 – 1915) – Russian infantry general, educated in Nicholas cadet school and the Academy of the General Staff. He taught at Elisavetgrad cavalry cadet school. Since 14.12.1900 he was in the order of the Chief of the General Staff. Part of China campaign. The chief of staff of the VII army corps, with 11.08.1904 – the XVIII Pr Armeekor. Since 07.08.1901 Chief of Staff of the VII Corps, with 11.08.1904 – XVIII Army Corps. On 19/11/1904 commander of the 27th Infantry Division, X Corps, led by the world war came in the 3rd Army under General Nikolai Ruzskiy. By the end of the deployment of the corps were the 9th, 31th and 78th Infantry Divisions. 17 (30) August 1914 Peremyshlyanami he broke through the front of the Austro-Hungarian XII Corps, taking with 16 guns, which was a signal to retreat across the third of the Austro-Hungarian Army. In the battle of Rava-Russian August 26 (September 8), the Austro-Hungarian troops broke through the front housing

in Waldorf and forced him to retreat. August 28. (10 Sep). Sievers managed to eliminate Waldorf breakthrough. during these operations was seized half a million captive soldiers and officers of the Austro-Hungarian Army. For these actions he was awarded the Order of St. George 4-th degree. 23/09/1914 appointed commander of the 10th Army of the North-Western Front.

At this time, the above graph Nikolai Nikolayevich Sievers continued his service in the following positions

- 1914-15 Quartermaster General Staff of the 5th Army;
- 1915 – Chief of Staff of the 12th Army;
- 1915-16. Chief of Staff of the 6th Army.

During the First World War, Ekaterina Pavlovna Rummyantseva served in a private clinic of the famous Dr. Peter Badmaev in the first overland military hospital and other medical facilities.

In terms of the campaign of 1915 on the Army of Faddey Sievers the primary role in the conduct offensive operations to mastering East Prussia. Army was located south of the Neman and along the Masurian lakes.

At the same time, in the middle of January 1915 XXII AK Russian general. AF von den Brink was transferred to the 8th Army waged heavy fighting in the Carpathians. The surgical construction carried the linear character and the possibility of the maneuver was excluded.

February 17 (March 2) in 1915 the remains of the twentieth AK along with the 1st and 12th armies under the command of FV Sievers took the offensive. The fighting dragged on. FV Sievers cleared of German troops, The August woods, but suffered heavy losses in Grodno. In the 2nd half of March Sievers forced the enemy to withdraw to a distance. After the defeat of the German forces under Prasnyshe began their retreat to the borders of East Prussia, but the Russian armies attempt to break through the enemy’s defenses were not successful. After the defeat of FV Sievers was removed from command and 25.4.1915 dismissed. He was depressed, experiencing heavy defeat of his army. Committed suicide by shooting a pistol at his head.

In general, in the future of my grandmother Catherine Pavlovna and her daughter Galina, as barons and earls Sievers, played a significant role in both the dark and in bright days.

Our relationship with my grandmother and mother were formed back in the pre-revolutionary period with outstanding Bolshevik, publisher of the newspaper "Pravda Okopnaja" troops north-western front in the Baltic, a future member of the Petrograd Rudolf Ferdinandovich Sievers – successful Army Commander 5 Ukrainian Red Army. During the Civil War, he brought out of the Cheka dangers my grandmother and her sister Mary with the child in her arms Yura in Mineral Waters. They were arrested in Rostov-on-Don at the time of the baptism of a child Lutheran pastor.

Now, the army commander of RF Sievers. His heroic act he performed immediately after his army liberated from white and red Rostov unleashed terror in the North Caucasus. Every time our family happens to be in St. Petersburg, we arrive at the Champ de Mars, and lay on the grave of the commander of a bouquet of red carnations, especially on the day of the Great Victory – 23 February. We Christians of different denominations, we pray for the forgiveness of his soul.

My Grandmother and the General-major Nikolai Sievers

My grandmother did not have the first military campaign in China (in 1901-1902) with pleasure to remember. This war ... Jewapraksija Rumjanzewa has noticed itself like the uninterrupted atrocity which the Cossacks about the peaceful Chinese farmer repaired. . These crimes of the soldiers and the officers commanding the Russian grouping of the troops encouraged general P.K.Rennenkampf who was also hard like concerning the usual Cossacks, as well as concerning general Sievers Faddej Wassiljevich ,who commanded them. From Beipin (Peking) my grandmother has started his present – the trophy from the imperial palace – covered with the black varnish carved the wooden Chinese armchair. Even more it costs 100 years than split, with us by the restaurantchamber. At the moment four photographs and the book of the authors remind in our house of Jewpraksia Rumjanzewa Wikentij

Wikentijevich Weressajews "elective", particularly the story "in our hospital".

At the beginning of the war against Japan, on the 15th of March 1904 years. The upper order about the Ussurikosakenbrigade has taken over major general A.W.Samsonow where the older medical sister Jewpraksija and the volunteer's orderly Marija Rumjanzew served. From the first fight — on the 17th of May 1904 years., under Judsjatun, Alexander Wassiljevitsch Samsonov. Japanese divisions what has sealed the battles destiny.

In the Ljaojan battle, the flank department commanding, has rejected the attack of the Japanese guard brigade, and during the divergence has taken with four Siberian Cossack's shelves and the riding battery the Jantaj position and held on them, until the Russian bodies left northwards organised. In these battles took part the mostly necessary participants of the war – the medical sisters of the field hospitals who realised the fee seriously injured, performed the first care like thus to the Japanese soldiers as well as the officers, and her delivery in in front of the hospital. In the continuance of the medical service of the brigade of Samsonow realised the fee of the schwerbeschädigter sister Rumjanzewa and the wife of the commander Jekaterina Aleksandrowna.

My Mother

She did not study either in high school, not in the Soviet school, for November 28, 1917 in Kharkov, leaped from their own master's childhood and youth in the saddle Cossack cavalry scout Northern flying squad, commanded the first commander of the Red Army Rudolph Ferdinandovich Sievers! Staff of the former commander of the reconnaissance Hussars Kaiser's army of the Austro-Hungarian monarchy Garnich Nicholas – born in the Austrian Burgenland and Croatian in nationality. Professionally, as a connoisseur of Slavic and Germanic Galina Stein grew up in contact with him, which continued after the death of Rudolf Ferdinandovich Sievers in 1918! As part of the Fifth orphaned Ukrainian Revolutionary Red Army withdrew from the Ukraine to the South Urals in the vast steppe region of cities Shadrinsk – Kamyshlov to Orenburg to end a revolt Whites and

Cossacks against the Soviets. Implicitly VI Lenin and LD Trotsky had solved the problem of keeping the rest of the 5-URCA from annihilation Cavalry, commanded by Klim Voroshilov and Semyon Budyonny as happened before with the Red Army Cossack Mironov!

In 1921, she was admitted to the High Literary Art Institute. In 1924, shortly before closing VLHI death VJ Bryusov, Galina Stein defended a thesis under the direction of Professor Boris A. Griftsov (1885-1950), who in the 30s of the last century has become the authoritative theoretician and practitioner of literary translation, one of the founders of still translating Soviet school. Thesis "Literary companions - " Serapion Brothers ". It Galina Stein predicted a prominent role of members of the literary community in the coming Soviet literature: Kaverin, Tikhonov, Zoshchenko Seifullina and others. In 1924, my mother took part in the funeral of Vladimir Ilyich Ulyanov Lenin in the student delegation.

After graduating VLHI, being "lishenka," she went to work for a teacher of French in night school working distillery plant "Crystal" in Simonov monastery and the first call to the IBSC in the case of the "golden youth" came in a red scarf, white shirt and blue production bathrobe, what Chairman Comrade Artuzov (Frautschi) reacted historic phrase: "So here it is – the star of the Moscow Charleston!" This fame helped her mother to end her marriage to two institutions: Moscow Pedagogical specialty – russist and Moscow Pedagogical Institute of Foreign Languages . Maurice Thorez on Roman-Germanic philology. During this time she worked in "Artel Translators" at the Union of Inventors of the RSFSR. During the First World Congress of Inventors in Moscow Galina Stein met with the pitcher hopes Ukrainian inventor, a young man and a poet Constantine Hudensky. In 1930 they were married.

After moving our family in Lyubertsy, due to marriage, the mother began to work in a special school working for political exiles of the State Lyubertsy Agricultural Machinery Plant (GLZ). This school is in a modern enterprise, 60% of which was exported to Germany

and the Scandinavian countries, is focused on the social rehabilitation of political refugees in the new environment: the training of Russian language and work specifically to the young Social Democrats and the Communists from Europe and America could live a normal life in the Soviet Union. This factory is my father, Constantine Hudensky, was chief of the Export Workshops, which made mowers, balers, and Inoterebilki lobogreyki. Bureau "Artel Translators" provided authentic translation into German, Finnish, Swedish, Danish and Norwegian of all relevant documentation and correspondence GLZ plant. These years Galina Hudenskaya worked as a translator of poetry and met historical expert Garnich Nikolai Fedorowitch,

her research team now of the communist academy at the moment as a historian. Together they worked (Galina as a littered cerium of Old-French texts) on books "1812" and "Napoleon Buonaparte" that were published just before World War II!! The uncle Count Sievers Aleksander Aleksandrovich, delivered the documents in addition with the Soviet power the prominent employee of the historical museum on red place Moscow and Statarhiv (GARF).

There mother seriously begun to deal with our informal project – the translation on the Russian of the full meeting of writing the classic of the Ukrainian literature, writer Ivan Petrovich Kotlyarevski. The aim was put by the father still in 1941 and is

approved by the Ukrainian writers who have turned out in the evacuation in Sverdlovsk, as well as the chairperson of the alliance of the authors of Ukraine Maksim Taddeyewich Rylski then with whom the father the amicable relations of the times of the common work connected in the first capital of the Soviet Ukraine – Kharkov. The only professional belletrist translator and the linguist in our family was Galina Semenowna Hudenski, who became a main assistant of the father in the translation of "Eneida" into Russian. After the completion of this gigantic work and up to the demise in 1971 a modest housewife, remained the widow of the older officer of the Soviet army – colonel engineer Hudenski Konstantin Vasilyevich.



The AICAC Secretariat

Tel: + 12 024700848

Tel: + 44 2088168055

e-mail: secretariat@court-inter.us

skype: court-inter

A I C A C

AMERICAN INTERNATIONAL
COMMERCIAL
ARBITRATION COURT

The American International Commercial Arbitration Court LLC – international non-government independent permanent arbitration institution, which organizes and executes the arbitral and other alternative methods of resolution of international commercial civil legal disputes, and other disputes arising from agreements and contracts.

The Arbitration Court has the right to consider disputes arising from arbitration clauses included into economic and commercial agreements signed between states.

Upon request of interested parties, the Arbitration Court assists in the organization of ad hoc arbitration. The Arbitration Court can carry out the mediation procedure.

For additional information
please visit:
court-inter.us

Гольд О.,
аспирант,
Одесский
Национальный
университет
им. И.И. Мечникова,
Украина
Участник конференции

AMERICANIZATION AS CONVERGENT PROCESS IN MODERN LIFE

В докладе дано определение понятия «американизация», проведен анализ этого феномена в некоторых аспектах обществоведения. Также рассмотрены взгляды известных зарубежных и отечественных исследователей на данное явление.

Ключевые слова: американизация, биполярный мир, вестернизация, глобализация, тейлоризм, фордизм.

In the report has given description of concept "americanization" and analysis this phenomenon in several aspects of social researching. In this article has exposed views of the famous foreign and home investigators.

Keywords: americanization, bipolar world, globalization, westernization, taylorism, fordism.

После распада СССР прекратил своё существование «биполярный мир». Пока общественный дискурс не определился в том, что его наследует – «однополярный мир», в центре которого находятся США, или многополярный – подразумевающий наличие нескольких самостоятельных центров мира, в любом случае для социальной философии представляет интерес исследование влияния Америки на все стороны жизни современного общества. Об актуальности этой проблемы свидетельствует огромное количество работ опубликованных как у нас, так и за рубежом. В своей статье мы хотим обратить внимание только на один аспект исследований, а именно на то, какое содержание вкладывает современное обществоведение в понятие «американизация».

В распространенном понимании «американизация» – это процесс постепенного изменения общественных отношений и культуры в сторону норм и образцов, принятых в Соединённых Штатах Америки. Основным ориентиром подобных перемен является так называемый «американский стиль жизни». Заимствования у США при этом интегрируются в существующую, в том или ином обществе нормативную систему и меняют в ней ценности, традиции. Но данное определение не является достаточным, по нашему мнению, для более полного понимания этого процесса, необходимо охарактеризовать понятие «американизация»; дать определение этому понятию; рассмотреть явление «американизации» в различных проявлениях социума.

Для того чтобы достигнуть поставленной цели, необходимо:

- дать определение понятия «американизация»;
- внести различия в понимание понятий «американизация», «глобализация» и «вестернизация»;
- рассмотреть историю возникновения термина «американизация»;
- определить содержание понятия «американизация».

Социально-философское осмысление «американизации» рассматривают в своих работах зарубежные учёные (Ж. Бодрийяр, Х. Казанова, А.И. Уткин, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон и др.), в том числе и украинские исследователи (А.Н. Колодный, Э.И. Мартынюк, Л.А. Филиппович и др.).

Для более чёткого определения «американизации», необходимо отличать ее от не менее, а может даже и более распространённых понятий, таких как «вестернизация» и «глобализация». Необходимо отметить, что под «американизацией», имеются в виду явления, возникшие только в США.

«Американизация», «глобализация» и «вестернизация», имеют то общее, что воздействует на социально значимые процессы одного и больше государств. На наш взгляд, несмотря на то, что эти понятия действительно имеют вышеназванное сходство, их необходимо различать. «Американизация» – самостоятельное явление, характеризующее влияние на проявления современного социума; «вестернизация» – феномен распространения общих для Америки и других стран западных ценностей по всему миру; «глобализация» – процесс характеризующий распространение тех

или иных явлений за пределы одного государства. Раньше, можно было утверждать, что американизация – одна из форм вестернизации – но сейчас и в Западной Европе говорят об «американизации», как о процессе присущем европейским странам.

Сам термин «американизация» возник не позже XIX век. Так например, в энциклике "Regum novarum" («Новые вещи»), 1899 г., папа Лев XIII выступил с «социальной» программой в противовес "Коммунистическому манифесту". Папа Римский обратил внимание, что «американизм», ставит церковь перед необходимостью стать более адаптированной к современной цивилизации, путём снисходительности к современным, популярным теориям и методам. В том числе к марксизму, против чего он категорически выступал.

Традиционно, все, кто изучает Американские штаты, обращаются к работам А. де Токвиля, который считал, что: европейское представление Америки предшествует ее существованию: «без представления Америки никакой европейский колонист никогда не пересекал бы океан», и это «представление Америки было изображением Нового Мира» [3, с. 74]. Его содержание было новым идеалом равенства и новой идеей свободы; обе, как отмечал Токвиль, «экспортировались» из Европы. Через американскую Революцию это представление стало действительностью. Новый мир рождался, потому что появилось новое государство. В тот самый момент Европа и Соединённые Штаты разошлись: «Безотносительно мнения, которое Европа имела об Америке, оно

никогда не могло снова становиться моделью или руководящей идеей для того, что было сделано в Соединенных Штатах. С тех пор, Америка, как независимое государство, главным образом представила одновременно и мечту, и кошмар в европейских представлениях. До конца XIX столетия содержание мечты было свободой от притеснений, плюс утверждение человеческой автономии и власти против груза прошлого, которое, казалось, препятствовало полному развитию новых сил, то есть социокультурной модернизации. Однако, представление Америки осталось фантастически преувеличенным и исказило картину действительности, где новые черты европейской цивилизации развились в чистоте» [3, с. 75].

Президент США, Д. Эйзенхауэр, в своем выступлении 1955 г., отметил, что: «Американизм» есть признание Высшего бытия. Без веры в бога не может существовать ни американская форма правления, ни американский образ жизни» [5]. Об этом свидетельствуют ссылки на Бога, содержащиеся в Декларации о независимости США, а так же и то, что важнейшие государственные акты сопровождаются религиозными ритуалами. Молитвами и проповедями открываются различного рода деловые совещания.

По мнению французского философа Жана Бодрийяра, которое было отражено в его труде «Америка» («Amerique» Paris, 1986) – американские города напоминают внешне «нечеловеческие черты внеземного объекта», созданного «транссексуальной капиталистической надменностью мутантов». Отсутствие у США прошлого, которое можно было бы понять, позволяет Бодрийяру сделать вывод, что Америка – «единственно реально существующее первобытное общество», хотя и принадлежащее будущему. Америка – «оригинальная версия современности», именно ее города находятся в центре мира. Америка – гиперреальность, ибо являет собой утопию, которая «с самого начала переживалась как воплощенная» [2, с. 23].

Эта страна, по мнению Бодрийяра, способна открыться лишь европейцу, ибо только он в состоянии рассмот-

реть в Америке «совершенный симулякр, симулякр имманентности и материального воплощения всех ценностей» [2, с. 28].

Директор института востоковедения РАН В.М. Алпатов считает, один из важнейших аспектов «американизации», это её проявление в языках. Таким образом, в «американизации» языка различия проявляются в официальной политике и общественном мнении разных стран. Что касается Европы, то Франция более всего старается ограничить проникновение английского языка и американской культуры, тогда как в Германии – «американизация» в языковой области (как и в других сферах жизни этого общества), идет особенно активно. В октябре 2003 г., на международной конференции по вопросам языка и культуры, в Алма-Ате была озвучена интересная мысль о том, что Германия все еще «страдает комплексами исторической вины за нацизм и поэтому там до сих пор кажутся одиозными идеи, связанные с национальной культурой и мировым значением немецкого языка, а это способствует «американизации» [1, с. 24].

Российский ученый А.И. Уткин говорит об американском влиянии, что: «Никогда не существовало ничего подобного, не было никогда подобного соотношения сил. Пакс Британника жил экономно. Британская армия была меньше европейских, и даже королевский военно-морской флот равнялся всего лишь двум следующим за ним флотам, вместе взятым, – ныне все, взятые вместе, военно-морские флоты не сравниваются с американским. Наполеоновская Франция и Испания Филиппа Второго имели могущественных врагов и являлись частью многополярной системы. Империя Карла Великого была всего лишь Западной Европой. Римская империя распространила свои владения дальше, но параллельно с ней существовала еще одна великая империя – Персидская и огромный Китай» [4, с. 3].

Министр обороны США Д. Рамсфельд прямо заявил, что события 11 сентября 2001 г. «создали возможности, подобные тем, которые были созданы Второй мировой войной, – возможности перестроить мир»

[6, с. 10-11]. Этот период стал новым витком – началом отсчета дальнейшего продвижения «американизации» на Восток. До этого «американизация» в большей степени наблюдалась в Европе, Малой Азии, Австралии. Сегодня можно говорить о всеобъемлющей или глобальной «американизации», которая охватывает все части земного шара.

Интересен и тот факт, что «американизация» – в современной социальной мысли, функционирует и как аналитическая категория, служит стенографией для всеобъемлющей интерпретации истории двадцатого столетия. «Американизация» – принятие американских форм производства и потребления, технологии и методов управления, культурных товаров и учреждений массовой культуры, гендерных ролей, и методов досуга: – считает немецкий ученый-политолог Мери Нолан [7]. По её мнению: «Американизация», процесс не только того, что было принято, но также и исследование, того какие заимствования были приспособлены, как они функционировали и приобретали специфические смыслы.

Она же отмечает, что Американская модель социума, то есть ее основные части и функциональные механизмы, ее привилегии и затраты, победители и проигравшие, были осуждены различными группами в Германии. Антиамериканизм, который сформирован «американизацией», ее рассматривает критически. «Американизация», считает М. Нолан, была определена историками, такими как Ансельм Деринг-Матойфель (Doering-Manteuffel), как односторонняя культурная передача норм, методов, товаров, изображений, и идей, в которых американское государство и бизнес были активными экспортерами и пассивными иностранными получателями» [7].

Как отмечает, уже упоминавшаяся исследовательница, М. Нолан: «Америка всегда рискует служить отрицательной матрицей, то есть быть новым отрицательным воплощением текущей стадии социокультурной и экономической модернизации и глобализации. Абстрактный процесс модернизации-глобализации, который

загрывает все аспекты современной жизни, часто по ошибке рассматривается как процесс «американизации». Только практические альтернативы могут предусмотреть и объединенную политическую идентичность, и адекватные ответы на вызовы глобализации. Сегодня европейская постиндустриальная современность надеется на глобализацию, это процесс, скорее экспортируемый, чем импортированный в Европу (в отличие от «американизации»)» [7].

С другой стороны, общества неудовлетворенные современным миром, подвержены тенденции видеть в Соединенных Штатах окончательную угрозу. Америка, вероятно, будет одной из причин в объяснении сложившейся сложной ситуации в мире. К тому же, те, кто чувствуют, что их образ жизни, находятся под угрозой, могут обвинить пессимистическое влияние Соединенных Штатов.

Приведенные факты позволяют сделать следующие выводы:

– в настоящее время понятие «американизация» может иметь как негативный, так и позитивный конотат;

– «американизация» может совпадать с терминами «глобализация» и «вестернизация»;

– его будущее содержание зависит от уровня дальнейшего влияния США на всемирное сообщество;

– «американизация» в большей степени проявляет свои формы в тех обществах, где национализм не обладает большой силой;

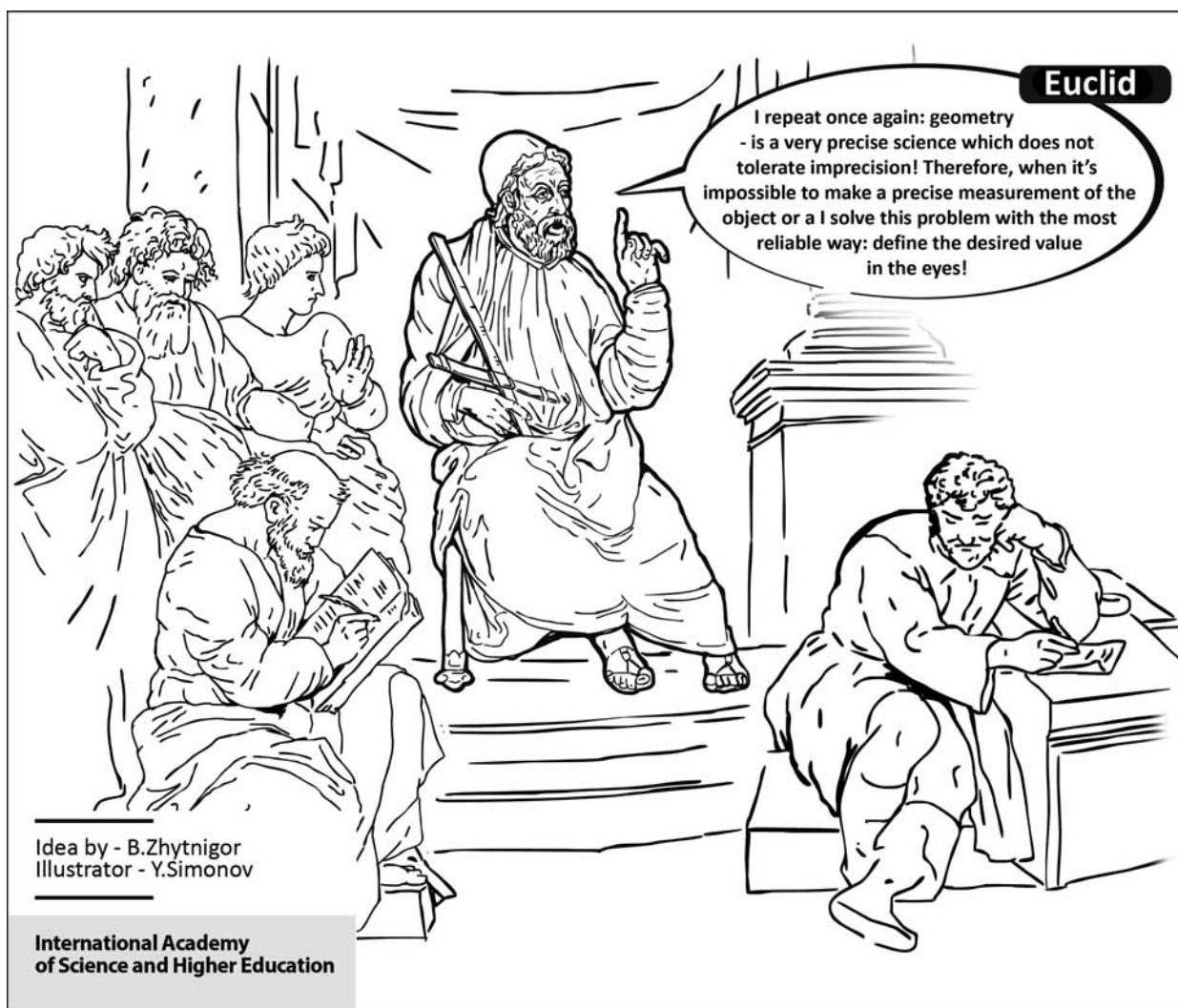
– «американизация» процесс импортированный из США, в отличие от «глобализации»;

– чем сильнее «американизация», тем возможно в обществе антиамериканские настроения;

– «американизация» проявляется в различных сферах социальной жизни.

Литература:

1. Алпатов В.М. Глобализация и развитие языков / В.М. Алпатов // *Voprosy filologii* 2004. – №8.
2. Бодрийар Ж. Америка / Жан Бодрийар. [пер. с франц. Калугин Д.] – СПб.: В. Даль. 2000. – 205 с.
3. Токвиль А. де Демократия в Америке [пер.с франц. Соколова / предисл. Г.Д. Ласки]. – М.: Весь мир, 2000. – 560 с.
4. Уткин А.И. Американская империя. – М.: Эксмо, 2003. – 736 с.
5. Herberg W. Protestant-catholic-jew. – N-Y.: 1960, – p.258.
6. Rumsfeld D. Interview // N-Y. Times: article. – N-Y, 2001. – № 12.
7. Anti-Americanism and Americanization in Germany / N. Mary // *Politics Society*. 2005. – режим доступа: <http://pas.sagepub.com/content/33/1/88>



Долгова В.И.,
д-р психол. наук, проф.,
декан,
Челябинский
государственный
педагогический
университет,
Россия

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

СИСТЕМНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

В работе раскрыты особенности технологии целеполагания и сущность понятия «дерево целей»; проведен системный анализ «дерева целей» внедрения инновационных системных технологий, профессионального становления, формирования и развития инновационной культуры; даны три варианта целеполагания и развивающие тренинговые задания к ним.

Ключевые слова: целеполагание, целеполагание инновационной деятельности, дерево целей, профессиональное становление, инновационная культура, система, системный подход, закономерности, принципы, движущие силы, критерии и показатели, тренинговые задания.

The disclosed technology features of goal-setting and the essence of the concept of "tree of goals", conducted a systematic analysis of the "objectives tree" innovative system technology, professional development, formation and development of an innovative culture are three versions of goal-setting and developing job training for them.

Keywords: goal setting, goal setting innovation objectives tree, professional development, innovation culture, system, system approach, principles, drivers, criteria and indicators, training job.

Системный подход к совершенствованию целеполагания позволяет осуществить высокий уровень конкретизации деятельности управленческого аппарата, целенаправить эту деятельность на достижение конечного результата, который заранее запрограммирован, обогатить базу для выполнения всех управленческих функций (анализа, планирования, организации, регулирования и контроля). Все это приобретает особую значимость в современных условиях, когда ставится задача преодоления кризиса и перевода управления на новый качественный уровень работы.

Системная деятельность по построению целей отражает этот уровень в развитии инновационного пути преобразования действительности. По совершенствованию целеполагания нами разработаны тренинги, изданы необходимые учебно-методические пособия (автор В.И. Долгова). Сам процесс выполнения заданий носит тренинговый характер. Он развивает интеллектуальную сферу специали-

стов, которую характеризуют следующие особенности:

- способность охватить суть основных взаимосвязей, присущих конкретной проблеме управленческой деятельности;

- способность выделить в конкретной ситуации управления ее существенные черты, а не наиболее заметные;

- умение делать вывод из противоречивой информации; умение выбирать из большого объема сведений те, которые особенно необходимы.

Наш тренинг укрепляет не только необходимые знания и умения, но и реализует психологические факторы формирования готовности к инновационной деятельности, особенно: способность к творческой деятельности, активность, ценностные ориентации и ценностные отношения, профессионализм, инновационно важные качества, направленность групповой деятельности на социально-значимые цели, групповой ценностный стандарт, сплоченность, сотрудничество.

В процессе освоения системного подхода к совершенствованию конкретного проекта целеполагания, специалист должен на первом этапе изучить общий алгоритм его построения, затем хорошо освоить правила развернутого целеполагания и, наконец, изучить, осознать, сделать анализ, осуществить корректировку и апробировать не менее трех проектов целеполагания.

Как метод планирования *дерево целей* основывается на теории графов (рис. 1) и представляет собой как траекторные, определяющие направление движения к заданным стратегическим целям, так и точечные, определяющие достижение тактических целей, которые характеризуют степень приближения к заданным целям по заданной траектории. С одной стороны, это и есть новые системные технологии деятельности, с другой стороны, это и процедура освоения системных инновационных технологий. Представим далее три варианта такого системного целеполагания профессиональной деятельности.

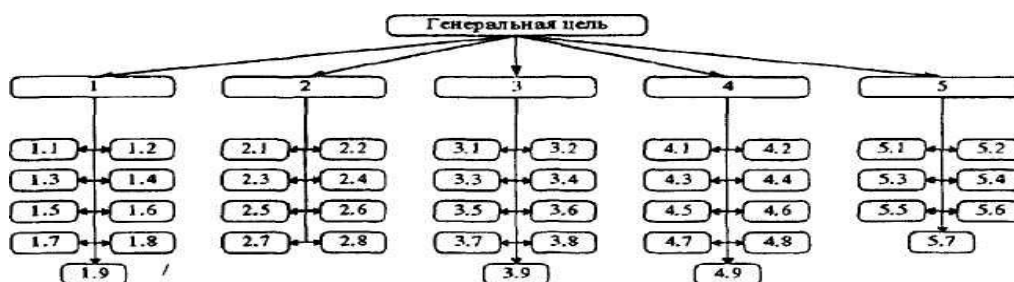


Рис. 1. «Дерево целей» формирования и развития инновационной культуры педагогических кадров

«Дерево целей» формирования и развития инновационной культуры педагогических кадров

Генеральная цель:

Разработать теоретико-методологические основы изучения проблемы формирования и развития инновационной культуры педагогических кадров (ИК ПК).

1. Раскрыть роль системы повышения квалификации (СПК) в формировании и развитии ИК ПК.

1.1. Сделать анализ состояния СПК ПК.

1.2. Раскрыть принципы СПК ПК.

1.3. Раскрыть основные противоречия СПК ПК.

1.4. Показать ведущие тенденции СПК ПК.

1.5. Обосновать роль СПК в формировании ИК ПК.

1.6. Раскрыть типы инноваций.

1.7. Раскрыть типы инновационного процесса.

1.8. Раскрыть диалектику взаимосвязи процессов повышения квалификации и внедрения.

1.9. Раскрыть этапы СПК и их влияние на эффективность внедрения

2. Дать сущностную характеристику процесса формирования и развития ИК ПК.

2.1. Раскрыть феномен «культура».

2.2. Раскрыть феномен «инновация».

2.3. Раскрыть понятие «инновационная культура».

2.4. Раскрыть понятие «ядро инновационной культуры».

2.5. Раскрыть понятие «защитный пояс инновационной культуры».

2.6. Показать соотношение ядра и защитного пояса инновационной культуры личности педагога.

2.7. Показать соотношение ядра и защитного пояса инновационной культуры группы педагогов.

2.8. Показать соотношение ядра и защитного пояса инновационной культуры коллектива педагогов.

2. Разработать акмеологическую модель ядра инновационной культуры личности педагога.

3.1. Раскрыть функции ядра инновационной культуры.

3.2. Определить состав ядра инновационной культуры.

3.3. Раскрыть состав знаний и умений по теории и практике внедрения.

3.4. Раскрыть состав знаний и умений по теории и практике прогнозирования.

3.5. Раскрыть состав знаний и умений по теории и практике системного подхода.

3.6. Сделать морфологический анализ модели ядра инновационной культуры.

3.7. Провести генетический анализ модели ядра инновационной культуры.

3.8. Провести структурный анализ модели ядра инновационной культуры.

3.9. Показать состояние сформированности ядра инновационной культуры ПК

3. Разработать критерии, показатели и уровни формирования и развития инновационной культуры педагогических кадров.

4.1. Обосновать уровни модели.

4.2. Раскрыть стихийно-эмпирический уровень ядра инновационной культуры ПК.

4.3. Раскрыть эмпирический уровень ядра инновационной культуры ПК.

4.4. Раскрыть научный уровень ядра инновационной культуры ПК

4.5. Раскрыть показатели и критерии эффективности защитного пояса ядра инновационной культуры личности педагога.

4.6. Раскрыть показатели и критерии эффективности защитного пояса ядра инновационной культуры группы педагогов.

4.7. Раскрыть показатели и критерии эффективности защитного пояса ядра инновационной культуры коллектива педагогов.

4.8. Раскрыть показатели и критерии эффективности заданий формирующего взаимодействия.

4.9. Раскрыть показатели и критерии достижения конечного результата практического внедрения.

4. Раскрыть понятийный аппарат, процедуры и методы исследования инновационной культуры ПК.

5.1. Раскрыть систему процедур и методов исследования.

5.2. Описать методы констатирующего эксперимента.

5.3. Развернуть Тест-планшет диагностики ядра инновационной культуры ПК, раскрыть понятия, процедуры, методы.

5.4. Развернуть Тест-планшет диагностики защитного пояса инновационной культуры личности педагога, раскрыть понятия, процедуры, методы.

5.5. Развернуть Тест-планшет диагностики защитного пояса инновационной культуры группы педагогов, раскрыть понятия, процедуры, методы.

5.6. Развернуть Тест-планшет диагностики защитного пояса инновационной культуры коллектива педагогов, раскрыть понятия, процедуры, методы.

«Дерево целей» внедрения инновационных технологий в профессиональную деятельность

Генеральная цель:

Осуществить внедрение инновационных технологий (ИТ) в практику.

1. Осуществить прогнозирование внедрения.

1.1. Изучить нормативные документы по рассматриваемой проблеме.

1.2. Поставить цели внедрения.

1.3. Осмыслить этапы внедрения.

1.4. Разработать программно-целевой комплекс внедрения.

2. Сформировать положительную установку на внедрение.

2.1. Выработать состояние готовности к освоению ИТ.

2.2. Сформировать положительную реакцию на внедрение.

2.3. Сформировать веру в свои силы по внедрению ИТ.

3. Изучить теоретические основы темы.

3.1. Изучить нормативные документы по теме.

3.2. Изучить сущность ИТ.

3.3. Изучить методику внедрения ИТ.

4. Осуществить опережающее внедрение.

4.1. Создать инициативную группу для опережающего внедрения.

4.2. Закрепить и углубить знания и умения, полученные на предыдущем этапе.

4.3. Обеспечить инициативной группе условия для успешного освоения методики внедрения ИТ.

4.4. Проверить методику внедрения.

5. Осуществить фронтальное внедрение.

5.1. Мобилизовать коллектив на внедрение ИТ в практику.

5.2. Закрепить знания и умения, сформированные на предыдущем этапе.

5.3. Обеспечить условия для фронтального внедрения ИТ.

5.4. Освоить всем коллективом методику работы по ИТ.

6. Обеспечить совершенствование работы по ИТ.

6.1. Совершенствовать знания и умения, сформированные на предыдущих этапах.

6.2. Обеспечить условия для совершенствования методики работы по ИТ.

6.3. Совершенствовать методику освоения ИТ.

7. Обеспечить распространение передового опыта освоения ИТ.

7.1. Изучить опыт внедрения.

7.2. Обобщить опыт работы по теме.

7.3. Осуществить наставничество над службами, приступающими к внедрению.

7.4. Осуществить пропаганду передового опыта внедрения.

7.5. Сбереечь и углубить традиции работы над темой, сложившиеся на предыдущих этапах.

«Дерево целей» профессионального становления педагогических кадров

Генеральная цель:

Исследовать процесс профессионального становления педагогических кадров.

1. Разработать теоретико-методологические основы профессионального становления педагогических кадров (далее – ПС ПК).

1.1. Раскрыть ведущие закономерности ПС ПК:

1.1.1. объективные закономерности ПС ПК;

1.1.2. объективно-субъективные закономерности ПС ПК;

1.1.3. субъективные закономерности ПС ПК.

1.2. Раскрыть методологические принципы процесса ПС ПК:

1.2.1. выявить роль в ПС ПК основных принципов философии;

1.2.2. выявить роль в ПС ПК основных принципов психологии.

1.3. Обосновать основные понятия и категории исследования, процесса ПС ПК:

1.3.1. «профессиональная деятельность»;

1.3.2. «профессионализм»;

1.3.3. «профессиональное становление».

1.4. Раскрыть методы исследования процесса профессионального становления.

1.4.1. Обосновать выбор теоретических методов исследования.

1.4.2. Обосновать выбор эмпирических методов исследования.

1.5. Обосновать критериальную систему исследования процесса ПС ПК.

1.5.1. Выявить систему критериев исследования.

1.5.2. Выявить систему показателей исследования.

2. Обосновать концепцию ПС ПК.

2.1. Обосновать цели и задачи процесса ПС ПК:

2.1.1. с генетических позиций;

2.1.2. со структурных позиций.

3.2. Теоретико-эмпирическое моделирование этапов процесса ПС ПК:

2.2.1. «Целеполагание».

2.2.2. «Формирование установки».

2.2.3. «Теоретическое развитие и саморазвитие».

2.2.4. «Пробное освоение и внедрение».

2.2.5. «Фронтальное освоение и внедрение».

2.2.6. «Совершенствование и самосовершенствование».

2.2.7. «Наставничество».

3.3. Изучить действие ведущих принципов процесса ПС ПК:

2.3.1. принципа «научности»;

2.3.2. принципа «системности»;

3.4. Изучить движущие силы процесса ПС:

2.4.1. движущие силы «новаторства»;

2.4.2. движущие силы «творчества».

3. Обосновать нормативную модель ПС ПК.

3.1. Разработать концепцию построения модели ПС ПК:

3.1.1. теоретико-методологическое обоснование модели;

3.1.2. методические обоснования модели;

3.1.3. определение типа модели.

3.2. Обосновать уровни процесса ПС ПК:

3.2.1. стихийно-эмпирический;

3.2.2. эмпирический;

3.2.3. теоретический.

3.3. Осуществить морфологический анализ модели ПС ПК в «плоскости»:

3.3.1. знаний;

3.3.2. умений;

3.3.3. отношений.

3.4. Раскрыть механизм перехода элементов с одного уровня на другой:

3.4.1. «усложнение элементов»;

3.4.2. «усложнение структуры»;

3.4.3. одновременное «усложнение элементов» и «усложнение структуры».

4. Разработать систему условий и факторов оптимизации процесса ПС ПК.

4.1. Осуществить генетический анализ системы условия:

4.1.1. необходимых;

4.1.2. достаточных;

4.1.3. необходимых и достаточных.

4.2. Определить содержание подсистем условий и факторов оптимизации процесса ПС ПК:

4.2.1. объективных;

4.2.2. субъективных;

4.2.3. объективно-субъективных.

4.3. Выявить системообразующие связи процесса ПС ПК на уровнях:

4.3.1. макроструктуры;

4.3.2. мезоструктуры;

4.3.3. микроструктуры.

4.4. Определить функции системы:

4.4.1. конструктивные;

4.4.2. деструктивные.

5. Разработать программно-целевой комплекс практического обеспечения процесса ПС ПК.

5.1. Определить компоненты программно-целевого комплекса формирования и развития:

5.1.1. знаний;

5.1.2. умений;
5.1.3. отношений.

6. Осуществить сравнительно-сопоставительный анализ процесса ПС ПК в аспектах «сущного» и «должного».

6.1. Определить особенности констатирующего эксперимента на уровнях:

- 6.1.1. методов;
- 6.1.2. динамики.

6.2. Осуществить анализ данных констатирующего эксперимента на уровнях:

- 6.2.1. знаний;
- 6.2.2. умений;
- 6.2.3. отношений.

6.3. Раскрыть динамику стимулирующего взаимодействия в процессе ПС ПК:

- 6.3.1. этапы;
- 6.3.2. содержание.

6.4. Выявить результативность процесса ПС ПК на уровне:

- 6.4.1. самооценки;
- 6.4.2. самокоррекции.

7. Разработать практические рекомендации по сопровождению процесса ПС ПК.

7.1. Разработать процедуры измерения профессионализма:

- 7.1.1. пакет психологических диагностик;
- 7.1.2. пакет педагогических диагностик;
- 7.1.3. профессиограмма.

7.2. Разработать практические рекомендации оценки кадров:

- 7.2.1. по аттестации профессионала;
- 7.2.2. по самоаттестации.

7.3. Разработать практические рекомендации по психологическому сопровождению профессионального роста руководителя:

7.3.1. Положение о психологической службе для руководителя;

7.3.2. пакет методических материалов для работы психологической службы для руководителя;

7.3.3. профессиограмму персонала психологической службы.

7.4. Разработать практические рекомендации по акмеологическому сопровождению процесса ПС ПК:

7.4.1. Положение об акмеологической службе;

7.4.2. пакет методических материалов для работы акмеологической службы;

7.4.3. акмеограмму персонала акмеологической службы.

Алгоритмы целеполагания при этом мы использовали классические, один из адаптированных нами вариантов приводим далее.

1. Сделать анализ постановки «генеральной» цели, ее соответствия социально-экономическим задачам.

2. Сделать анализ декомпозиции «генеральной» цели на подцели 2-го уровня, показать их логическую связь с «генеральной» целью.

3. Сделать анализ декомпозиции целей 2-го уровня на подцели 3-го уровня, показать их логическую связь с вышестоящими целями.

4. Сделать анализ соответствия содержания деятельности по теме ее целям, вычленив блоки, системы, элементы деятельности.

5. Сделать анализ завершенности «дерева целей», степени его детализации, конкретности, логики. Доказать, что ни одна цель высших его уровней не достигается непосредственно сама по себе, а лишь по достижении целей, на которые она распадается. Доказать, что цели нижних уровней выводимы из целей верхних уровней. Доказать, что каждая подсистема «дерева целей» стремится достичь своей собственной цели, и что нижний из уровней «дерева целей» является элементарным (мероприятийным).

6. Представить к защите свой проект дерева целей по конкретной теме. Этот проект может быть, разработан заново или составлен в результате исправления ошибок в проекте из данных рекомендаций.

7. Составить на базе «дерева целей» программу под каждую цель (разработать мероприятия, сформировать состав исполнителей, определить сроки выполнения программы, отобрать методы работы).

8. Составить на базе «дерева целей» программу изучения эффективности деятельности по одноименной теме.

В нашей практике применялись и упражнения для самостоятельной работы, например, по сигнальной карте обратной связи.

Сигнальная карта обратной связи
Ф.И.О. _____
Место работы _____
Должность _____
Пол _____
Возраст _____
Административный стаж _____

№ п/п	Упражнение	В начале потока	В конце потока
1.	Укажите порядковые номера проектов целеполагания, с которыми Вы работали по собственному желанию		
2.	Укажите порядковые номера заданий, которые Вы выполняли в ходе работы с ними		
3.	Поставьте себе оценку по каждому выполненному заданию (по 5-балльной системе); напротив тех заданий, которые Вы не выполняли, поставьте «0» баллов (напоминаем, что всего заданий – 8)	1-2-3-4-5- 6-7-8-	1-2-3-4-5- 6-7-8-
4.	Укажите порядковые номера проектов целеполагания, с которыми Вы работали по указанию руководителя		
5.	Укажите порядковые номера заданий, которые Вы выполняли в ходе работы с ними		
6.	Поставьте себе оценку по каждому выполненному заданию (по 5-балльной системе (напротив тех заданий, которые Вы не выполняли, поставьте «0» баллов)	1-2-3-4-5- 6-7-8-	1-2-3-4-5- 6-7-8-
7.	Назовите темы тех проектов целеполагания, которые Вы разработали заново		
8.	Укажите порядковые номера тех проектов целеполагания, которые Вы намерены внедрить в практику		
9.	Укажите порядковые номера тех «деревьев целей», программу осуществления которых Вы изучили на кафедре (по каждому из них представлен программно-целевой комплекс в методических выставках)		
10.	Назовите темы разработанных Вами лично программ		
11.	Назовите операции по целеполаганию, которые Вы выполнили дополнительно к заданиям по своей инициативе:		
12.	Дайте оценку работе по подготовке Вас к совершенствованию процесса целеполагания		

В формах индивидуальной и организованной работы по овладению системными технологиями целеполагания должны занимать существенное место и психологические аспекты: изучение личности руководителей и их резерва, разработка программ саморазвития, тренинги личности руководителей и резерва, тренинги межличностных отношений, диагностика социально-психологических состояний коллективного субъекта инновационной деятельности, подготовка рекомендаций по формированию готовности к инновационной деятельности. В перспективе необходимо раз-

работать и внедрить психологический мониторинг имиджа руководителя инновационного процесса, проводить анализ негативных массовидных явлений, вырабатывать рекомендации по их активному регулированию, обучать методам противодействия крайним формам поведения (массовым агрессиям, панике и т.д.). Актуальным для целеполагания является разработка программ определения социально-психологических характеристик субъекта реализации целей (общественное настроение, симпатии, психологические установки на отдельных руководителях, социальные ожида-

ния, источники тревоги, негативные стереотипы и т.д.).

Литература:

1. Авдеев Е.В. Психотехнология решения проблемных ситуаций. – М, 1992. – 120 с.
2. Гурье Л.И. Проектирование педагогических систем: Учеб. пособие; Казан. гос. технол. ун-т. – Казань, 2004. – 212 с.
3. Долгова, В.И. Готовность к инновационной деятельности в образовании. – М.: Книжный дом «Университет» 2009. – 227 с.



International multilingual social network for scientists and intellectuals.

International intellectual portal «PlatoNick» is a multilingual, open resource intended to facilitate the organization of multifaceted communication of scientists and intellectuals, promulgate their authoritative expert conclusions and consultations. «Platonick» ensures familiarization of wide international public with works of representatives of scientific and pedagogic community. An innovation news line will also be presented on the «Platonick» portal.

Possibility of the informal communication with colleagues from various countries;

Demonstration and recognition of creative potential;

Promulgation and presentation of author's scientific works and artworks of various formats for everyone interested to review.



<http://platonick.com>

Куценко В.В., аспирант,
Киевский национальный
университет
им. Тараса Шевченко,
Украина

Участник конференции
Национального первенства
по научной аналитике

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ С. КЬЕРКЕГОРА

В статье рассматривается проблема времени, а точнее время в философии С. Кьеркегора, концепция которого дает возможность объединить традицию проблематизации времени в истории философии вокруг определенных понятий и вопросов. Здесь показано, что философское наследие датского философа занимает переходную позицию между религиозным темпоральным дискурсом предыдущих философских эпох и экзистенциальным дискурсом времени последующих эпох, что дает возможность определить значимость философа для методологии понимания времени.

Ключевые слова: философия, история философии, смысл, смысловое время, время, временность, вечность, миг, человек.

The article deals with the problem of time, namely with time in the philosophy of S. Kierkegaard, whose conception makes it possible to combine the tradition of problematizing time in the history of philosophy around certain concepts and issues. The philosophical heritage of the Danish philosopher here is shown to be the transition between the religious temporal discourse of the previous philosophical epochs and the existential time discourse of the subsequent epochs, which makes it possible to determine the significance of the philosopher to understand the methodology of time.

Keywords: philosophy, history of philosophy, sense, time, meaningful time, temporality, eternity, instant, human.

Всякое философское вопрошание всегда должно сначала очертить границы собственного понимания философии. Философия – это, прежде всего, озабоченность человека собой, «охота на смысл», который всегда избегает встречи с человеком, если он к этому должным образом не подготовлен. И всякий смысл, в конце концов, призван прояснить что-то касательно нашего главного жизненного смысла, смысла жизни, смерти, и собственно времени, которое натянутой ниткой соединяет два кардинальных момента – рождения и смерти. Вопрос смысла жизни, который никогда не перестанет напоминать о своей актуальности, открывает нам регион не менее актуального, особого, уникального понимания времени – человеческого времени, возможного благодаря человеческому взгляду на мир, и существующего исключительно для человека и его самопонимания. Что есть «Я», как не растянутый во времени поиск себя?! Аутентичность всякого «Я» определяется мерой осознания, переживания времени как предела, меры, которая ограничивает, формирует, транслирует или же разрывает бытийный смысл нашего существования.

Время понимается исключительно через человека, и человек определяется исключительно благодаря времени. Близость концептов «время» и «чело-

век» кардинальным образом актуализируется в философии Серена Кьеркегора, философскую позицию которого можно кратко выразить в такой формуле: «Истина – это субъективность» [4]. Фактически, жест С. Кьеркегора заключается в субъективации философии, насыщении ее смыслами и вопросами человека и его жизни, а также в позиционировании времени как субъективного времени. Но субъективность в данном случае предполагает не субъекта в значении классической немецкой философии, то есть такого, который полагает реальность из своих познавательных способностей («трансцендентальный субъект» И. Канта, «мировой дух» Г.В.Ф. Гегеля), а субъекта как вопрошающего, страдающего, ищущего, переживающего человека. Главной характеристикой человека по Кьеркегору является его парадоксальность: в нем удивительным образом совмещаются тело и дух, конечное и бесконечное, время и вечность. Человек прежде всего смертный, его время ограничено, что и создает напряжение, побуждает искать свое предназначение, то есть осмысливать свой собственный смысл.

Датский философ создает топологию времени, своеобразным образом формируя экзистенциальный горизонт понимания времени. Время в такой философии оказывается консти-

тутивным элементом, ведь через него мы восходим к вопросам становления человека, его самоопределения. Для Кьеркегора время открывает «миг», когда человек получает свое бытие во всей полноте, и дальше решает, что делать с собой, как жить. Человек никогда не есть чем-то устойчивым, он формирует себя собственными усилиями, поэтому он является абсолютным коррелятом временности. Его бытие постоянно пребывает во временности, движении, определяя изменение его жизненных смыслов. Отсюда новое понимание роли и значения человеческой индивидуальности, соотношения человека и мира – для Кьеркегора индивидуальная трагедия становится мировым коллапсом, ведь мир – это всегда *мой* мир, на который я реагирую, опираясь на собственные смыслы, оценки и переживания. Не стоит приписывать философу онтологических проектов времени, потому что его взгляды поданы в виде такой себе «экзистенциальной правды», где бессильными оказываются традиционные понятия, а потому и время тут схватывается на интуитивном, первичном уровне. Тем не менее, значимость Кьеркегора для философии времени нельзя переоценить – его философский проект человека создает особую смысловую конфигурацию, которая важна именно с историко-философ-

кой точки зрения, отвечая на главный вопрос: «каким методом можно понять время?».

Философское вопрошание времени удивительным образом указывает на тесную связь философии и истории философии, потому что вопрос времени больше всех других вопросов определяется традицией его концептуализации. Время всегда было проблемой для философии, и не перестает ею быть. Практически каждый философ размышлял на тему времени. Сказанное Аристотелем и Платоном, Августином навеки актуально с точки зрения теоретизации времени. В двадцатом столетии понятие времени оказывается центральным вопросом наряду с проблемами гендера, языка, телесности, техники. И популярность тут носит не столько характер моды, значимости, которая обрела яркие краски, а скорее это дань эпохе, в которой время – это кардинальный, решающий элемент. Время нынче ускользает, ускоряется, сопротивляется четкой фиксации, вместе с чем ускользает смысл нашей жизни. Сама же реальность сегодня оказывается скомпрометированной новым информационным обществом, где основную роль играют время, деньги и информация, и в зависимости от их пропорции определяется счастье человека. Наряду с глобализацией, виртуальным пространством коммуникации, происходит социальная атомизация. Время симулируется, смешивается, преодолевается, теряет свой главный смысл, и никакой *time management* не способен заполнить эту невыразимую утрату времени, как осмысленного с точки зрения жизни человека, как смыслового времени. Человек, таким образом, остается сам на сам в поиске времени, что и представляет собой источник актуальности философии Кьеркегора.

В различных произведениях Кьеркегора проявляются разные грани его понимания времени. Так, одной из граней является экзистенциальная диалектика аутентичности, где вырисовываются три стадии, или сферы экзистенции: эстетическая, этическая и религиозная. Эти три стадии – это пути становления субъективности, которая стремится стать «тем, что она

есть», то есть осуществить осмысленный, свободный выбор в пользу себя. Тут главным вопросом является: «что есть настоящее бытие?» [7; 23]. Этот поиск имеет свои особые связи с временностью, хотя истинное восприятие времени коррелирует именно с религиозной стадией, потому что свобода и выбор в полном смысле возможны именно там. Эстетик живет чувственными наслаждениями, где ценится неповторимость каждого мига («*carpediem, carpehoram*» [1; 143]), но он лишен внутренней свободы, ведь зависит от страстей, а также от внешнего мнения, реакции других на свои поступки. Так, человек, который не удовлетворён таким положением вещей, часто впадает в отчаяние, которое является экзистенциальным чувством, потому что в отчаянии человек меняет свой модус существования, переходит на этическую стадию. Этик является заданием для самого себя, поскольку рефлексиирует над собой, так что в своей деятельности он старается следовать универсальным ценностям, обязанностям. «Отчаяние-слабость» (эстетическое состояние) сменяется «отчаянием-вызовом», когда этик мужественно пытается найти себя (а в эстетике желание сменить свое «Я» на другое «Я»), а также отвечать за свои действия. Но здесь время вообще исчезает, поскольку действуют абстрактные вневременные принципы, так что сам человек деперсонализируется [7; 39], становится «личностным нулем», точкой на плоскости этики. Как утверждает Я. Голлоб, истинный выбор по Кьеркегору – это не «или-или», то есть эстетик или этик, а выбор в пользу религиозной аутентичности или против нее [7; 25]. Таким образом, человек должен найти свое потерянное религиозное «Я», которое является абсолютной парадоксальностью, синтезом времени и вечности, свободы и необходимости, и пропитано напряжением существования. Философ призывает не экстерниоризировать субъективное становление, ведь именно в глубине, контрастности «внутреннего» заключается существование, которое проявляется не как преемственность, наследование себя, а скачкообразно, внезапно. Таким образом, первое по-

нимание «мига» предполагает переход от одной стадии к другой.

На религиозной стадии действуют законы парадокса, абсурда, и именно здесь человек имеет шанс найти себя, сталкиваясь тет-а-тет со своим бессилием, которое разум так искусно прячет от человека. История Авраама является экспозицией такого абсурда и отчаяния, как реакции человека на этот абсурд, которые способна преодолеть только вера, которая сама есть «абсолютный парадокс». Именно на религиозной стадии проявляется смысловое время, как время предельного, фатального, и вместе с тем, парадоксального. Тут «миг» оказывается «актом вечности», временем, куда врывается вечность, на что человек должен реагировать своими решениями и поступками. Тут кульминация выбора, свободы, и собственно, самой идентичности, поскольку сам Бог вступает в диалог с человеком. Авраам, этот рыцарь веры, принимает волю Бога, собирается принести в жертву Исаака, чем преодолевает этику, а также всякий здравый смысл. Окраска этого времени абсолютно личностная, и главный телос здесь – не выражение всеобщего, а утверждение себя в качестве «единичного». Это время, которое замирает, приостанавливается и становится важным само для себя, хотя и здесь «миг» – это дар, а не собственное достижение человека.

Совсем другой «миг» имеем в произведении «Понятие страха», где человеческая свобода действует самовольно, создает этот экзистенциальный миг. Здесь «миг» не есть «атомом вечности», то есть временным отрезком, куда врывается вечность, а представлен именно как «синтез времени и вечности», поскольку здесь человек соизмерим Богу, его свобода соответствует свободе Творца. Это уже время, которое приближается к онтологии, ведь полагание времени в нашем обыденном понимании (то есть как коррелята продолжительности, минования, исчезновения) происходит именно в этот «миг». То есть можно даже предположить, что этот «миг» лежит вне времени и вечности, поскольку только после него наступает такое различие. Это кульминация времени, поскольку здесь человек предстал как смертное,

временное существо, хотя именно таким образом человек выразил себя, сказал «свое слово» в бытии. Бог «Словом» создал мир, а человек «мигом» свершил себя, определил свою судьбу. Речь идет уже не о конкретном индивиде, а о первом человеке, который еще не имел истории, поэтому родовое в нем невозможно – он есть субъектом в полном смысле. Это уже антропологический проект, а не только психологическая интерпретация категории «страха».

В момент грехопадения Адам, как первый человек, перешел из невинности в состояние вины, возложив греховность, сексуальность, смертность, разграничение добра и зла, самосознание. И если исследовать этот «миг» в его протяженности, как переходное состояние, в котором дух ищет самопознания, то тут необходимой становится категория «страха». Страх – это экзистенциал, который присущий всем людям и определяет отношение человека к действительности и ко времени. Страх – это головокружение свободы, отношение человека с самим собой, которое является экзистенциальным наполнением «мига». Это состояние (синоним ужаса), в котором человек преисполнен незнанием касательно себя и своих возможностей, он находится в отношении с «ничто», как абсолютного коррелята свободы. И этот страх есть перспективой, которая открывает свободу как «бесконечную способность мочь» [5; 146]. Важно также, что через «миг» мы получаем новую темпоральную категорию, сущность которой, в отличие от других темпоральных определений, можно уловить, поскольку она происходит именно из экзистенциального понимания человека. Это категория «временности» или «смертности». Временность возникает именно благодаря «моментальному синтезу», где время разделяет вечность, а вечность пронизывает время, и все это осуществляется в протяженности, которая получила название «временности» [5; 184]. Это время нашей жизни, как временного пребывания в мире. Здесь сходятся страх, время, будущее, вечность, возможность, и формируют определенную установку человека, смысл, который становится

доминирующим – время, как то, что заканчивается для индивида, и нет разницы в том, что есть время, а что есть вечность, ведь вопрос стоит иначе и довольно остро: «Сколько есть времени для моей жизни?».

Категории «временности» не знала античная традиция, хотя именно там были заложены базовые концептуальные разграничения времени и вечности, а также понимание связи времени и души, которые не покидали философию на протяжении всей ее истории. Платон называет время «движущимся прообразом вечности», тем самым навсегда формируя специфическую зависимость времени от вечности, ведь время возникло с вечностью, и с ней и погибнет. Аристотель формирует темпоральный дискурс посредством определения времени как «меры движения», указывая на особое значение категории «теперь», которая разделяет время на временные отрезки, а также на то, что именно посредством души можно говорить о времени. Проблемой остается реальность этих временных модусов, и соответственно, реальность самого времени. Важно, что душа там – это природно-космическоеначало, а не индивидуализированная душа, какой она является в средневековье. А. Августин, унаследовав античный способ вопрошания времени, благодаря христианской традиции, психологизирует время, называя его «растяжением души», а также подтверждает фундаментальную несоизмеримость времени и вечности. Далее, можно назвать И. Канта, который указывает на то, что время имеет значение для субъекта исключительно как априорная форма сознания, то есть как элемент познания человеком действительности. Важно заметить в этом течении философии наращивание человеческого, жизненного фактора понимания времени. Хайдеггер, который онтологизировал время, вновь внес его в проблематику бытия, унаследовав экзистенциальный пафос темпоральной концепции С. Кьеркегора. Но человекомерность его философии, и, соответственно, антропологичность времени затмили важный момент – связь времени и вечности. Хайдеггер ломает традиционное понимание бытия как статичного, идеаль-

ного, неподверженного изменениям принципа, и переписывает его в терминах временности, то есть динамики экзистенцирующего человека, заброшенного в мир, и обреченного на смерть, как радикальную возможность, самую важную из всех возможностей.

Именно в философии Кьеркегора, как протоэкзистенциалиста и в то же время религиозного мыслителя, удерживаются два важных пласта понимания времени – религиозный и экзистенциальный. И фактически, преобладание экзистенциального фактора знаменует перекос в сторону связи времени и временности в истории философии. И это доказывает не больше не меньше, а только то, что решающим способом понимания времени является человеческое существование, для которого вопрос времени – не теоретический концепт, который нужно прояснить ввиду прогресса знания, а вопрос жизни и смерти, смысла и выбора, окрашенный той особой первостепенностью, которой может позавидовать большинство философских понятий.

Литература:

1. Быховский Б.Э. Мыслители-прошлое: Кьеркегор. – М.: Мысль, 1972. – 236 с.
2. Гайденок П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 464 с.
3. Кьеркегор С. Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал / Несчастнейший. Сборник сочинений. / Серия «Религиозные мыслители». – 3-е изд. – М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – С. 103-235.
4. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к “Философским крохам” [Электр. ресурс]. / Пер. Н. Исаевой и С. Исаева // Вестник Европы. – 2005. – № 16. – Режим доступа: [http://www.kierkegaard.newmail.ru/works/Uvidenskabelig_\(Isaev\).html](http://www.kierkegaard.newmail.ru/works/Uvidenskabelig_(Isaev).html).
5. Кьеркегор С. Понятие страха / Серен Кьеркегор. Страх и трепет. / Пер. с дат. С.А. Исаева. – М.: Республика, 1993. – С.115-251.
6. Кьеркегор С. Страх и трепет / Серен Кьеркегор. Страх и трепет. / Пер. с дат. С.А.Исаева. – М.: Республика, 1993. – С. 15-115.
7. Golomb J. In search of authenticity: From Kierkegaard to Camus. – London, New York, 1995. – 172 p.

Rayev D.S.,
doctor of philosophy,
Tuleubekov A.S.,
candidate of philosophy,
Kazakh University
of the International
Relations and World
Languages named after
Abylay khan,
Kazakhstan
Conference participant

SOCIAL SPACE AND MODELS OF HUMAN ONTOLOGY

The main aim of the article is to show that the essence of a man consists of such spheres as “clean human”, “social”, and “subjective”. In general, there are two ontological spaces of existence – internal subjective and external objective.

For understanding the meaning of the work, we should consider the epistemological positions in the sphere of interpretation of the social reality of essence.

In general, there are two typologies for dividing society in social philosophy.

According the first of them, we can divide social reality into four models:

- 1) Naturalistic;
- 2) Realistic;
- 3) Through activity;
- 4) Phenomenological.

The naturalistic understanding of social reality opens its meaning as a degree of nature’s meaning in general. This means that, in fact, society is a part of nature and the essence of everyone depends on the laws of his or her biological substance.

A realistic considering of social reality shows the development of society as the development of the social spirit. Social spirit, in fact, exists and expresses itself independently from the individual mind and life.

Social reality understood through activity is the sphere of production, politics and power. Only these three factors determine the essence of society. In this case, society is an abstract space of concrete human activity.

According to phenomenological criteria, the essence of social reality is found in the individual mind as the internal meaning of things, subjective experience, and subjective values. That is why phenomenology considers social reality as a space, which has internal, subjective essence in its base.

The second division of social philosophy considers the essence of social reality to consist of two positions: realistic and nominalistic.

The meaning of this realistic method is the same as in the first division. However, there is also a view of society as a real idea that can influence the individual mind’s changing its relation to social surrounding. This idea depends on its internal objective laws.

Over against, nominalistic understanding explains society as a concept having meaning only in intersubjective context. There is no social reality without the individual mind. Social reality exists thanks to the transcendental Me, and everyone knows about his social surroundings because everyone has his own mind and process of cognition.

In our article, we use two models: the realistic and the phenomenological, trying to consider social reality in accordance with these models. In this way society can be understood not only by its specific material character, but through social reality as a specific internal space. In this case, social reality is one of the main sides of the individual mind structure.

As we annotated before, there exists a problem in man’s understanding of the synthesis of subjective and intersubjective worlds in my work. The spheres of “clean human” and “social” form man’s exhibition about himself as a subject of social cognition. Overall, social cognition is the analysis of social structures and laws of society on different levels of social development. Therefore, social cognition does not represent direct contact with objective surrounding. However, social cognition completes the process of human cognition that lets us see a man not only as a “clean” subject of cognition, but as the real process for connecting with the world. Social cognition constructs social

time. Moreover, social time means the time of human existence.

The subject of social cognition in its ontological essence is one of the courses of forming social subjectivity. Subjectivity is founded between individual and external worlds; however, it is not a synthesis of them. Subjectivity as a cognition status just continues the correlation between them. The foundation of subjectivity is transcendental Me. In general, transcendental Me is characterized as the transcendence of a man before his social state. Transcendental Me is independent Me, which has overcome a one-sided individual view for an external world of things.

One of the goals of my research is to demonstrate some of the attributes of human essence depending on social existence. In this specific character, man is an element of social structure but his existence is not defined by it, because he is an active side of relations between him and social surrounding. That is why transcendental Me of man has the power to influence the external social processes more than social surrounding can influence its subjective essence. In social reality, personality is the active side of the correlation between the individual Me and the intersubjective Other and characterizes “human” in the space of the intersubjective world. It is in the sphere of intersubjective relations that particularly “human” ontological projects begin.

The realistic view of social reality assumes the external social spirit is in its active being. No one can understand its essence completely because no one can experience all of the social situations. There is also another problem: man

cannot represent the social reality essence in its complete form because of societal development. Therefore, human transcendental Me is defined by the essence of individual reality more than by outside social surroundings. Nevertheless, in the subjective world man has the possibility of recognizing a personal way to social surrounding. This essentially gives him the possibility of correlating his "human" and his "social", which in turn construct a personal view about his social existence.

The realistic model gives us an interpretation of the substance of a man from above the individual world. This means that the essence of the intersubjective world is more important in understanding the meaning of human existence than the subjective world.

The phenomenological model explains the essence of social reality from inside of a "human". This means that the essence of the subjective world is more important. In this model the meaning of "social" is in the human mind, not outside of it. Introspection assumes that man begins as the essence of social reality. The subject of social cognition has to be understood through the sphere of "human" before the sphere of "social".

Certainly, there is no universal model of social reality in social philosophy. However, their synthesis can wide the research thanks to their best parts.

The problem of "human" supposes the problem of "ontic". Ontic is not ontological. Ontic in its substance is before ontological. Ontology is science about ontic. It is a very important moment when we want to understand being. Being determines surrounding, and being is indefinite. In the philosophy of Hegel, being is indefinite surrounding. In this case, original "human" in a man is an indefinite state, but subjectivity expresses a definite correlation with surrounding. That is why the sphere of "human" is originally the indefinite essence of man. And in social cognition, we should begin with this sphere to understand the meaning of the intersubjective world.

In the philosophy of Heidegger, being is as clear as a dark notion. It expresses our existence, we are in possibility of being, we are existing,

and it is clear and linked with Da-sein. Da-sein shows common life of human within society without any personified essence of human. Heidegger writes, "if Da-sein "exists" in such a way that there is absolutely nothing more understanding for it, it has also already thus become no-longer-being-there". [1]

However, determining being cannot be determined by something else because being is the beginning of everything which we want to determine. In social reality, being first means human being because there would not be any society without people. The essence of a man living in different kinds of worlds can be understood through the correlation between "clean" being, "human", and social subjectivity. It is one of the most difficult problems of social philosophy as philosophy in general.

In the case of the correlation between "human" and man, the first one determines the second by the category of "myself". While a man is aspiring outside, his relation with his transcendental Me becomes more defined because his external surrounding express the essence of not-Me, or Other. Connecting with Other a man can understand the aim of his existence more clearly. Sartre writes "I need someone who completely understands all the structures of my being. Being-for-Me directs me to being-for-Someone". It means that it is impossible to know who I am without knowing who I am not. Heidegger's "being-with" expresses being in intersubjective space. It also explains the essence of a man in his completion. So, "myself" helps us to consider man as a phenomenon in contradiction between internal subjective and external intersubjective worlds.

A man recognizes himself when he understands the context of a situation of his concrete existence. It is the space of complete realization of all his instances like "human", and "social", and "subjectivity". That concrete situation is the main ontological factor, which characterizes the necessary causes of human relation to social surrounding.

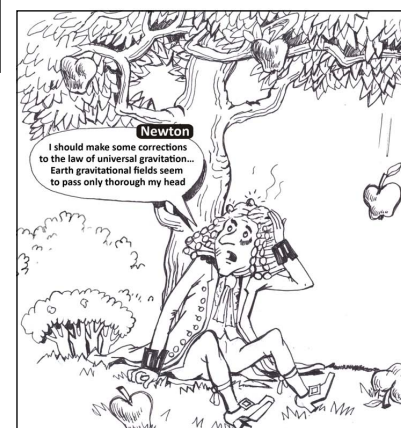
In general, human nature as its existence in the intersubjective world has a universal specific character. Otherwise, there would not be a relationship among social subjects. Even a single man finds

himself as a compound microcosm having the ability to unify different social situations to one big subjective space. That is why man is fundamentally a philosophical category. It is possible experience the problem of man in each philosophical conception. We cannot give him a concrete definition. If we compare him with the world, he is something another than world. If we compare him with the essence of God, he is something another than God, because connection with God assumes moral link of human with divinity in sense of duty. "The duty becomes duty by being traced back to God, but in the duty itself I do not enter into relation to God", wrote Suren Kierkegaard. [2].

Thus, if we compare human entity with the essence of society, he is something another than society. Therefore, he is as microcosm, as micro Theo, as micro society, because he expresses all of them keeping his own specific character.

References:

1. Basic writings of existentialism. Martin Heidegger. From Being and Time. New York: The Modern Library, 2004. P. 300.
2. Basic writings of existentialism. Suren Kierkegaard. From Fear and Trembling. New York: The Modern Library, 2004. P. 24.



Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov

International Academy
of Science and Higher Education

Стариков П.А.,
канд. филос. наук, доцент
Сибирский федеральный
университет,
Россия

Участник конференции
Национальное первенство
по научной аналитике
Открытое Европейско-
Азиатское первенство
по научной аналитике

Феномен творчества, креативности (здесь мы не разделяем эти понятия) изучается в контексте разных методологических принципов, различными отраслями научного знания. Существующее множество подходов отражает сложность феномена творчества, методологические трудности его изучения. Различные исследователи соотносят творчество с такими понятиями, как психика, общество, природа, дух.

Творчество на уровне психических процессов можно определить как выход субъекта за пределы имеющихся у него наличных знаний и представлений. В то же время эта способность индивида является эмерджентным (целостным) свойством, имеющим в своей основе определенным образом организованную систему мотивации, умений, знаний. Будучи актуализированной различными процессами (формированием современной инновационной экономики, информационного общества, научно-техническим прогрессом) развитие креативных способностей человека порождает множество сопутствующих психологических и социальных проявлений.

В центре обсуждения данного доклада – системно-интегративные функции творчества. В современной культуре эти функции пока являются латентными: неосознанными, рационально недостаточно осмысленными и мало оформленными в соответствующих практиках, ментальных представлениях. В данной работе делается попытка отразить целостный контекст, в котором формируется системно-ин-

ЛАТЕНТНЫЕ ФУНКЦИИ ТВОРЧЕСТВА

В статье обсуждается проблематика формирования современной культуры творчества, связанная с развитием психо- и социотехнологий. Показывается, что все более актуальными становятся интегративные функции творчества, востребованные в контексте личностного развития, развития систем, решения проблем растущей сложности современного мира.

Ключевые слова: творчество, интеграция, психотехнологии, развитие систем, социотехнологии, сложность.

The article deals with the problem of the contemporary creativity cultural formation, which is related to psycho- and social technologies development. It demonstrates the updating of the integrative creativity function claimed to take part in the personal development, system development, solving issues of the global increasing complexity.

Keywords: creativity, integration, the psycho-technologies, the development of the systems, social technologies, complexity.

тегративный подход к природе творчества, показать, что именно такая позиция вводит проблематику творчества в центр процессов развития индивидуальности, равно как и развития эффективных социальных систем. В конечном счете, такой подход позволяет выделить творчество, его рационализацию в качестве решающего фактора социальной эволюции.

Важно осознавать, что в историческом процессе представления о смысле, значении творчества менялись существенным образом, диалектически проявляя все новые его грани. Современное, здесь и сейчас формирующееся понимание творчества, креативного акта отражает особенности нашей эпохи. Среди них следует отметить несколько, как представляется, наиболее важных: во-первых, формирование новой картины мира, нового мировоззрения на принципах системности, холизма, синергичности; во-вторых, актуализация значимости интегративных процессов для решения глобальных проблем, вставших перед человечеством.

Так, в рамках разнообразных научных концепций рождается представление о фундаментальной целостности мироздания, обнаруживается, что мы не можем разложить мир на отдельные “строительные кирпичики”, все связано со всем. В контексте формирующейся холистической парадигмы современные технологии организации творческого процесса предполагают не просто «манипулирование» информацией с целью получения решения – они включают че-

ловека в многомерность креативного процесса, в котором преобразуется и сам субъект творчества.

Эту универсальность творчества, его универсальный, космический характер, отразили уже первые концепции творчества, сформировавшиеся в архаических культурах в форме космогонических мифов, повествующих о времени, когда первый порядок был сотворен усилиями Богов и Героев. Для этих культур характерно деление времени на две части: сакральное время и профанное. Сакральное время – это время первотворений, первопредметов, перводействий, когда из Хаоса был сотворен Космос. Бесчисленные ритуалы повторяли акт Творения, перенося архаического человека в мифическую эпоху начала мира, наделяя его через космогонический ритуал героическими и божественными силами. Как писал Мирча Элиаде, через исполнение космогонического мифа, воспроизведение его через песнопения, танцы, символические рисунки человек «погружается в состояние первоначального рассвета; в него проникают гигантские силы, которые in illo tempore сделали возможным сотворение мира» [1, с. 52]. Отождествление с творцами Космос силами дает омоложение, исцеление, возрождение.

Сегодня взгляд на творчество как на совершенный модус человеческого бытия (становления, целостности, свободы и самовыражения), взятый в контексте системности и универсальности, развивается в рамках гуманистической, экзистенциальной,

трансперсональной психологии. Так, К. Роджерс (один из известных представителей гуманистической психологии) определяет творчество как «усиление себя» [2, с. 413], приписывая ему следующие свойства. Во-первых, каждый человек обладает потенцией к глубокому и конструктивному творчеству. Во-вторых, соприкосновение со своей творческой сущностью есть одновременно соприкосновение с универсумом, с универсальным источником энергии. К. Роджерс фиксирует сущностный характер творчества как интегративный процесс, который порождается всем нашим организмом, а не только интеллектом, который может приводить к созданию некоторого продукта, но может проявляться и в построении взаимоотношений между людьми, который результируется в усилении нас самих и в новом состоянии сознания себя и мира вокруг нас.

Близкий по смыслу подход к пониманию творчества развивал А. Маслоу в контексте проблематики здоровья, зрелости и самореализации. С точки зрения Маслоу, ошибкой является попытка мерить творчество категориями «продукции», бессознательно связывать творчество только с определенными общепризнанными сферами человеческой деятельности. Маслоу ставил знак тождества между творчеством и способностью интегрировать, соединять воедино разные, противоположные элементы. Понятие интеграции имплицитно является ключевым конструктом концепции творчества Маслоу, давая возможность поставить проблему о взаимодействии между внутренней интеграцией индивида и его способностью интегрировать то, что он делает в этом мире. Насколько творчество окажется синтезирующим, конструктивным, объединяющим, с точки зрения Маслоу, зависит от внутренней интеграции личности.

Здесь, в представлениях А. Маслоу, К. Роджерса, других авторов мы видим оформление нового, современного видения творческого процесса, в центре которого оказываются системно-интегративные аспекты творчества, сотворчество объекта и субъекта действия.

Важно отметить, что выделяя признаки творческого акта, практически

все исследователи творчества и сами творцы подчеркивают его внесознательность, спонтанность, неподконтрольность прямому воздействию воли и разума. Значимый подход к пониманию природы бессознательных процессов, лежащих в основе творческого акта, сформировался на основе выделения двух стратегий обработки информации (неосознаваемой, холистической, правополушарной и осознаваемой, левополушарной).

Так, согласно модели В. Роттенберга, различие между стратегиями обработки информации полушарий человеческого мозга сводится к различным способам организации контекстуальной связи между предметами и явлениями [3]. Словесно-логическое мышление (левое полушарие) выделяет из всего обилия реальных связей между предметами и явлениями лишь немногие определенные и тем самым обеспечивает восприятие этих связей как однозначных. Для того чтобы отразить все многообразие связей между явлениями, нужен принципиально иной способ мышления. Этой задачей занято правополушарное мышление. Оно «схватывает» реальность во всем многообразии, богатстве, противоречивости и формирует многозначный контекст.

Близкие концепции качественно различия стратегий при обработке информации: сознательного и бессознательного, вторичного и первичного процессов, левополушарной и правополушарной были созданы К. Юнгом, Г. Бейтсоном, Р. Сперри, другими авторами.

Как следствие, среда, которая востребует, проявляет человеческую креативность, должна обладать высокой степенью неопределенности и богатством возможностей. Творческие люди, в свою очередь, сами ищут и создают такие среды. Верно и обратное утверждение – способность легко переносить неопределенность, любовь к приключениям, открытость для опыта, сильный самоконтроль, эмоциональная стабильность и готовность к риску являются качествами, которые присущи творческим личностям. Исследователи отмечают у творческих людей беглость, порывистость, импульсивность, предпочтение асим-

метричных форм. Одаренные лица способны выдерживать неловкое и двусмысленное положение значительно дольше людей нетворческого склада.

С другой стороны, сложность, неопределенность, скрытые от сознания порядки – те условия, попадая в которые человек, лишенный поддержки бессознательного, первичных процессов, поликонтекстности правополушарных стратегий испытывает тревожность. Затруднения в восприятии временного хаоса, неверие в спонтанные, упорядочивающие силы бессознательного и страх неведомого блокируют творческий процесс, провоцируют стереотипизацию и унификацию человеческого поведения.

Жизнь всегда вызывает тревогу, констатируют философы-экзистенциалисты, поскольку почти все важные вещи, которые случаются с людьми, имеют неопределенный, неоднозначный и неясный исход. Рутинизация человеческого действия – естественная реакция на сложность и непредсказуемость, которая и создает иллюзию психологической безопасности. Можно согласиться с Кьеркегором, назвавшим такую реакцию на жизнь «замолкнувшей индивидуальностью». Эрих Фромм определил это состояние как бегство от свободы, хотя это состояние можно было бы определить и как бегство от сложности.

Парадоксально, но именно состояние творческой свободы дает человеку необходимые ресурсы для того, чтобы справляться с тревожностью, ориентироваться в сложном и непредсказуемом мире, осуществляя этот процесс системосозидательно. Ситуация сложности и неопределенности, как бы «блокирующая» естественное освобождение творческой личности человека предполагает разрешение данного противоречия в ходе рационализации организации творческого процесса, формирования культуры творчества, сегодня, все в большей степени, в рамках развития психологических и социотехнологий. Страх неизвестности определяет границу, с пересечения которой начинается пробуждение творческой личности на основе интеграции сознания и бессознательного, рождая особые состояния активности челове-

ка, сопряженные с подлинным ядром его личности и мотивации – идеальные модели человеческого бытия и действия (различные авторы описали их как пиковые переживания, поточковые состояния, Кайрос, состояния гениальности, озарения, саморегуляции). Важно отметить, что в этих состояниях соединяются вместе универсальный творческий принцип или архетип творческой Самости и творческая личность, принцип удовольствия и принцип реальности, эрос и логос, расширяя возможности Разума человека в целостном восприятии текущего момента со всеми присущими ему скрытыми возможностями, потенциями, смыслами.

Кайрос – это особый момент полноты времени, время, как писал Пауль Тиллих, исполненное смысла. Только для абстрактного, отстраненного созерцания время является всего лишь пустой формой, способной вместить любое содержание. «Но для того, кто осознает динамический творческий характер жизни, время насыщено напряжениями, чреват возможностями, оно обладает качественным характером и преисполнено смысла» [4, с. 217]. К. Юнг определил такого рода состояния как проявления архетипа творческой Самости, описав этот архетип через его функциональное значение – интеграцию системы в целостность. Согласно феноменологии А. Маслоу, пиковое переживание несет тот же интегративный смысл – «это эпизод или «прорыв», в котором все силы личности чрезвычайно эффективно сливаются воедино, доставляя интенсивное удовольствие, когда человек обретает единство» [5, с. 132].

Сначала Маслоу, а затем другие авторы (М. Чиксентмихайи, Г. Бенсон, У. Проктор, Э. Ярлнес, В. Козлов и другие) эмпирически выявили комплексную, холистическую природу такого рода состояний, их связь с самоактуализацией, распространенность в массовом опыте. Было установлено, что сам по себе пиковый опыт имеет универсальные характеристики, мало зависящие от социально-культурной среды, в наибольшей степени проявляет интегрирующую силу творчества. Пиковое переживание, с одной стороны, является целью и средством

развития личности, с другой – скрывает в себе ресурсы развития систем к целостности, актуализации потенциальности.

В результате, оказалось возможной постановка проблемы рационализации творческого процесса на основе воссоздания пикового опыта, как диалектического синтеза противоположностей: необходимости и свободы (проблема сочетания управления, контроля и спонтанности, вдохновения), коллективного и индивидуального (проблема сотворчества, отсутствия атомизированного актора), традиции и новации.

Следует отметить, что найденные успешные модели синтеза, оформленные в паттерны современных, активно развивающихся психотехнологий, находят свое подобие или отражение в паттернах социальных практик, развитии социотехнологий. И на уровне организации психических, и социальных систем возникают сходные проблемы и универсальные, взаимопроницающие паттерны их решения.

Важнейшая характерная особенность нашего времени – обстановка кризиса природно-человеческого бытия, поиск путей выживания, когда начинает остро вырисовываться комплексная взаимообусловленность социальных, политических, экономических и духовных проблем. С одной стороны, увеличивающаяся сложность среды продолжает углублять дифференциацию общественных подсистем. Согласно Никласу Луману, данный процесс подготавливает почву для «больших резонансов» – катастрофических изменений, возникающих в силу дезинтегрированности системы в целом, с другой – отвечая на вызов сложности, человеческое сообщество ищет возможности актуализации интегративных процессов.

Печальный опыт катастрофического нарастания проблем системного уровня, встающих перед человечеством, показывает, что со старыми стратегиями мышления, организационными паттернами принятия решений невозможно жить в новую эпоху, когда сложность среды обитания человечества не только увеличилась количественно, но и трансформировалась качественно.

В свое время, О. Конт, определяя законы социальной эволюции, сформулировал важный принцип перехода от неосознанного единства к осознанному единству через этап обособления частей системы, ее распада на отдельные, конкурирующие между собой элементы. Осознанное единство становится возможным через выявление ключевых проблем – вызовов, автономизирующих элементы системы, и тех осознанных практик, которые позволяют интегрировать элементы в целостность на новом уровне развития.

Например, Ю. Хабермас видит необходимый системный ресурс интеграции современного общества в рационализации коммуникативных процессов. Полемизуя с Марксом, Хабермас определяет в качестве цели общественного развития построение коммуникативного общества. С точки зрения представлений, развиваемых в данной работе, рационализация коммуникативных практик необходимо должна быть дополнена рационализацией творческих процессов, раскрытия их интегративных ресурсов, вне которых коммуникация бесплодна, а системная целостность недостижима.

Анализ современных психотехнологий, социо-культурных подходов к возможностям интеграции систем в целостность, позволяет утверждать, что общей задачей является решение универсальной для развития систем проблеме – согласовании процессов дифференциации и интеграции; автономизации частей и эволюции целостности. В современных условиях, когда нелинейность, сложность, динамичность среды необходимо предполагает дифференциацию подсистем целого и их автономизацию, указанная проблема решается в демократизации отношений части-целое на основании ресурсов обучения, творчества, коммуникации (необходимо связанных сегодня с развитием сложных систем феноменах культуры). И на уровне психотехнологий развития личности, и на уровне социокультурных подходов формируется определенная модель структурно-функциональной организации – центром системной регуляции становится процессуальная структура коммуникации частей цело-

го, в рамках которого осуществляется творческое примирение и уравнивание противоположностей.

При этом усложнение системы в ходе диссоциации, увеличения степени автономности элементов уравнивается возрастающими способностями к системной интеграции, что и реализуется в качественно иных по структурно-функциональной организации состояниях системы – «сотворчества элементов» системы.

Так, Р. Акофф указывает на неизбежность автономизации работы частей в ходе нарастания нелинейности и сложности современной экономической среды, развивая опыт согласования частей системы в рамках интерактивного планирования. С. Бир устанавливает соответствие между организацией человеческого мозга и современными системами управления. Основной решающий орган должен функционировать подобно эвристической экспертной структуре – «губке разнообразия». П. Чекленд предполагает адекватными возрастающей сложности среды технологии мягкого системного подхода, построенные вокруг обучения, обмена мнениями, интеграции и творчества. Сегодня рассматриваемая модель организации целого – дифференциация частей, сопряженная с растущим значением творческой интеграции, все в большей степени определяет тенденции развития социосистемных технологий.

Понимание творческого акта, с одной стороны, как источника лич-

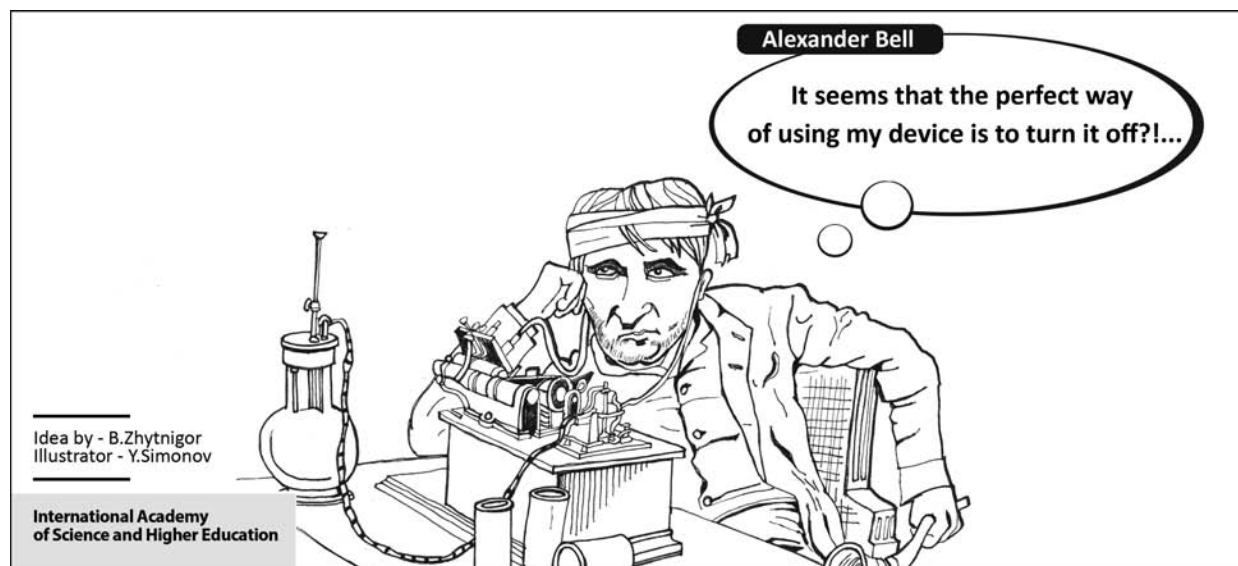
ностного развития, индивидуальности, с другой – необходимого ресурса системного развития, уже сегодня позволяет выйти из относительно узких рамок отдельных концепций творчества к «новым горизонтам» многоуровневой, комплексной концепции творческого процесса. Необходимость такого подхода в свое время остро чувствовал русский философ Николай Бердяев. В его работах суть происходящих и необходимых для мира изменений определяется как рождение этики Творчества. Этика Творчества выходит за рациональное видение мира, есть этика энергетическая и динамическая. «Повышение энергии жизни, качественное и количественное, творческий подъем энергии становится при этом одним из критериев нравственной оценки» [6, с. 214]. Как писал Н. Бердяев, творческий опыт есть нечто первичное, он – духовен в религиозном смысле слова. Творчество есть преодоление мира в евангельском смысле, преодоление иное, чем аскетизм, но равноценное ему. В творческом акте не устраивается «мир сей», а создается мир иной, подлинный космос. «Творчество по существу своему есть расковывание, разрывание цепей. В творческом экстазе побеждается тяжесть мира, сторает грех и просвечивает иная, высшая природа» [6, с. 146].

В целом, дальнейшее развитие на Земле вида *homo sapiens* требует качественного совершенствования механизма его эволюции. В частности, Н.Н. Моисеев указывает на постепен-

ное идеологическое и методологическое оформление практики коэволюционного подхода. Концепция коэволюции предполагает развитие нового типа эволюционизма – от отбора наиболее приспособленных в условиях определенной системы соревнований (РЫНОК) к творческой эволюции (исцеление, обучение, сотворчество – НООСФЕРА). Ключевое место в этом инновационном процессе занимает становление понятийного каркаса соответствующих идей, методов, техник и процедур, актуализирующих проблематику системно-интегративных функций творчества.

Литература:

1. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М.: Академический Проект, 2001. – 240 с.
2. Роджерс, К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К.Р. Роджерс. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 480 с.
3. Ротенберг, В. Сновидения, гипноз и деятельность мозга / В. Ротенберг. – М.: ООО «Центр гуманитарной культуры «Рон», 2001. – 256 с.
4. Тиллих, Пауль Избранное: Теология культуры / Пауль Тиллих. – М.: Юрист, 1995. – 479 с.
5. Маслоу, А. Психология бытия / А. Маслоу. – М.: «Рефл-бук», 1997. – 304 с.
6. Бердяев, Н.А. Опыт парадоксальной этики / Н.А. Бердяев. – М.: «Издательство АСТ», 2003. – 701 с.



Степанова Н.М.,
канд. филос. наук
Черкасский
областной институт
последипломного
образования
педагогических
работников,
Украина

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И КРИЗИС ДОВЕРИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

В статье проанализированы социальные изменения на рубеже XX и XXI веков. Прослежена связь между трансформацией национального государства и доверием как социокультурным явлением – основой современного развития общества.

Ключевые слова: доверие, принцип суверенитета, легитимность, национальное государство.

The social changes at the turn of the XXth and XXIst centuries have been analyzed in the article. The relationship between the transformation of the nation state and confidence as a sociocultural phenomenon – the foundation of the society's modern development has been evolved.

Keywords: trust, the principle of sovereignty, legitimacy, the nation-state.

Сегодня в мире существует около 200 государств. Они отличаются устройством, формами управления, у них разные политические режимы и социально-политические структуры, но есть одна особенность, которая объединяет их всех, без исключения: власть каждого государства стремится к установке доверия в обществе, как на межличностном уровне, так и внутреннем организационном. Доверие становится необходимым условием общественного развития в силу нарастания неуверенности людей к власти, связанного с увеличением сложности и непрозрачности современных обществ.

В связи с этим, целью данной статьи является попытка охарактеризовать трансформацию национального государства и выделить место доверия как социокультурного феномена в его развитии.

По нашему мнению, непрофессиональное управление государством подрывает принцип суверенитета, который ассоциируется с определением самого смысла государственности. Это происходит потому, что проблемы, какие создают «слабые» государства для себя и других, увеличивают вероятность того, что еще какая-либо из стран международной системы захочет вмешаться во внутренние дела этих «слабых» стран против их желания. Под термином «слабый» мы понимаем не административно-территориальную целостность государства или его место в мировой политике, а именно недостаток административного потенциала для функционального

управления, неэффективные распоряжения особенно в экономической сфере, которые приводят к нехватке доверия граждан к такой власти, и, как следствие, к государству, как ее ядру.

Таким образом, проблемы, как осуществлять управление в «слабых» государствах, как укрепить их демократическую легитимность и создать самодостаточные политические институты, – становятся основополагающими в современной международной политике. Американский философ, политолог Ф. Фукуяма дает свой рецепт: «учитывая, как общее, желание граждан демократических стран перестроить государства, раздираемые конфликтами и войнами, сократить базу терроризма, дать шанс развить национальную экономику тем странам, которые находятся на грани дефолта, нужно создать науку, искусство или технологию построения государственного аппарата. В случае удачи – она будет служить одновременно всем этим целям и на нее будет огромный спрос, – верит исследователь [5, с. 167-168]. На самом деле, создание такой панацеи ставили, как цель, еще Платон и Макиавелли. Но эта проблема так и не находит идеального решения, ведь всегда существуют определенные исторические или геополитические различия в том, что традиционно называют «политической культурой», а на наш взгляд, является, прежде всего, определенным типом социального доверия. Например, в Соединенных Штатах усилия в этом направлении получили название «построение национального госу-

дарства» [5, с. 175]. По усмотрению Ф.Фукуямы, этот термин отражает опыт нации в данной области, когда культурная и историческая идентичность формируется преимущественно политическими институтами – конституционализмом и демократией.

Европейцам же свойственно значительно больше чувствительности в определении разницы между государством и нацией. Клаус фон Байме в работе «Политические теории современности» подчеркивает, что «построение национального государства в смысле создания социальной структуры, которая опирается на историю и культуру, не может осуществляться никакой внешней силой. ... Государство можно строить только обдуманно. Если при этом возникает нация, то это в большей степени результат политического «везения», а не построения государственного аппарата» [1, с. 34-35].

Важным для анализа нашей темы представляется подача Ф. Фукуямой трех стадий, или фаз, в построении национального государства. Первая стадия – это так называемая постконфликтная перестройка, она наступает, когда страны выходят из состояния руины, как Афганистан, Ливия или Ирак, где структура государства полностью разрушена и нужна коренная перестройка. В этот период цель возможной внешней (международной) помощи заключается в том, чтобы обеспечить стабильность путем внедрения чего-то вроде «государственного автопилота» для этих стран, то есть полного дублирования основных функций внешним усилием (сил

безопасности, гуманитарной и технической помощи для восстановления подачи электроэнергии, воды, банковской и платежной систем и т.п.).

Если ослабленное государство будет иметь счастье найти в международной помощи хоть какую-нибудь пользу и обрести стабильность (как, например, Босния), наступает вторая стадия. Теперь главной целью становится создание собственных государственных учреждений, способных самостоятельно выстоять, когда интервенция закончится. Осуществить эту фазу сложнее, чем первую, если внешние силы решат «красиво» удалиться из страны.

Третья стадия в значительной мере совпадает со второй, а точнее незаметно вырастает из нее. Она тоже связана с вопросом укрепления слабых государств, в которых власть уже в значительной степени стабилизировалась, но еще не в состоянии осуществлять некоторые важные государственные функции, такие как защита прав собственности, или гарантировать общее начальное образование [5, с. 178-189].

Мир – это неоценимое благо для народов стран, которые знают, что такое война, он оправдывает все международные усилия в этом направлении. Но международное сообщество подчеркивает важность возобновления управленческих институтов, «создание инфраструктуры доверия». Однако на практике, нередко международное сообщество и большое число неправительственных организаций направляют в «слабые» страны столько высококлассных специалистов, что они часто просто вытесняют, а не дополняют крайне слабые местные государственные институты. Это, на наш взгляд, является свидетельством не ориентации на установление доверия в межгосударственных отношениях, а совсем наоборот – проявлением глубокого недоверия к «слабым» государствам. В результате, при осуществлении функции управления квалификация местной администрации не растет, и «слабые» страны, как правило, становятся еще слабее, и снова возвращаются в прежнее состояние, как только международное сообщество теряет к ним интерес или уходит в другие кризисные регионы.

Построение мира, свободного от острых идеологических конфликтов и широкомасштабной гонки вооружений, предоставит больше возможностей для достижения консенсуса, ведения диалога и переговоров как способов разрешения споров. Эту, собственно, стратегию, обосновывают представители коммуникативной философии, такие как Юрген Хабермас и Карл-Отто Апель, представители европейской интеллектуальной традиции.

Сегодня в мире существует множество международных организаций, активным участником которых является США. Они рассматривают самые разные вопросы: от ядерной безопасности, установление стандартов и научного сотрудничества, к безопасности авиаперевозок, банковских расчетов, регулирования рынка лекарств, использовании космоса и телекоммуникаций. Однако власти каждого государства имеют свое понимание источников демократической легитимности на международном уровне.

Если схематизировать и упростить вопрос, то американцы склонны видеть высокий уровень демократической легитимности в конституционном демократическом государстве. В их глазах любая международная организация типа ООН легитимна только потому, что законно утверждена, демократическое большинство передало им эту легитимность в межгосударственном процессе переговоров. Стороны-участники могут в любой момент аннулировать эту легитимность, то есть международные законы или организации не существуют независимо от этого добровольного соглашения между государствами. Как факт, уровень доверия здесь действительно очень низкий, со стороны США – они постоянно «считают пальцы» после того, как публично открыто «жмут руки» своим иностранным партнерам.

Европейцы, напротив, склонны верить, что демократическая легитимность существует, скорее, по воле международного сообщества, чем любого отдельно взятого государства. Это международное сообщество не воплощается именно в каком-либо одном глобальном демократично установленном порядке, однако добавляет

легитимности существующим международным институтам, частично его воплощают. Таким образом, миротворческие силы в бывшей Югославии следует рассматривать не просто как конкретные межправительственные меры по урегулированию ситуации, но, скорее, как моральное выражение воли и норм международного сообщества.

Европейский взгляд на международную легитимность во многом схож с европейским взглядом на государство. Как указывал С. Хантингтон, во многих странах, особенно в континентальной Европе, «государство всегда воспринималась как защитник общественных интересов, личных интересов гражданина, стоящие выше» [3, с. 47]. Этому государству, которое обычно воплощает профессиональная бюрократия, порой приходится действовать против воли общества, поскольку она имеет лучшее представление об общих интересах нации.

Так, неожиданно и в европейской политике встречаем примеры недоверия на государственном уровне, а доверие межгосударственное начинает выглядеть, прежде всего, как доверие не столько между странами, сколько между профессиональными бюрократами разных стран. Поэтому нельзя идеалистически представлять европейскую политическую теорию, как однозначно, более развитую в вопросах доверия – как теоретически, так и на практике.

Чем является государственность и суверенитет для американцев? США стоят особняком среди стран с развитой демократией, их политика и институты сильно отличаются от политики и институтов Европы, Канады, Австралии, Китая или Японии. Какую бы сферу не взять к рассмотрению – социальное обеспечение, борьбу с преступностью, правовые нормы, внешнюю политику, – везде существуют разногласия, отделяющее Америку от остальных стран. Америка всегда выступает против контролируемой государством экономики и более, чем другие демократии, поощряет индивидуализм, неограниченную свободу предпринимательства и эгалитаризм. Это ощущение исключительности распространяется и на ее собствен-

ные демократические институты и их легитимность. В отличие от большинства старых обществ Европы, по мнению Ф. Фукуямы, в основе построения Соединенных Штатов «лежит политическая идея» [5, с. 189].

Американского народа, или американской нации, к моменту основания государства не существовало. Национальная идентичность поэтому и носит в США скорее гражданский, чем религиозный, культурный, расовый или этнический, характер. В Америке существовал только один политический режим, который, будучи одной из старейших в мире непрерывных демократий, не рассматривается как политический компромисс. Это означает, что политические институты этой страны внушают людям этой страны и за ее пределами почти благоговейное уважение, которое европейцы, обладающие значительно более древними источниками идентичности, находят странным [3, с. 234-240].

В Европе, а также в развитых азиатских странах, например, в Японии все совершенно иначе. История европейских стран и Японии началась задолго до установления в них демократии. У европейцев и японцев является не только политические источники идентификации. Они видели, как «приходят» и «уходят» разные режимы, и помнят, что некоторые из этих режимов ответственные за крайне позорные деяния. Тогда как французы и британцы (хотя и по-разному) продолжают видеть «миссию своей нации» в судьбе всего мира, можно сказать, немного европейских стран считают свои политические институты универсальными моделями для остального человечества [4]. На самом деле, многие европейцы считают, что их национальные институты имеют низкий уровень легитимности, чем международные организации, при этом ЕС занимает место где-то посередине.

Американцы и европейцы по-разному смотрят на источник легитимности. Американцы считают, что эта законность укоренена в воле демократического большинства в конституционных национальных государствах, а европейцы склонны считать, что она базируется на высших принципах справедливости, чем законы или

воля отдельных государств, следует добавить – если это не законы или воля государства США. И те, и другие пришли к подобным взглядам из причин, глубоко укоренившихся в их национальных историях и в этом отношении вполне понятным. Многие европейцы придерживаются мнения, что именно они, а не американцы, настоящие защитники универсальных либеральных ценностей, поскольку верят в эти ценности независимо от их воплощения в современных национальных государствах.

Решение суверенных либеральных демократий могут быть процедурно корректными, но это не гарантирует, что они точно согласуются или находятся в соответствии с упомянутым выше принципом. Демократическое большинство может принять решение и сделать что-то ужасное по отношению к другим странам и может нарушить права человека и нормы морали, на которых основывается их собственный демократический порядок.

Проблема с европейской позицией в том, что, тогда как высшая область либерально-демократических ценностей теоретически может существовать, в любом международном институте она воплощена весьма несовершенно. Сама идея, что эта легитимность «спущена вниз» с международного уровня, а не вручена «снизу» законным образом конкретной обществу на уровне национального государства, по сути, способствует злоупотреблениям со стороны части элит, которые свободны толковать волю международного сообщества в соответствии собственным эгоистическим интересам.

Вторая важная практическая проблема европейской позиции – это проблема введения законов в жизнь. Единственная власть для суверенных национальных государств, даже в современном глобализирующемся мире, – это власть вводить законы. Даже если существующие международные законы и организации точно отражают волю международного сообщества, введение законов в жизнь остается в целом сферой деятельности национальных государств [2, с. 204].

Большое количество как международных, так и национальных законов,

которые имеют европейское происхождение, являются теми, что можно больше приравнять к стремлениям социальной политики. Оправдание такого рода законам европейцы находят, утверждая, что они выражают социальную объективность, американцы же отрицают, справедливо доказывая, что неосуществимые устремления подрывают принципы самого права [5, с. 192].

Государственность разрушается также и с другой стороны. В мире возникают разнообразные международные организации, предназначенные для того, чтобы взять на себя некоторые административные функции национальных государств. Некоторые, например, удивительно разнообразные технические организации и организации, устанавливающие стандарты, действительно создали международные правила, которым подчиняются и которые в основном способствуют глобальной эффективности [2, с. 81]. Другие же, более политизированы по природе, стремятся сломать легитимность национальных государств без применения взамен уничтоженных эффективных международных институтов, таким образом, образуют «вакуум власти». И основным путем такого образования «вакуума власти» является разрушение доверия – доверия к собственному правительству, международному сообществу, межгосударственным и надгосударственным организациям.

Как мы видим, проблема формирования и восстановления уровня доверия, которая касается непосредственно влияния на процесс легитимации демократического (или другого) режима относится непосредственно к компетенции национального государства. При этом никакой другой властный субъект общественных отношений не может применить весь тот комплекс средств и ресурсов, которым владеет государство. При этом, главным распорядителем таких ресурсов является властная элита государства и именно ей принадлежит право законодательства и проведения общественно-правовой идеологии в рамках национального сообщества.

И в завершение, можно подчеркнуть, что доверие – это особенная

ценность, которую надо беречь и продвигать в современном обществе. Для устойчивого мирового развития, главными составляющими которого есть развитие национальные государства, нужно стремиться к учреждению нового, справедливого механизма глобального партнерства посредством создания новых уровней сотрудничества между государствами, ключевыми секторами общества и людьми, которые невозможны без взаимопонимания, толерантного отношения, и конечно же, доверия.

Литература:

1. Байме К. Політичні теорії сучасності / К. Байме; [пер з нім. М. Култаєвої та М. Бойченка]. – К. : Стило, 2008. – 396 с.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман; [пер. с англ. М.Л. Коробочкина, под ред. Е.В. Яновской]. – М. : Издательство «Весь мир», 2004. – 488 с.
3. Гантингтон С. Кто мы? Вызовы американской идентичности / Саму-

ель Гантингтон. – М. : Транзиткнига, 2004. – 634 с.

4. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Дэвид Хелд, Дэвид Гольдблатт, Энтони Макгрю, Джонатан Перратон; [Пер. с англ. В.В. Сапова и д.]. – М. : Праксис, 2004. – 576 с.

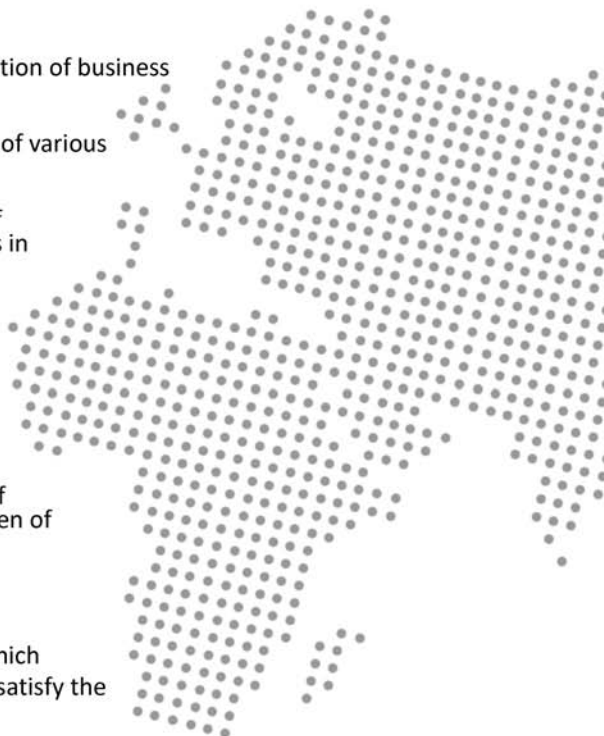
5. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Френсис Фукуяма; [пер с англ.]. – М. : АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 730 с.



INTERNATIONAL UNION OF COMMERCE AND INDUSTRY

International Union of Commerce and Industry (London, UK) – a union of commercial enterprises, businessmen, scientists, public figures and politicians from different countries. The union combines the social and commercial elements of functioning.

- Promotion of international consolidation and cooperation of business structures;
- Promotion of development of commercial businesses of various kinds;
- Assistance in settlement of relations and questions of businessmen with each other and with social partners in business environment;
- Assistance in development of optimal industrial, financial, commercial and scientific policies in different countries;
- Promotion of favorable conditions for business in various countries;
- Assistance in every kind of development of all types of commercial, scientific and technical ties of businessmen of different countries with foreign colleagues;
- Promotion of international trade turnover widening;
- Initiation and development of scientific researches, which support the effective development of businesses and satisfy the economic needs of the society;
- Expert evaluation of activities in the field of settlement of commercial disputes, establishment of quality standards and defining of factual qualitative parameters of goods and services;
- Legal and consulting promotion of business;
- Establishment and development of activities of the international commercial arbitration;
- Exhibition activities;
- Holding of business and economic forums.



Трещалин М.Ю.,
д-р техн. наук, проф.,
Московский
государственный
технологический
университет
«СТАНКИН»,
Россия

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЦИФРОВЫХ СИМВОЛОВ ИОАННА БОГОСЛОВА

В статье рассматривается широкий круг вопросов, логически связанных между собой общей идеей объяснения смысла символических обозначений, содержащихся в произведениях Иоанна Богослова. Проводится анализ Главы 21 Евангелия от Иоанна Богослова. Рассмотрено число 153, определяющее количество пойманных «больших рыб». Изложено обоснование смыслового значения 153, связанное с цикличностью процессов на Земле.

Ключевые слова: числовая символика, цикл, числа 153, 108, 216 и 666, жизненный цикл, периодические процессы.

The article deals with a wide range of issues that are logically linked together by a common idea to explain the meaning of symbolic designations contained in the works of Ioann Bogoslov. Chapter 21 analyzes the of the Evangelija of Ioann Bogoslov. Consider the number 153, indicating the number of caught the «big fish». It examines the rationale for the semantic meaning of 153, associated with the cyclical processes on Earth.

Keywords: numerical symbolism, the cycle, numbers 153, 108, 216 and 666, the life cycle, periodic processes.

В контексте анализа литературных памятников, хроник и священных книг многих народов мира, так или иначе связанных с описанием истории развития человечества, особое внимание следует уделить «Евангелию» и «Откровению» Святого Иоанна Богослова, где, по мнению многих исследователей, приводится описание прошлого и будущего планеты Земля, излагаемое языком образов и символов.

С целью оценки знаковых событий на Земле, большой интерес представляет Глава 21 Евангелия от Иоанна.

21:3. Симон Петр говорит им: иду ловить рыбу. Говорят ему: идем и мы с тобою. Пошли, и тотчас вошли в лодку, и не поймали в ту ночь ничего.

21:4. А когда уже настало утро, Иисус стоял на берегу;

21:5. Иисус говорит им: дети! есть ли у вас какая пища? Они отвечали Ему: нет.

21:6. Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы.

21:8. А другие ученики приплыли в лодке, – ибо не далеко были от земли, локтей около двухсот, – таща сеть с рыбою.

21:11. Симон Петр пошел и вытащил на землю сеть, наполненную большими рыбами, которых было сто пятьдесят три.

Содержание разделов 21:3 – 21:5 позволяет сделать вывод о том, что до явления Иисуса люди приложили не-

мало усилий для того, что бы поймать рыбу. Если понимать рыбную ловлю как единственную возможность обеспечить себя пищей, то логично предположить, что на суше люди не смогли найти себе пропитание.

Здесь уместно отметить, что «... Явился Иисус ученикам Своим при море Тивериадском». Архимандрит Никифор в Библейской энциклопедии пишет: «...В озере находится множество рыбы, и потому здешние жители большею частью занимались, да и доселе занимаются, рыболовством». Возникает вполне уместный вопрос: если в озере много рыбы, то как можно ее не поймать, тем более сетью?

Не маловажным представляется уточнение: «... и не поймали в ту ночь ничего». Ночи предшествует день, но о том, что рыбалка была днем в тексте Главы 21 ничего не сказано. Ночь, прежде всего, ассоциируется с темнотой. Если допустить наличие кратковременное и не сопоставимо по времени с продолжительностью ночи.

Следовательно, можно предположить, что в тексте Главы 21 иносказательно отражены события на Земле, предшествующие явлению Иисуса, и связанные, так или иначе, с длительным отсутствием Солнца. Поэтому дальнейший анализ основывается на сопоставлении информации, которая логически и хронологически соответствует текстам «Евангелия» и «Откровения».

В исторических хрониках и летописях указывается, что мир был окутан сумерками в год смерти Цезаря – 44 г. до н. э. Плиний писал: «После убийства Цезаря диктатора, и во время войны Антония, почти в продолжении целого года не рассеивался мрак». Наступление сумрака объясняется попаданием в атмосферу Земли пыли кометы, появившейся 22 сентября 44 г. до н. э.

Формулировка и стиль указания Иисуса: «...закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете» не позволяют усомниться в том, что если люди сейчас же пойдут ловить рыбу, то вернуться с добычей, закинув сеть именно с правого борта. Подобное уточнение позволяет предположить, что привычно было «закидывать» сеть с левой стороны. Такая версия имеет следующее обоснование.

Как отмечал И. Великовский [1], после катастрофы, произошедшей в 44 г. до н. э., «...четыре стороны света были не теми, что раньше». Аристотель писал: «Пифагорейцы различали лишь право и лево в движении. Вращение Неба начинается с той стороны, где восходят звезды; следовательно, она будет правой, а сторона, где звезды заходят, – левой». Аналогичное мнение высказывал Платон. Комментируя движение слева направо, он уточнял, что «...Справа при этом будет восток» [2]. Изменение направления движения Солнца привело к пагубным последствиям на континенте: «На всех животных тогда

нападает великий мор, да и из людей остаются в живых немногие» [1]. Эта цитата является косвенным объяснением отсутствия возможности найти пропитание на суше и в море.

Следовательно, явление Иисуса ознаменовало окончание тьмы и наступление утра – начала новой эпохи (этапа, периода, цикла) жизни на Земле (море в Библии означает весь мир, то есть море житейское).

Большой интерес вызывает улов. Очевидно, что указание точного количества пойманной рыбы, «...которых было сто пятьдесят три», имеет вполне определенную цель. Такое предположение основано на сравнении изложения тех же событий в «Евангелии» от Луки (Глава 5).

Если в «Евангелии» от Луки констатируется факт обилия долгожданной пищи (5:6. ...Они поймали великое множество рыбы ...), то Иоанн особо подчеркивает величину улова – 153 больших рыбы. Почему именно 153, а не больше и не меньше? Ведь для того, чтобы накормить несколько человек и трех десятков «больших рыб» было бы достаточно. Основываясь на пророческом содержании «Евангелия» от Иоанна, остается предположить, что число 153 содержит скрытую информацию, являясь своеобразным кодом системы процессов, происходящих на Земле.

Иоанн Кронштадтский писал: «По толкованию одного из Отцов Церкви (Григорий Двоеслов, папа Римский), упомянутое число 153 соответствует высокому значению избрания для Царства Небесного. Оно складывается из $3 \times 3 \times (10 + 7) = 153$, где 3×3 – сильная вера в Святую Троицу; 10 – любовь или закон заповедей; 7 – благодать Святых таинств веры. ...Тут, в этом примере сошлись вместе: вера, дела и благодать – $3 \times 3 \times (10 + 7) = 153$ ».

Полагая, что 153 указано (вычислено, составлено) не случайно, следует рассмотреть смысл и последовательность расположения каждой, входящей в это число, цифры. Обобщая особенности, приписываемые цифрам 1, 3 и 5, можно отметить следующие символические особенности [3]. Число 153:

– в общей системе закономерностей развития Вселенной характеризу-

ет жизненные ритмы и времяисчисление на Земле;

– отражает целостность личности, творческую силу и активную позицию человека по отношению к природным силам;

– представляет собой нечто целостное, имеющее начало, середину и конец.

Проведенный анализ показал, что число 153 характеризует «цикл завершения» и связано с началом новой эпохи жизнедеятельности на Земле. Однако Святой Апостол Иоанн Богослов использовал шифр, несмотря на то, что периодичность наступления кризисных событий на земном шаре, в частности, природных катастроф, он, несомненно, знал.

После того, как «Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы», Иоанн пишет, что место улова было «...не далеко были от земли, локтей около двухсот».

Следует отметить, что отсутствие определенности в выражении каких бы то ни было величин не свойственна трудам Святого Иоанна Богослова. И в «Евангелии» и в «Откровении» приводимые численные характеристики всегда имеют конкретные значения.

В принципе, любая неопределенность основана на сомнении в правильности полученных результатов, сделанных выводах и т.п., не полном знании предмета обсуждения или сознательном желании скрыть истину.

Учитывая высокую степень эрудиции и способность к пророчеству, маловероятно, что Иоанн не мог точно указать расстояние до берега. Более того, о том, в каком месте озера поймано «множество рыбы», можно было бы и умолчать, т.к. по отношению к решению главной проблемы – появлению долгожданной пищи, такая информация не имеет определяющего значения. Следовательно, для автора представляется важным довести до сведения людей число 200 именно в приближенном виде.

По мнению Иоанна Кронштадтского, «...Расстояние до лодки соответствует периоду времени от Апостольской Церкви до конца мировой истории. Если словосочетание «около двухсот локтей» воспринимать сим-

волически, то они ... означают около 2000 лет».

Однако, выражение «около двухсот» можно трактовать двояко: точное значение числа или немного меньше, или несколько больше 200. Такой подход позволяет допустить, что имеется в виду 216-летний цикл, но вычисляемый из расчета не 360, а 365 дней в году. Таким образом, вариантом обоснования причины отсутствия точности применительно к фразе «около двухсот локтей», является различие в определении цикла катастроф в зависимости от хронологической шкалы.

Изучение материалов, связанных с объяснением смысла чисел 108 и 216, позволяет сделать предположение о том, что в разделе 8 Главы 21 «Евангелия» от Иоанна значение «...около двухсот» соответствует 216. Непосредственно 108 и 216 заслуживают отдельного комментария, как известные с древних времен численные характеристики циклических процессов на Земле и в Космосе, связывающие хронологические системы с движением и взаимодействием планет. Особенностью числа 108 является то, что сумма составляющих его чисел равна самому числу 108. Таким же свойством обладают 18, 1008, 10008, ...

Анализируя информацию относительно чисел 108 и 216, обращают на себя внимание следующие моменты:

– продолжительность эпох, заканчивающихся планетарным катаклизмом, включает циклы по 108 и 216 лет. Причем количество таких циклов кратно 2, 6 (12), 10 (20);

– число 216 является наименьшим общим кратным 54 и 72: $72 \times 3 = 54 \times 4 = 216$. Тем самым объясняется взаимосвязь циклов (периодов), продолжительностью: 144000, 7200, 360 дней; 108, 216, 144, 2160, 25920 лет.

Исследуя символику Святого Апостола Иоанна Богослова, следует обратить внимание на числа, приведенные в «Апокалипсисе».

Принято считать, что в «Откровении» раскрыты тайны судеб Церкви и конца мира. При таком подходе в первую очередь обращает на себя внимания число 666. При анализе стиха 13:18 («Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это чис-

ло человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть») «Апокалипсиса», вызывает интерес использование термина «сочти», так как существует две возможности его понимания.

Первый вариант – «сочти, прочитай». В этом случае рассматривается буквенный аналог числа 666 – подход. Во времена написания «Апокалипсиса» (~ 67 г. нашей эры) еще не было арабских цифр и числа в письменах на всех языках греко-римской Империи обозначались буквами греческого алфавита, которые подбирались так, чтобы сумма цифр составляла число 666, а сами они читались как имя.

В настоящее время наиболее распространенное мнение заключается в том, что 666 обозначает имя римского императора «Кесарь Нерон» (Nero Caesar). Однако, столь очевидная трактовка заставляет усомниться в ее однозначности. Святитель Ириней писал: «...Может найтись много имен, заключающих в себе вышеозначенное число, и все-таки этот вопрос останется нерешенным». В «Толковании на Апокалипсис Святого Иоанна Богослова» Святитель Андрей Кесарийский пишет: «... Если бы была необходимость знать его имя, то, как говорят некоторые учителя, тайновидец открыл бы его».



Другой вариант восприятия слова «сочти» – сокращение от «сосчитай», но здесь возникает вопрос: зачем считать, если число 666 указано, следовательно, и сосчитано. Вероятнее всего необходимо рассматривать оба варианта совместно, основываясь на числовой символике. Тогда, первоначально следует «пересчитать» или расшифровать число 666, и после того, как будет понятен смысл, «прочитать» истинную трактовку автора. При этом следует иметь ввиду представление каждого многозначного числа в виде: $abc = (ab \pm c) + (bc \pm a) + (ca \pm b)$ или $abcdef = (abcde \pm f) + (bcdef \pm a) + (cdefa \pm b) + (defab \pm c) + (efabc \pm d) + (fabcd \pm e)$.

Тогда:

$$(15 + 3) + (53 + 1) + (31 + 5) = 108;$$

153:

$$(15 - 3) + (53 - 1) + (31 - 5) = 90 = 108 - 18$$

$$(66 + 6) + (66 + 6) + (66 + 6) = 216 = 108 + 108 = 2 \times 108;$$

666:

$$(66 - 6) + (66 - 6) + (66 - 6) = 180 = 218 - 36 = 2 \times (108 - 18);$$

Сравнивая результаты расчета необходимо отметить, что алгебраическая сумма чисел, составляющих 666, в два раза превышает сумму чисел, входящих в 153.

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы и предположения.

1. Числа 153 и 666 имеют не только противоположный, изначально заложенный Святым Апостолом Иоанном Богословом, смысл, но и различаются по величине суммы составляющих каждое из них чисел в два раза: ста пятидесяти трем соответствует 108, шестьсот шестьдесят шесть определяется числом 216.

2. Алгебраическая сумма цифр, составляющих 153, 666, 144000 кратна 9 и 108. Учитывая, что 108 можно представить в виде произведения двенадцати и девяти, а также символический смысл этих чисел, следует понимать, что сто пятьдесят три выражает космический 108-летний цикл, состоящий из 12 девятилетних периодов. При этом продолжительность года, в соответствии с древней системой летоисчисления многих народов мира, равна 360 дням.

3. «Число Зверя» несет в себе негативное содержание, характеризующее все плохое, противоположное Божественному. Это выражается числами:

– тринадцать (номер Главы), что можно рассматривать как ссылку на катастрофу, произошедшую в пасхальную ночь с 13 на 14 авива (месяца) в Египте и Израиле в середине второго тысячелетия до нашей эры, а также обозначение действий, событий, явлений, заканчивающихся крахом, смертью, радикальной переделкой вещей;

– восемнадцать (номер стиха), представляет собой удвоенную девятку или сумму трех шестерок;

– суммой чисел, составляющих 666, и равной $216 = 2 \times 108$.

Следовательно, 666 отражает качество окончания очередного удвоенного девятилетнего периода или 216-летнего цикла. Каждый восемнадцатилетний этап, с начала 108-летнего цикла, а также каждый второй 108-летний цикл, должны заканчиваться крупным катаклизмом.

Для более полного понимания изложенных численных взаимосвязей следует привести первоначальный вариант записи стиха 18 Главы 13 «Апокалипсиса»: «Зде мудрость есть. Иже иматъ ум, да почтет число зверино: число бо человеческо есть, и число его, шесть сот шестьдесят шесть». Если допустить наличие запятой в словосочетании «шесть сот, шестьдесят, шесть», то «число Зверя» принимает понятные для человека значения, связанные с окончанием (началом) «Великого цикла» или цикла прецессии: $216 \times 600 = 129600$; $216 \times 60 = 12960$; $216 \times 6 = 1296$.

Литература:

1. Великовский И. Миры в столкновении. М.: Издательство «Крафт +», 2002. – 537 с.
2. Гайденко П.П. История греческой философии в ее связи с наукой. www.PHILOSOPHY.ru/library/gaid/62.html
3. Керлот Х.Э. Словарь символов. Мифология. Магия. Психоанализ. Букинистическое издание. Издательство REFL-book, 1994. – 608 с.

Hamze D.G.,
Cand. of Philology,
doctoral candidate,
assistant lecturer,
University of Plovdiv
"Paisii Hilendarski",
Bulgaria

Conference participant,
National championship
in scientific analytics,
Open European and
Asian research analytics
championship

SLAVONIC ANTIQUITIES WITH S AND SH/AN UNIVERSAL UNIT OF SACRUM [1] AS AN APPEAL TO COMMONSENSE THROUGH CULTURES

The paper analyses the spiritual and aesthetic messages of the artist Marek Sobczyk whose exposition, containing 15 metal paintings painted over aluminum iron (because it produces sounds and reflects light) with the enigmatic title Slavonic antiquities with S and Sh, represents a powerful stimulus for interdisciplinary quests aiming at active resistance against the global, ideological, and moral crisis of modernity and against discrimination of cultures. The exposition is a unique aesthetic attempt at their overcoming.

Keywords: Slavonic antiquities, art, aesthetics, culture, religion, history, science, symbolism, anthropology.

This introductory draft could turn into a large-scale scientific project resulting in a detailed monograph. The exposition has translated into a unique interactive platform for the artist's efforts, where paintings act not only as references to historical resources, archeological findings and cultural facts, but also as stages where contemporary drama is evolving, and where the spectator is involved in vivid discussions. The dialogue is both indirect, through the aesthetic eloquence of the paintings and through the text as a plastic tool and an integral part in most of them, and direct – through the long titles of most of the paintings and through the verbal evocations of the artist - commentaries (statements) to each of the works. Unfortunately, the required number of pages does not allow for an analysis of the symbolism of the paintings, but I will rather pinpoint the most important aspects in some of them. The thorough specialized analysis could be the subject of another research.

This representational cycle is an appeal to rethinking of and counteracting to the global threat of mind manipulation, of authoritarian speculations with terms and categories, of destructive imperatives, which would inevitably influence their producer. The rich array of associations that Sobczyk's paintings give rise to outline some of the basic markers of global crises:

1. Escalating religious intolerance with the following manifestations:

A/ a massive ideological propaganda against the inconvenient religion that is described by means of extrinsic "sins", human hatred, expansive and hegemonic

aspirations (to keep individuals in fear for their existence);

B/ deliberate attachment of negative spiritual and philosophical nature to the targeted-culture¹ with the aim to bring to the foreground its quasi-destructive strategy that would certainly lead to fatal consequences to the entire humankind;

C/ total discredit of the targeted-religion and denial of its right to existence. However, ascribing a demoralizing strategy in the field of the targeted-religion also breeds demoralization (amoral activities) in the field of the targeting culture;

D/ purposeful distraction of the masses' attention from the significant social and economic troubles and from the real cause for their existence; shifting the centre of importance;

E/ attendance to specific political interests which mask the actual reason for the conflict;

F/ relationship of the targeted-religion with a particular ethnos, i.e. "staining" that ethnos with the religious stigma. This neutralizes any possibility for interethnic tolerance and understanding, it causes imbalance and serious disproportions not only in multiethnic, but also in comparatively homogenous societies;

G/ disguising the weaknesses of the "ideal"-religion² through permanent attacks against the targeted-religion;

H/ speculations with virtues of the targeted-religion, so that they could be corrupted (described with a negative valency). In support of its own rightness, it gives inappropriate examples, inadequate even, analyzed only superficially, partially, and unfairly,

so that it could impose a certain position. Therefore, the personal amoral behavior is being represented as a just attack against "amorality";

I/ speculation, i.e. desemantization and provisional pre-desemantization of terms such as *freedom, democracy, liberalism*, which should justify somebody's unauthorized actions and cover up religious intolerance (religious discrimination). Mockery of religious relics is represented as freedom of speech and press, as a democratic right of every individual, and the protests against it are characterized as extremist acts against that right.

J/ misleading the world that the "ideal"-religion is the most valuable and the most endangered at that. In its act of a potential "victim", it justifies its urgent "counterattack" against the targeted-religion and camouflages its own intentions for expansion.

2. Stagnation of culture and civilization due to religion. It is caused by pretended self-isolation and resistance of own culture towards foreign culture.

3. Practical impossibility for whatever form of cultural dialogue due to religious antagonism.

If modernity stands for understanding, integration through culture and civilization, a psychological tact, ethics, empathy, democracy, tolerance, freedom of thought and art, then it has obviously been destroyed because of the lack of acceptance and repression towards otherness. One of the most efficient ways to counteract is *art*. The major impulse for that exhibition is *conflict*, i.e. the impossibility for reconciliation that with the help of aesthetics Sobczyk turns

1 My provisional term for the religion under attack.

2 My provisional term for the religion who performs the attack.

into miraculous possibility. What means of fight does the artist offer through his paintings:

- unification of people far and beyond on the grounds of common origin, common vision, or because of common cultural ties in particular periods of time.

- active creative participation (cooperation) on the part of the perceiver. The works of the artist represent cultural and aesthetic expeditions down the paths of history, archeology, mythology, religion, symbolism, semiotics, and linguistics, and the viewer is invited to take part, to further develop the artist's invention, to "complete" the painting.

- bringing together various areas of human knowledge in support of the perspective thesis for consolidation and prosperity of humankind.

- syncretism of elements of different order which represent a synesthetic complex as an appeal to intercultural approximation and as a model for ethnic integrity: audiovisual (sound, colour, form), linguistic (verbal, graphic, phonetic), numerological, religiously symbolic, mythological and utilitarian.

- a symbiosis between science, arts and hermeneutics in the perspective of the language as a total creation, as a linguistic universe that keeps all proof for the lack of conflict predisposition.

- the creative and reciprocal power of antinomy which individualizes, specifies, enriches, and accommodates in the perspective of coexistence of opposites.

- a new invention through a new semiotic principle – to represent the image with another name, and not its own, for the needs of visual arts. In the painting *A duck on the table*, the duck is described as an ostrich, i.e. it is both birds at the same time. The analogy to an imaginary prospective integration of ethnicities is obvious. The word *ostrich* (*struś*) in Polish starts with *s* and contains the other letter *ś*. As the artist himself stated, this method confirms and doesn't mislead. The image is confirmed – how the bird actually looked like, the word is also confirmed – what *ostrich* actually means. The paradoxical symbiosis between word and visual image is the result of polyfunctionality of the word: it is simultaneously an

integral "character" of the painting, a stylistic device, a nominative, a semiotic index, and a commutation signal. And the atypical image is as new as is the ancient invention of prehistoric times rediscovered through aesthetic "excavations". The deictic gesture of calling an object with the chosen name (not its own), turns into a symbolic gesture of the beneficial coexistence of opposites; of a multinational unity with total perseverance of ethnocultural characteristics (painting 1).

The partiality towards the similar *s* and *ś*, characteristic for the Slavs (the word *славянство* (*Slav*) starts with *s*, the linguistic unit *слово* (*the word*) – too, and the word *art* in Polish (*sztuka*) starts with *sz*. In Old Bulgarian there were hard and soft consonants, close to present day Polish *sz*, *ś*, *cz*, *ć*, and this could be explained by the search of archetype as a source of cultures and as a symbol of unification. The Slavonic antiquities are becoming the key to understanding all over the globe. Even the so called "barbarianism", as a mark for the smaller peoples that emerged later on the historic scene, is more of a symbol of eternal youth and of a cyclic rebirth rather than of the lack of civilized attitude. It is a repository for the ancient memory of the prehistory of man and for the demiurgic power of the Word.

- recollection and reconstruction of the initial meaning of the word *civilization* according to the interpretation of Adam Mickiewicz. Civilization is not just a technological advancement, but a merited citizenship, and it signifies loyalty and self-sacrifice not only for the country, but also for all the people around the world: "*And the world is like a Country, and its people like all the people. World depends on the people who believe and who are filled with love!*" (Mickiewicz 1934: 226).

- symbolic representation of the unification through the key letters (*S*) and (*Ś*), which consolidate the entire Slavonic world and also include Persian art (and it starts with *SZ* in Polish – *Sztuka Perska*). That synchronization of allegedly incompatible cultures, evident from the allegorical title, is not an ironic whim of the artist, but his endorsement strategy.

- the relationship between religion and the arts: they function through signs and symbols, they use a metaphorical language, they situate themselves out of time, feeding and inspiring each other. Religion inspires art, gives it new ideas and objectives, it fills art with meaning. In the world of religious sentiment, aesthetic experiences are of utmost importance, therefore, every religion strives to become one with



Painting 1

art. Sometimes even the religious act is a direct outcome of the aesthetic experiences, and some people have taken up faith due to purely aesthetic reasons. Sacral art is treated as an ancillary tool for the transfer of religious truths and it performs an instructive and apologetic function.

– similarity of world myths whose structures and main semantic reference points almost overlap, and the universal need of mythologies, as far as the strive for knowledge, organization and adaptation of the world are universal.

– the points of intersection and the universal spiritual tenets of Christianity and Islam.

– the intimacy of Muslim symbolism with Christian symbolic array and the similarity in the spiritual messages of the two religions (the *painting Holy Shia Family (Święta Rodzina Szyicka)* with the meaningful and harmonic alternation of *S* and *Sh*). (painting 2).

– the symbolism of numbers in both religions that overlaps, completes and resonates.

– the generative and transformative role of languages in a historical perspective (Arabic, Greek, Old Church Slavonic).

– the overlapping and complimentary symbolism of colours in both religions (Christianity and Islam). The green in Sobczyk's art is accepted as a symbol of understanding and oneness of nations.

– the symbolism of letters as the link and the phonetic homophony of phonemic orders (paintings *SLA VS 2005 (Slov vian)*, *Whistling (Świßt Świßt)*). The word "Sla vs" in the title of the painting is divided by an inner caesura and is not hinting on the disunity of Slavs (graphically marked conflict), but is implying (by means of the two letter blocks) the feeling of monumentality, balance and stability, and the enormous potential of Slavs that need to become a guarantee for universal unity. The first half of the Polish word „Slov” is associated with „słowo” (word, language) that would guarantee intimacy, since language is the most effective means of communication. In Bulgarian “Слав” (Slav) is associated with “glory”

(old Slavonic glory), and the Polish word „vian” sends the imagination to „wiano” (dowry) and „wianek” (wreath). The dowry as a form of cultural heritage is going to unite the Slavonic union (and through it, the entire world), which will wear the wreath of glory (painting 3, painting 4).

– the word in the paintings.
– the continuity of the alphabet (Ugarit as an universal unit of culture¹)
– semantic universals, including aesthetic ones.

The short overview of spiritual and aesthetic messages of the artist leads to the following conclusions:



Painting 2



Painting 4



Painting 3

1. The ethno-specificity of different cultures is not a foundation for confrontations and collisions, but a condition for successful integration and mutual enrichment.

2. The expected dialogue between East and West should look as a permanent and natural process, just as it happens in Sobczyk's paintings, and not as an effort to abolish competition on the grounds of ruling ideology.

3. The unique symbiosis between matter, image and word in the artist's paintings, and the correlation between the sciences, addressed as a tool to defeat conflict on the one hand, and the art as a suggestive visual image on the other, represent the specific example for that saving possibility.

4. In the spirit of Polish romantic poet-prophet Mickiewicz, Sobczyk takes his idea, brings us back to prehistoric times in order to find through archaic anthropology the Slavonic archetype, to bring it back to live, to reconstruct it, and present it to the world, so that it could

become a part of the universal cultural paradigm.

5. The words in the artist's paintings are of higher sign value – they are bisemiotic constructs with inner co-semioticity. Their designate is the respective term that they represent, but they also point to the ideological and aesthetic concept of the artist.

6. The symbolic interference in Sobczyk's paintings illustrates the convergent impulses of Slavonic and non-Slavonic cultures, united by the aesthetic union of the artist.

7. As the letters of the alphabet coexist, so does the artist seem to tell us ethnicities and cultures should coexist. Man is an anthropological invariant, a taxonomic entity and how different individuals look with respect to form and colour is irrelevant. Geographic areas of the regional mythologies – part of the psychological prevention of ethnicities – they ought not to be turned into mine fields or into third or fourth worlds.

8. Art as a goodwill ambassador and as a mediator of universal understanding between cultures is a guarantee for achieving it.

References:

1. Bidermann. H.: Бидерман Х. Речник на символите. София: Рива. 2003.
2. Bolshaia...: Большая Советская Энциклопедия. 30 томов. Москва. 1969 – 1978.
3. Chevalier. J., Geerbrandt. A.: Шевалие. Ж., Геербрандт. А. Речник на символите. Том 1– 2. София: Изд. къща „Петриков“. 1995 – 1996.
4. Forstner. D. Świat symboliki chrześcijańskiej. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax. 1999.
5. Kopaliński. W. Słownik mitów i tradycji kultury. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. 1988.
6. Mickiewicz. A. Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego // Dzieła poetyckie. Nowogródek. 1934. S. 219– 237.
7. Turskova. T. : Турскова. Т. Новый справочник символов и знаков. Москва: „Рипол Класик“. 2003.



Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov

International Academy
of Science and Higher Education

Черняк В.И.,
канд. техн. наук, доцент
Национальный горный
университет,
Украина

Участник конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

«СИСТЕМА» И «СИНТАГМА» КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

В работе рассматриваются объективные и субъективные аспекты применения категорий «система» и «синтагма» в познавательной деятельности.

Ключевые слова: система, синтагма, взаимоотношения, пространство состояний, познание.

Subjective and objective aspects of using the categories “system” and “syntagma” in cognitive activity are investigated in the article.

Keywords: system, syntagma, interrelations, state space, cognition.

Только по тем документам, что имеются в свободном Интернет доступе каждый из «поисковиков» (например, Рамблер, Яндекс) выдает примерно 550 млн. ссылок, где встречается русско-, либо украиноязычный вариант «системы» и свыше 200 млн. – англоязычного правописания.

«Система – все и все – система». «Весь окружающим нас мир – обладает системными свойствами» утверждает современная наука. Объявив «все – системой» и приравняв элементы объективной реальности к самому понятию, мы фактически начали «наградить системными свойствами» любой исследуемый объект или явление. Стало «моветоном» не указать в научной публикации, что объект или явление исследованы «системно» либо «с использованием методов системного подхода (системного анализа)». И здесь просматривается аналогия, рассмотренному Умберто Эко применению понятия «структура»:

– «Неумеренное использование структуралистской терминологии в последние годы уже побудило многих объявить сам термин не более чем данью моде и постараться очистить его от переходящих коннотаций*. Но даже и те, кто старается использовать этот термин предельно корректно, часто ограничиваются допущением существования некой “ничейной земли”, широкого поля, в котором применение термина представляется оправданным.

Рассматриваемая в данной работе проблемная ситуация заключается в том, что фактически, мы не можем обозначить четкие грани, которые позволили бы выделить и различать собственно «реальный объект», «реальный объект как систему» и его (их?) модель. Корни проблемы на наш взгляд кроются в том, что многие исследователи «объектов как систем» не уделяют должного значения разнице между «объективным – субъективным» в процессе формализации и дальнейшего исследования «системы».

Среди авторов и «пользователей» множества определений «системы» можно выделить три условные группы мнений.

В группе определений первого типа, как правило, тем или иным явным способом отображается участие субъекта в процессе «работы с системой». Так, например, А.И. Мишенин дает следующее определение «системы»: «Системой называется любой объект, который, с одной стороны, РАССМАТРИВАЕТСЯ как единое целое, а с другой – как множество связанных между собой или взаимодействующих составных частей» [2, с. 11]. По В.Н. Сагатовскому «система это конечное множество функциональных элементов и отношений между ними, ВЫДЕЛЕННОЕ из среды в соответствии с определенной целью в рамках определенного временного интервала» [3].

Ко второй группе можно отнести определения, в которых «присутствие» субъекта выражается в не столь явной форме.

У В.С. Тюхтина, например, «система есть множество связанных между собой компонентов той или иной природы, УПОРЯДОЧЕННОЕ по отношениям, обладающим вполне определенными свойствами; это множество характеризуется единством, которое выражается в интегральных свойствах и функциях множества» [4, с. 296]. В данном случае «упорядоченное» может трактоваться и как «кем-то упорядоченное», так и, например, «упорядоченное в соответствии с фундаментальными законами».

Коллектив авторов из Санкт-Петербурга определяет систему, как «УПОРЯДОЧЕННУЮ совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов (частей), закономерно образующих единое целое, обладающее свойствами, отсутствующими у элементов и отношений, его образующих» [5]. Но, оставляя при этом, возможность объективного ее существования, поясняя, что: «система* существует как некоторое целостное образование только тогда, когда напряженность существенных связей между её частями (элементами) больше, чем напряженность связи их с окружающей средой» [5].

В третьей группе определений опускаются субъективные свойства «системы» и игнорируется необходи-

* Здесь я (У. Эко – прим. автора данной статьи) считаю себя обязанным сослаться на Кребера, поскольку умолчание выглядело бы некорректным. «Понятие «структуры», возможно, не что иное, как уступка моде. Термин со строго конкретным смыслом вдруг, и на целые десять лет, оказывается в центре всеобщего внимания, как например, эпитет «аэродинамический» он благозвучен и его начинают применять, где нужно и где не нужно. Любая вещь, если она не совершенно аморфна, наделена структурой. И, сам по себе термин структура, видимо, решительно ничего не добавляет к тому, что нам уже известно, служа пикантной приправой» (Anthropology, pag. 35) Ср. AAVV, Ust e significafi del termine struttura, Milano, 1965» [1].

мость отображения участия наблюдателя.

Так, Стаффорд Бир констатирует: «в слово «система» вкладывается смысл, отличный от того, в котором его употребляют директор предприятия или азартный игрок. Под этим термином мы будем подразумевать взаимосвязь самых различных элементов. Таким образом, все, состоящее из связанных друг с другом частей, мы будем называть системой. Так, например, игра в бильярд представляет собой систему, в то время как один бильярдный шар не является системой. Автомобиль, ножницы, экономика, язык, слуховой аппарат, квадратное уравнение – все это системы» [6].

Шиян А.А. приводит следующее определение: «системой будем называть совокупность неких универсальных составных единиц – элементов, которые находятся в определенных соотношениях и связях между собой, благодаря чему они составляют некую определенную целостность, неделимость, унитарность. Элементы системы объединены общей функциональной средой (а для социальных и экономических систем – еще и целью функционирования), в рамках которой элементы под действием системных взаимосвязей частично утрачивают свои индивидуальные свойства и приобретают специализацию» [7].

В результате, у «пользователей» второй и третьей группы определенней возникает иллюзия объективной реальности «системы» и она начинает восприниматься как некая «самостоятельная сущность» и соответственно как «объект пригодный для управления ним».

Между тем, еще основатель ОТС (общей теории систем) Бергаланфи Л. указывал на то, что «выделение систем ... определяется нашим «видением» или «восприятием»» [8, с. 30-54.]. Еще более конкретно высказывались Т. Саати: «По существу, система является абстрактной моделью имеющейся в реальности структуры...» [9, с.16] и Ю.И. Черняк, согласно которому «система есть отражение в сознании субъекта (исследователя, наблюдателя) свойств объектов и их отношений в решении задачи исследования, познания» [10].

Фактически, мы можем выделить два аспекта наличия «субъективного» в системных исследованиях.

Первый аспект – это «субъективность выбора системы (ее конкретной структуры, границ, внешней среды) исследователем или наблюдателем».

Второй аспект – это «субъективность отношений внутри самой системы». Рассмотрим для примера взаимоотношения в простой организационной системе: «начальник» – «подчиненный». Пусть имеем два «равных по природным качествам человека». Но фамилия одного «Ротшильд», второго «Голохатко». Одинаково ли мы должны интерпретировать (формализовать) «системы»: 1) «начальник Голохатко – подчиненный Ротшильд» и 2) «начальник Ротшильд – подчиненный Голохатко»?

Пока «системные построения» осуществляются на уровне философских и общетеоретических конструкций (например, в рамках понятий «экономическая система», «техническая система» и т.п.) роль субъективной составляющей еще не так явно обозначается. Но, как только мы переходим к конкретно-прикладным задачам (например, «экономика Украины», «корпорация X» и т.п.), то не учитывая субъективной позиции наблюдателя (например, «правительство или оппозиция») или например, «значение «цены труда» для разных участников корпорации X» может приводить к прямо противоположным результатам решаемых задач.

Каким же образом в системных исследованиях можно учесть тот факт, что сознание субъекта выделяет тот или иной объект реальности и «делает» его системой? Как при этом можно отобразить существующие логические и вещественные взаимосвязи в цепочке «объект – модель – система» и непосредственно «внутри самой системы»?

Обратимся к истокам возникновения «системы», как категории научного познания. Исследуя эволюционные основы системных исследований В.Н. Спицнадель приходит к выводу, что «составляющим понятием «системный анализ», «системная проблема», «системное исследование» является слово «система», которое появилось в Древ-

ней Элладе 2000—2500 лет назад... В античной (древней) философии термин «система» характеризовал упорядоченность и целостность естественных объектов, а термин «синтагма» – упорядоченность и целостность искусственных объектов, прежде всего продуктов познавательной деятельности...» [11]. Т.е. уже первоначально существовала «системная» основа, для отличия природных объектов от тех, в которых «присутствует влияние субъекта», для чего использовался термин «синтагма».

В «Философской энциклопедии» приводятся следующие пояснения к нему: «СИНТАГМА (от греч. σύνταγμα – соединение) – система этических ценностей и принципов (у Эпикура и эпикурейцев). У Гассенди, синтагма – организация философско-этического знания, которое отличается от системы. У Р. Эйкена – жизненная система, выражающая полноту бытия, его целостность» [12]. И хотя в этом источнике указывается, что в философии 20 в. термин не употребляется, тем не менее, он нашел достаточно широкое применение в логико-лингвистических областях научного познания.

В современном «Словаре лингвистических терминов» синтагма определяется как «семантико-синтаксическая единица речи, образуемая группой слов в составе предложения, объединенных в смысловом и ритмомелодическом отношении» [13]. Достаточно образную трактовку «синтагмы» использовал А.Ф. Лосев, определяя ее как смысловую энергию всего предложения [14].

Но множество современных авторов «расширяет лингвистические границы» данного термина. Так, в работе В.Н. Николко приводится следующее: «мы предлагаем большее – использовать термин «синтагма» не только для обозначения речевых конструкций, в которых есть определяемое-определяющее, а для обозначения любого фрагмента мира, в котором присутствует разделенность его элементов на определяющие и определяемые» [15]. При этом он классифицирует синтагмы на идентификационные, гносеологические и социальные. А цели, преследуемые использованием

«синтагмы» определяет Э.А. Тайсина – «отразить устойчивость связей, обеспечивающих целостность, тождественность самому себе некоторого процесса (в данном случае процесса приближения к истине)» [16].

Учитывая вышеуказанное, сформируем следующий подход к решению обозначенной в статье проблемы. Система представляет собой n – мерное пространство состояний взаимоотношений частей объективной реальности (рис. 1). При этом, оси данного пространства образуются на основе синтагм, формируемых субъектами системы (наблюдателями и участниками).

Для собственно «системы» не существует внешней среды, для нее существуют только «надсистема» – такая же система, но она имеет $n+1$ мерность. При системном рассмотрении объекта внешняя среда не имеет никакого влияния на сам объект, поскольку он уже статически «зафиксирован» в мышлении субъекта. Она может влиять только на смены пространства состояний, то есть изменять значение шкалы координат.

Посредством «системы» наблюдатель формализует, фиксирует в уме на какой-то момент времени состояние взаимоотношений между частями любого объекта реальности (объективной (системные отношения) или субъективной (синтагматические отношения)).

Так, в обычном понимании (в двузначной Логике) «Система Управление» – двумерна. Есть элемент, который управляет, – объект А, например «Начальник». И есть элемент, которым управляют, – объект В, например «Подчиненный». С позиции наблюдателя – они имеют одинаковомерные пространства состояний.

Когда множественное число объектов имеет родственные «пространства состояний», оперировать моделями таких отношений мы еще можем. Но как только в такую систему попадает объект (D), который имеет отличающееся от других объектов (А, В, С) «пространство состояний», например «машина», то возникает проблема создания общего «пространства состояний».

Таким образом, Система – это абстракция, образ, модель, которую наш разум использует в процессе мышления. Система – отображает определенную специфику, логический инструментарий нашего сознания при отображении объектов, имеющих сложную конструкцию. Как научная категория «система» обозначает не саму часть объективной реальности, а лишь форму ее абстрагирования, способ формализации объекта. Способ таковой, каковым, допустим, в физике реальный объект формализуется посредством «материальной точки».

Система – это своего рода «объем материальных точек». А «материальная точка» является в свою очередь «единичным структурным элементом» системы.

В процессе эксперимента Материальная точка – «формализует» физический объект – атом, тело (физическое). Но обязательным условием такого физического эксперимента, является то, что по его окончанию мы должны обязательно вернуться к реальному физическому объекту. «Материальной точке – «космический корабль» мы экспериментально можем придавать бесконечно большие скорости и ускорения. Но если мы не будем, учитывать, что у «реального» космического корабля существуют технические скоростные пределы, то ценность полученных результатов будет 0.

Это же самое правило сохраняется и для системы. Мы можем «приписывать системе» какие угодно свойства, моделировать их, но если имеется «заявление» на «самоорганизацию в экономической системе», то оно должно и объяснять «кто куда бежит» и «что куда перемещается» под воздействием ее механизмов в реальной экономической ситуации.

Но, как к сожалению, иногда бывает у физиков, что они перестают за «материальными точками», так и пользователи системного подхода и системного анализа в прикладных

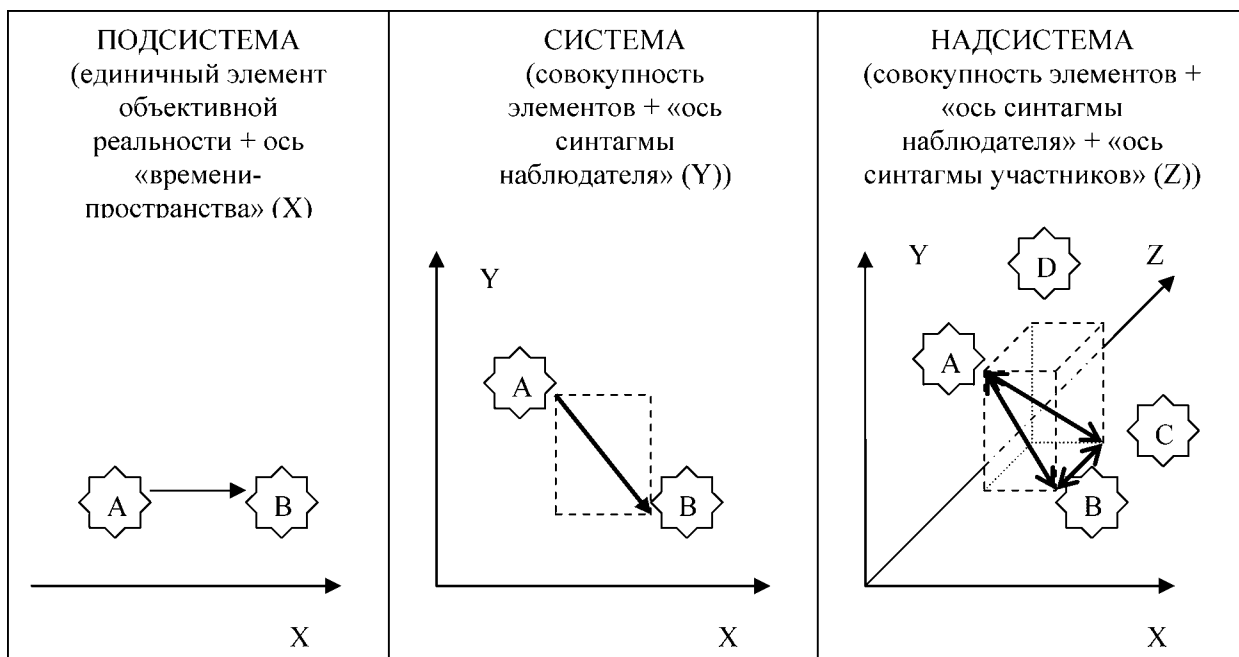


Рис. 1. Пространство состояния взаимоотношений в «системе»

исследованиях, зачастую «забывают» возвращать «системы» в реальную жизнь – пространство значений и смыслов.

Дальнейшее исследование предполагает выделение, классификацию и исследование типологии систем в рамках различных форм сознания: Системы индивидуального сознания, Системы группового сознания, Системы массового сознания.

Литература:

1. Эко У. «Отсутствующая структура. Введение в семиологию». – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
2. Мишенин А.И. Теория экономических информационных систем: Учебник. – 4-е изд., доп. и перераб. – М.: Финансы и статистика, 1999. – 240 с.
3. Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск. 1973. – 431 с.
4. Тюхтин В.С. Отражение, системы, кибернетика. – М.: Наука, 1972. – 255 с.
5. Менеджмент [Текст]: учебное пособие / Ю.В. Кузнецов, В.И. Подлесных, В.В. Абакумов и др.; Ред.

Ю.В. Кузнецов, В.И. Подлесных; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный институт точной механики и оптики (Технический университет), Санкт-Петербургская государственная инженерно-экономическая академия. – СПб.: Бизнес-пресса, 2001. – 432 с.

6. Бир Ст. Кибернетика и управление производством. / Пер. с англ. В. Я. Алтаева. – М.: Наука, 1963. – 276с. В новом издании: Кибернетика и менеджмент = Cybernetics and Management / Стаффорд Бир; пер. англ. В. Алтаев. – [М.]: КомКнига, 2011. – 280 с.

7. Шиян А.А. Экономическая кибернетика: Введение в моделирование социальных и экономических систем. Электронный ресурс. / А.А. Шиян. 129 с. Режим доступа: <http://www.socotech.narod.ru/Texts/ek.zip>

8. Бергаланфи, Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов. – В кн.: Системные исследования, Ежегодник, М.: – Наука, 1969. – 201 с.

9. Саати Т. Принятие решений, методы анализа иерархии. Пер. с англ. М.: Радио и связь, 1993. – 320 с.

10. Черняк Ю.И. Анализ и синтез

систем в экономике. – М.: Экономика, 1970. – 151 с.

11. Спицнадель В.Н. Основы системного анализа: Учеб. пособие. – СПб.: «Изд. дом «Бизнес-пресса», 2000 г. – 326 с.

12. Философская энциклопедия [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://eearchiv.ru/filosofskaya_entsiklopediya/page/sintagma.7191

13. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://russo.com.ua/slovar_lingvisticheskikh_terminov/page/sintagma.1371

14. Лосев А.Ф. Философия имени / Самое само: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1024 с.

15. Николко, В.Н. Теория определений: уч. пос. по логике для студентов всех форм обучения/ В.Н. Николко; рец. И.И. Кальной, рец. А.П. Цветков; М-во образования и науки Украины, ТНУ им. В.И. Вернадского, Каф. философии. – Симферополь, 2002. – 80 с.

16. Очерки новой гносеологии. В 4-х ч. Очерк I. Основная синтагма: наложение принципов систематизации философского знания / Э.А. Тайсина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2009. – 117 с.



INTERNATIONAL ACADEMY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION

International Academy of Science and Higher Education (IASHE, London, UK) is a scientific and educational organization that combines sectoral public activities with the implementation of commercial programs designed to promote the development of science and education as well as to create and implement innovations in various spheres of public life.

Activity of the Academy is concentrated on promoting of the scientific creativity and increasing the significance of the global science through consolidation of the international scientific society, implementation of massive innovative scientific-educational projects.

While carrying out its core activities the Academy also implements effective programs in other areas of social life, directly related to the dynamics of development of civilized international scientific and educational processes in Europe and in global community.

Issues of the IASHE are distributed across Europe and America, widely presented in catalogues of biggest scientific and public libraries of the United Kingdom.

Scientific digests of the GISAP project are available for acquaintance and purchase via such world famous book-trading resources as amazon.com and bookdepository.co.uk.

GISAP Championships and Conferences

September - December 2013

Branch of science	Dates	Stage	Event name
SEPTEMBER			
Pedagogical Sciences	26.09-01.10	III	Forming and qualitative development of modern educational systems
Economics, Law and Management	26.09-01.10	III	The state, corporation and individual: correlation of rights, economic interests and ways of their realization
OCTOBER			
Culturology, sports and art history	10.10-15.10	III	Place of the cultural heritage, art and conception thinking in the modern information-oriented society
Historical and philosophical sciences	10.10-15.10	III	Yesterday-today-tomorrow: historical and philosophical comprehension as the basis of the scientific world view
Biological, veterinary and agricultural sciences	24.10-29.10	III	Issues of conservation and reproduction of the consumed biological resources
Medicine and pharmaceuticals	24.10-29.10	III	Medical and pharmacological resources and a healthy life-style as means of the quality and length of human life increasing
NOVEMBER			
Philological Sciences	07.11-12.11	III	Language means of preservation and development of cultural values
Psychological Sciences	07.11-12.11	III	Development of modern psychology in a conditions of a permanent social crisis
Sociological, Political and Military Sciences	21.11-26.11	III	The necessity, admissibility and adequacy of measures for overcoming socio-political crises of modern society
DECEMBER			
Technical sciences, Construction, Architecture	05.12-10.12	III	The development of technical sciences, building sciences and architecture in the context of the needs of society alteration
Earth and Space Sciences	19.12-24.12	III	A particular case in conditions of limitlessness: Earth in the vast Universe
Physics, Mathematics, Chemistry	19.12-24.12	III	From the lever to the Higgs boson: dynamics of development and actual issues of Physics, Mathematics and Chemistry



International Academy of Science and Higher Education (IASHE)

1 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom

Phone: +442032899949

E-mail: office@gisap.eu

Web: <http://gisap.eu>